РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
FAR EASTERN BRANCH
INSTITUTE FOR COMPLEX ANALYSIS OF REGIONAL PROBLEMS

S.N. Mishchuk

MIGRANTS AND HOST COMMUNITY: REGIONAL ASPECT

(the Far East of Russia set as an example)

Birobidzhan
ICARP FEB RAS
2014

С.Н. Мищук

МИГРАНТЫ И ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

(на примере Дальнего Востока России)

Биробиджан
ИКАРП ДВО РАН
2014

УДК 314.7(571.6)
ББК 60.73
М 71

Ответственный редактор:
Л.Е. Бляхер, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой философии и культурологии, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
Рецензенты:
Н.П. Неклюдова, к.э.н., ИЭ УрО РАН, г. Екатеринбург
С.А. Соловченков, к.с.н., ИКАРП ДВО РАН, г. Биробиджан

Мищук С.Н.

МИГРАНТЫ И ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (на примере Дальнего Востока России). – Биробиджан: Изд-во ИКАРП ДВО РАН, 2014. – 218 с.

ISBN 978-5-904121-11-2

Монография посвящена теоретическим и практическим вопросам взаимодействия мигрантов и принимающего общества. В теоретической части описаны стратегии принимающего сообщества и стратегии мигрантов в отношении друг друга. Большое внимание уделено оценке роли этнического предпринимательства в процессе адаптации мигрантов к новому социуму.

В эмпирической части представлены результаты исследований, проведенных автором на территории южных субъектов Дальнего Востока России. Рассматривается роль миграционных процессов в развитии принимающих сообществ, в том числе влияние китайской миграции на социально-экономическую ситуацию в регионе, условия становления и функционирования этнического предпринимательства как формы адаптации мигрантов.

Исследование основано на статистических данных, научной литературе, социологических исследованиях. Монография рекомендуется студентам, аспирантам, ученым и всем интересующимся вопросами взаимодействия мигрантов и принимающих сообществ.

Ил. 17, табл. 19, библ. 294.

Ключевые слова: Дальний Восток России, миграция, этническое предпринимательство, местное население, этнические связи, адаптация, социальное самочувствие мигрантов.

Карта: *Д. Фетисов*

Издание осуществляется при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, МК-4317.2013.6 «Миграционные процессы и формирование этнического предпринимательства на юге Дальнего Востока России».

© Мищук С.Н., 2014
© ИКАРП ДВО РАН, 2014

Managing editor:
Blyakher L.E., Ph.D., Professor, Head of the subdepartment on philosophy
and cultural studies, Pacific National University, Khabarovsk
Reviewers:
Neklyudova N.P., Ph.D. in Economics, Institute of Economics,
the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg
Solovchenkov S.A., Ph.D. in sociological sciences, ICARP FEB RAS, Birobidzhan

Mishchuk S.N.

MIGRANTS AND HOST COMMUNITY: REGIONAL ASPECT (the Far East of Russia set as an example). – Birobidzhan: Publishing house ICARP FEB RAS, 2014. – 218 p.

ISBN 978-5-904121-11-2

The monograph is devoted to theoretical and practical aspects of migrants' and host society interaction. The theoretical part describes the strategies of the host community and migrants' strategies in respect to each other. Much attention is paid to evaluating the role of ethnic entrepreneurship in the process of migrants' adaptation in the new society.

The empirical part presents the results of the research conducted by the author on the territory of southern sub-federal units of the Far East of Russia. The role of migration processes is examined in the development of host communities, including the influence of Chinese migration on the socio-economic situation in the region, ethnic entrepreneurship formation and functioning conditions as a form of migrants' adaptation.

The study is based on statistical data, scientific literature and sociological studies. The monograph is recommended for students, post-graduate students, scientists and all the people interested in the issues of migrants' and host communities' interaction.

Il.17, tabl. 19, bibl. 294.

Key words: the Far East of Russia, migration, ethnic entrepreneurship, local population, ethnic ties, adaptation, social well-being of migrants.

Map: *D. Fetisov.*

The edition is carried out under support of the Grant of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists, Ph.D., MK-4317.2013.6. "Migration processes and ethnic entrepreneurship development in the south of the Far East of Russia".

© Mishchuk S.N., 2014
© ICARP FEB RAS, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 8
Глава 1. Характеристика миграционных процессов: изменение территориальных приоритетов, обострение социальных проблем 10
Глава 2. Теоретические вопросы изучения и оценки миграционных процессов 23
2.1. Концепции миграции населения 23
2.2 Феномен миграции в социологических исследованиях 36
2.3. Социальные стратегии в отношении мигрантов со стороны государства, общества 50
2.3.1. Миграционная политика: виды, типология 50
2.3.2. Иммиграция: факторы влияния, отношение местного населения 64
2.4. Социальные стратегии мигрантов 78
2.4.1. Типология стратегий адаптации мигрантов в инокультурном обществе 78
2.4.2. Подходы к оценке уровня интеграции мигрантов 95
2.4.3. Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов: понятие, факторы, стратегии и этапы развития 101
2.4.4. Подходы к характеристике этнического предпринимательства в России 115
Глава 3. Дальний Восток России – типичный регион формирования миграционных сообществ в чужеродном пространстве 121
3.1. Дальний Восток России – территория постоянных миграций 121
3.1.1. Периодизация освоения Дальнего Востока России на основе динамики миграционных процессов 121
3.1.2. Миграция населения на Дальний Восток из стран СНГ 139
3.1.3. Присутствие мигрантов на Дальнем Востоке России: итоги общероссийских и региональных опросов 145
3.2. Предпосылки и особенности развития этнического предпринимательства на Дальнем Востоке России (результаты эмпирических и полевых исследований) 155
3.2.1. Анализ предпосылок и условий развития этнического предпринимательства на Дальнем Востоке России 155
3.2.2. Организация этнического предпринимательства на Дальнем Востоке России в XXI веке: результаты экспертного опроса 164
3.3. Влияние миграционных процессов на развитие приграничного региона (на примере Еврейской автономной области) 181
3.3.1. Периодизация миграционных процессов в Еврейской автономной области 181
3.3.2. Трудовая миграция из Китая в Еврейскую автономную область в конце XX – начале XXIв.: результаты интервью 187
Заключение 197
Список литературы 199

CONTENS

Preface.....8
Chapter 1. Characteristics of migration processes: changes in territorial priorities, aggravation of social problems.....10
Chapter 2. Theoretical issues of study and evaluation of migration processes ...23
2.1. Concept of population migration.....23
2.2 Migration phenomenon in sociological researches.....36
2.3. Social strategies in respect to migrants on the part of the government, society.....50
2.3.1. Migration policy: kinds, typology.....50
2.3.2. Immigration: impact factors, local population attitude.....64
2.4. Migrants' social strategies.....78
2.4.1. Migrants' adaptation strategies typology in another cultural society.....78
2.4.2. Approaches to assessing the level of migrants' integration 95
2.4.3. Ethnic entrepreneurship as a form of migrants' adaptation – concept, factors, strategies and development stages 101
2.4.4. Approaches to ethnic entrepreneurship characteristics in Russia.....115
Chapter 3. The Far East of Russia – typical region for migrant communities formation on the foreign territory.....121
3.1. The Far East of Russia – the territory of permanent migrations.....121
3.1.1. Periodization of the Far East of Russia development on the basis of migration processes' dynamics.....121
3.1.2. Population migration to the Far East from the CIS countries 139
3.1.3. Migrants' presence on the Far East of Russia: results of all-Russian and regional surveys.....145
3.2. Background and features of ethnic entrepreneurship development in the Far East of Russia (empirical and field researches results) 155
3.2.1. Analysis of the background and conditions of ethnic entrepreneurship development in the Far East of Russia.....155
3.2.2. Organization of ethnic entrepreneurship in the Far East of Russia in XXI century: expert survey' results.....164
3.3. Migration processes' impact on the developmentof the border region (the Jewish Autonomous Oblast set as an example)....181
3.3.1. Migration processes' periodization in the Jewish Autonomous Oblast.....181
3.3.2. Place of labor migration from China in the development of the Jewish Autonomous Oblast: interviews' results.....187
Afterword.....197
Reference list 199

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа представляет собой результаты исследований автором различных аспектов миграционных процессов на Дальнем Востоке России. В 2009–2014 гг. отдельные аспекты данного исследовательского направления были поддержаны Грантами Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, а также Дальневосточным отделением Российской академии наук.

В монографии рассмотрены классификации стратегий поведения принимающих стран по отношению к международным мигрантам как в России, так и за рубежом. Не меньшее внимание уделено оценке сложившихся стратегий поведения мигрантов, направленных на их адаптацию в новом принимающем социуме. В силу возрастающих миграционных потоков и всё большей значимости интеграционных процессов в работе обосновывается точка зрения о необходимости развития этнического предпринимательства как эффективной формы адаптации мигрантов.

Для выявления особенностей географической структуры миграционных потоков, их влияния на национальный состав населения принимающего региона представлена периодизация динамики миграционных процессов на Дальнем Востоке России с конца XIX века по 2012 г. Особое внимание уделено современному этапу (с начала 1990-х гг.), для которого характерно формирование двух миграционных потоков – внутрироссийского и международного. Именно в это время происходит усиление международных экономических связей дальневосточных территорий с приграничными провинциями Китая, а также возрастает число мигрантов из стран СНГ. Обозначенные тенденции определили идею данной книги. Рассмотрены различные аспекты осуществления трудовой деятельности международных мигрантов в дальневосточных субъектах России. Были использованы разнообразные статистические данные, экспертные оценки, материалы прессы и научной литературы.

Были проведены оригинальные качественные исследования. В частности, в 2009 г. были взяты 13 глубинных интервью у представителей власти и бизнеса Еврейской автономной области, деятельность которых непосредственно связана с регулированием или использованием иностранной рабочей силы из Китая. Интервью позволили оценить степень влияния международного взаимодействия, в том числе применения трудовых мигрантов, на социально-экономическое развитие области.

В 2013 г. проведены глубинные интервью с этническими предпринимателями из Китая и стран СНГ, осуществляющими свою деятельность в южных регионах Дальнего Востока России. Под этническими предпринимателями рассматриваются международные мигранты первого и второго

поколения, проживающие и(или) осуществляющие предпринимательскую деятельность на территории России.

Всего проведено 21 интервью, в которых затрагивались вопросы существования этнических сетей и их влияния на предпринимательскую деятельность респондентов. Исходя из того, что содержание вопросов для интервью было лишь основным направлением для беседы, их продолжительность и структура с каждым предпринимателем была оригинальной и отличалась от других. Выбор респондентов осуществлялся по принципу снежного кома, что являлось единственно возможным способом выхода на доверительную беседу.

В работе показано, что этническое предпринимательство позволяет мигрантам более активно вовлекаться в процесс взаимодействия с представителями принимающего сообщества. Активные контакты в рамках решения экономических вопросов расширяют круг общения предпринимателя, вызывают необходимость следовать правилам поведения и культурным нормам, характерным для нового места проживания. Неограниченный этническими признаками рынок сбыта производимой продукции (или услуг) позволяет активизировать адаптационные процессы не только со стороны самого предпринимателя, но и представителей местного сообщества, для которых со временем наличие данного товара становится нормой. Взаимодействие мигрантов и принимающего социума в экономической сфере не вызывает противоречий и конфликтных ситуаций у обеих сторон, однако, дальнейшее (социально-экономическое) включение «чужих» является более длительным процессом. В значительной степени скорость и степень адаптации мигрантов зависит от их заинтересованности.

Автор выражает глубокую благодарность за поддержку и научные консультации чл.-корр. РАН Е.Я. Фрисману, чл.-корр. РАН С.В. Рязанцеву, д.ф.н. Л.Е. Бляхеру, д.э.н. А.Г. Шеломенцеву, д.с.н., к.э.н. А.И. Кузьмину, д.э.н. О.А. Козловой, к.г.н. Т.М. Комаровой, к.э.н. В.С. Гуревичу.

Глава 1

ХАРАКТЕРИСТИКА МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: ИЗМЕНЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ, ОБОСТРЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Миграция представляет собой сложный комплексный процесс, который, с одной стороны, включает множество объектов взаимодействия. И в то же время влияет на многостороннее (политическое, экономическое, социальное, историческое, культурное и др.) развитие этих объектов. Изменение количественных и качественных показателей миграционных процессов является предметом исследования многих дисциплин, при этом в последние годы назревает необходимость не просто мониторинга ситуации в сфере миграции и прогноза ее количественных параметров, а углубленного и комплексного познания сущности данного процесса, раскрытия его закономерностей и механизмов. Необходимо всестороннее исследование форм и путей социальной интеграции мигрантов и принимающего сообщества, выявление вероятных сценариев развития сложившихся отношений. Такое глубокое понимание позволит разработать комплекс мероприятий направленных на реализацию адекватной миграционной политики.

В условиях глобализации решение демографических проблем, в том числе за счет миграции, становится актуальной темой не только для отдельной страны, но и всего мирового сообщества. Возникновение проблем в части реализации демографической политики (включая миграционную) в одном регионе (стране) приводит к возникновению цепочки действий, затрагивающих интересы других стран. Например, низкий уровень жизни в развивающихся странах приводит к массовой миграции из этих стран в более развитые. В результате проблемы одной страны опосредовано должны решаться другими странами. Обратим внимание, что «глобальные последствия» вызывают не только международные миграции. Внутренняя миграционная ситуация на макро-, мезо- и даже микроуровне впоследствии затрагивает интересы других стран (например, в Китае политика по повышению уровня жизни в сельской местности привела к оттоку трудовых мигрантов из промышленных центров. Это, в свою очередь, привело к нарушению поставок промышленных товаров в зарубежные страны. Военные действия в Таджикистане в начале 1990-х гг. вызвали массовый отток мигрантов, большинство из которых переехали в Россию, где возникла необходимость решения вопроса с беженцами и в целом с взаимо-

действием принимающего сообщества и мигрантов. В настоящее время низкий уровень жизни в ряде центральноазиатских республик приводит к увеличению потока мигрантов в Россию.

Таким образом, в настоящее время миграция является глобальным явлением, так как изменение отдельных показателей в одном регионе влечет за собой необходимость разработки мер по регулированию ситуации в других.

Согласно классификации В. Беннинга выделяются четыре основные типа миграции:

– миграция неквалифицированной и полуквалифицированной рабочей силы для временной работы по контракту;

– миграция для постоянной работы за рубежом и с целью создания рабочих мест;

– циркуляция профессиональных, технических и управленческих работников, бизнесменов и лиц, занятых реализацией заграничных проектов, включая индивидуальную миграцию профессионалов и бизнесменов по собственному усмотрению, передвижение менеджеров и технических специалистов в рамках транснациональных предприятий;

– миграция с целью профессионального образования и практической подготовки, организуемая развитыми странами для продвижения на зарубежные рынки и последующего использования своих технологий[1].

Согласно определению, данному Международной организацией по миграции (IOM), миграция – это «процесс передвижения населения через международную границу либо в пределах страны. Миграция включает передвижение беженцев, перемещенных лиц, выселенных людей и экономических мигрантов»[2].

Особое место на протяжение всего периода развития международных отношений занимает трудовая миграция. Международная трудовая миграция регулируется Конвенцией о защите прав всех трудящихся, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в резолюции № 45/158 от 18 апреля 1990 г., которая определяет термин «трудящийся-мигрант» как лицо, которое будет заниматься, занимается или занималось оплачиваемой деятельностью в государстве, гражданином которого оно не является[3].

Остановимся на территориальных особенностях глобальных миграционных процессов. За последнюю четверть века произошли существенные изменения среди стран – лидеров по числу мигрантов, покинувших их. В

---

[1] Цапенко И. «Ренессанс» экономической миграции на Западе / Миграция в России. 2000–2012 / Под общ ред. И.С. Иванова. М.: Спецкнига, 2013. Т. 1. Ч. 3. С. 186.

[2] Справочник по терминологии в области миграции. Русско-английский. Handbook on Migration Terminology. Russian-English. Международная организация по миграции. 2011. 166 p.

[3] Юдина Т.Н. Социология миграции: к формированию нового научного направления. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2003. С. 311–320.

1990 г. около трети (33%) международных мигрантов родились в Европе. Многие из них переехали еще в период существования Советского Союза и не считались мигрантами. Около трети (34%) международных мигрантов в 1990 г. родились в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе многие на индийском субконтиненте и странах высокой эмиграции, таких как Китай и Филиппины.

Оставшаяся треть мигрантов в 1990 г. родились в Латинской Америке – в странах Карибского бассейна (11%), к югу от Сахары (10%) и странах Ближнего Востока и Северной Африки (7%). Большая часть движения мигрантов в этих регионах происходила через близлежащие границы (например, миграция мексиканцев в США).

Но глобальное изменение истоков мигрантов началось в 1990-х гг. Большее число мигрантов, родившихся в Азиатско-Тихоокеанском регионе, уехало с целью трудоустройства в странах Ближнего Востока, Европы и Северной Америки. К 2013 г. 9,3 млн. людей, родившихся в Китае, и 5,5 млн. – на Филиппинах, проживали за рубежом. Однако в рейтинге стран по числу эмигрантов в 2013 г. Индия вышла на первое место (14,2 млн. человек).

Движение из стран Латинской Америки и Карибского бассейна в США также увеличилось в период с 1990 по 2013 гг. Таким образом, к 2013 г. возросла доля мигрантов из стран Латинской Америки и Карибского бассейна (16%). Одним из ярких примеров является огромный рост числа мексиканских иммигрантов в США. За период с 1990 по 2013 гг. число международных мигрантов, роившихся в Мексике, увеличилось с 5 млн. до более чем 13 млн. человек.

В то же время сохраняется сокращение доли мигрантов из Европы. В 2013 г. она составила 26%, что явилось результатом не только уменьшения потока мигрантов, но и старением населения.

В целом нужно подчеркнуть, что рейтинг стран по числу мигрантов в значительной мере обусловлен не только экономическими предпосылками, но и особенностями политических, социальных процессов, происходящих в мире. Каждая историческая эпоха имеет своих лидеров, которые могут менять свои позиции во времени. Рейтинг стран по числу эмигрантов на 2013 г. представлен в таблице 1.

Согласно прогнозам международная мобильность в будущем будет выступать одним из важнейших факторов жизнеспособности экономической деятельности стран. В течение 15 лет в большинстве стран мира будет происходить снижение численности рабочей силы при устойчивом старении населения.

Таблица 1

Страны – лидеры по числу эмигрантов, рожденных на территории страны исхода, млн

Страна	1990 г.	Страна	2013 г.
Россия	12,7	Индия	14,2
Афганистан	7,3	Мексика	13,2
Индия	6,8	Россия	10,8
Бангладеш	5,6	Китай	9,3
Украина	5,6	Бангладеш	7,8
Мексика	5,0	Пакистан	5,7
Китай	4,1	Украина	5,6
Великобритания	4,1	Филиппины	5,5
Пакистан	3,6	Афганистан	5,1
Италия	3,5	Великобритания	5,0

Источник: составлено автором по данным[4, 5].

Германия может потерять 5 млн. экономически активного населения в ближайшие десять лет, потери на рынке труда в Российской Федерации ежегодно составляют около 1 млн человек.

Японская рабочая сила сократится на 37% в течение ближайших 25 лет. Недавнее исследование говорит, что Швейцарии понадобится 400 тыс. дополнительных работников к 2030 г., Катару – 1 млн дополнительной рабочей силы до 2020 г. Не менее важным процессом является сокращение рабочей силы в Китае (одном из основных поставщиков мигрантов) – на 126–180 млн. человек менее чем за 20 лет.

Достигли с нулевого темпа роста населения или находятся рядом Алжир, Азербайджан, Аргентина, Бразилия, Колумбия, Индонезия, Иран, обе Кореи, Ливан, Маврикий, Мексика, Марокко, Перу, Катар, Саудовская Аравия, Сингапур, Тунис, Турция, Вьетнам, ОАЭ. Тунис достиг его 7 лет назад[6].

В настоящее время происходит изменение территориальной структуры потоков мигрантов: основными странами исхода международных мигрантов являются азиатские и латиноамериканские страны, или страны Гло-

[4] United Nations Department of Economic and Social Affairs. 2013. 6 p.

[5] Trends in International Migrant Stock: The 2013 revision – migrants by destination and origin. 2013. 17 p.

[6] Patrick Taran. Decent Work for Migrant Workers: Rights & Justice in a Globalized World Order Crisis, Migration & Precarious Work global migration Policy associates. 2012. URL: http://www.mrci.ie/wp-content/uploads/2012/10/Decent-Work-for-Migrant-Workers.-Rights-and-Justice-in-a-Globalized-World-Order.-MRCI-2012.pdf (дата обращения: 20.09.2013).

бального Юга[7, 8].

Это означает, что в течение ближайших 15 лет конкуренция за наиболее важный экономический ресурс – труд – будет усиливаться. Исходя из обозначенных перспектив, необходимо создавать условия, позволяющие стране выигрывать в этой конкурентной борьбе и привлекать необходимое число мигрантов. Не менее важным аспектом является процесс закрепления иммигрантов – защита их прав и интересов при одновременном сохранении интересов принимающего сообщества.

Значимым вопросом остаются межстрановые различия критериев отнесения лиц к мигрантам. Возникает проблема между определением гражданства и местом рождения резидента. Натурализация «переводит» лиц, родившихся за рубежом, в граждан страны приема, в результате чего они уже не учитываются в статистике.

И наоборот, дети мигрантов, родившиеся в стране приема («второе поколение» мигрантов) классифицируются как мигранты. Третья группа мигрантов, наименее поддающаяся учету, – нелегальные мигранты («undocumented», «irregular» immigrants, «illegal immigrants»). Для нее характерны более высокие темпы роста, нежели законной миграции, что связано проводимой ограничительной миграционной политикой большинства стран[9].

Таким образом статистический учет мигрантов не может претендовать на абсолютную точность данных.

В соответствии с формулировкой, принятой Отделом Организации Объединенных Наций в области народонаселения, международный мигрант – это тот, кто живет в течение одного года или дольше в стране, отличной от той, в которой человек родился. К категории международных мигрантов относятся иностранные работники, иностранные студенты, беженцы и их потомки[10].

Несмотря на отсутствие точных данных, неоспоримым является факт постоянного роста числа мигрантов в мире (табл. 2).

---

[7] По данным Организации Объединенных Наций, Глобальный Юг определяется как совокупность развивающихся стран, или всех стран, кроме Австралии, Новой Зеландии, Японии и стран Северной Америки и Европы. Страны Глобального Юга находятся в Южном и Северном полушариях.

[8] Phillip Connor, D'Vera Cohn and Ana Gonzalez-Barrera. Changing Patterns of Global Migration and Remittances More Migrants in U.S. and Other Wealthy Countries; More Money to Middle-Income Countries [Электронный ресурс]. 2013. URL: http://www.pewsocialtrends.org/2013/12/17/changing-patterns-of-global-migration-and-remittances/3/ (дата обращения: 10.01.2014).

[9] Russell King. Theories and typologies of migration: an overview and a primer / Willy Brandt series of working papers in international Migration and ethnic Relations. Malmö Institute for Studies of Migration, Diversity and Welfare (MIM), Malmö University. 2012. N. 3. 48 p.

[10] International Migrants by Country. 2013. URL: http://www.pewsocialtrends.org/2013/12/17/migration-tables/ (дата обращения: 22.12.2013).

Таблица 2

Среднегодовая численность мигрантов, чел.

Регион	Среднегодовая численность мигрантов, чел.			
	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2013 г.
Мир	154 161 984	174 515 733	220 729 300	231 522 215
Более развитые регионы	82 306 645	103 388 690	129 737 280	135 583 436
Менее развитые регионы, в том числе	71 855 339	71 127 043	90 992 020	95 938 779
наименее развитые страны	10 922 472	10 240 044	10 181 518	10 958 217
Менее развитые регионы за исключением наименее развитых стран	60 932 867	60 886 999	80 810 502	84 980 562

Источник: составлено автором по данным[11, 12].

Максимальный показатель доли мигрантов в общей численности населения характерен для наиболее развитых стран (10,8% в 2013 г. при среднем показателе по миру 3,2%), среди которых лидируют ряд европейских стран (Монако, Люксембург, Андорра), также Австралия, Новая Зеландия, Канада и др. (табл. 3).

Таблица 3

Доля международных мигрантов в процентах от общей численности населения (оба пола), %

Регион	Международных мигрантов в процентах от общей численности населения (оба пола)			
	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2013 г.
Мир	2,9	2,8	3,2	3,2
Более развитые регионы	**7,2**	**8,7**	**10,5**	**10,8**
Менее развитые регионы	**1,7**	**1,4**	**1,6**	**1,6**
Африка	2,5	1,9	1,6	1,6
Азия	1,6	1,4	1,6	1,6
Восточная Азия	10,7	10,3	13,5	13,5
Европа	6,8	7,7	9,3	9,8
Восточная Европа	9,2	11,1	12,3	12,7
Латинская Америка и страны Карибского бассейна	1,6	1,2	1,4	1,4
Северная Америка	9,8	12,8	14,8	14,9
Океания	17,3	17,3	20,0	20,7
Австралия и Новая Зеландия	21,5	22,0	26,2	27,3

Источник: составлено автором по данным[11, 12].

[11] United Nations Department of Economic and Social Affairs. 2013. 6 p.

[12] Trends in International Migrant Stock: The 2013 revision – migrants by destination and origib. 2013. 17 p.

По данным Международной организации труда около 90% от общего числа мигрантов в мире относятся к трудовым[13, 14].

В настоящее время основные потоки мигрантов направлены из наименее развитых стран в развивающиеся или в развитые (65% от общего потока мигрантов), а доля мигрантов из развитых стран составляет 35%.

Интересно отметить, что доля мигрантов по странам происхождения относительно равномерно распределена между тремя типами движения. Вопреки распространенному мнению международная миграция из бедных развивающихся стран («Юг») в богатые развитые страны («Север») составляет лишь чуть более трети из мировой миграции. Направление миграции «Юг-Юг» между развивающимися странами составляет почти такую же долю, и доля миграции между развитыми странами («Север-Север») – немногим меньше 30%.

Максимальные объемы миграции в рамках «Юг-Север» концентрируются в пределах Европы и США, в то время как миграция «Север-Север» в основном происходит в Европе и по всей Атлантике. При этом наибольшая доля мигрантов сконцентрирована в развивающихся странах (табл. 4).

Таблица 4

Направления международной миграции, 2005 г.[14]

Тип регионов	Число мигрантов, млн	Доля мигрантов от общего потока мигрантов, %
Юг-Юг	61	32
Юг-Север	63	33
Север-Север	54	28
Север-Юг	14	7
Всего	192	100

По данным Всемирного банка, около половины всех мигрантов из развивающихся стран проживают в других развивающихся странах и почти 80% миграции в рамках направления «Юг-Юг» происходит между сопредельными странами. Например, отмечалось активное перемещение рабочих из Буркина-Фасо в Кот-д'Ивуар, из Египта в Иорданию, из Гаити в Доминиканскую Республику, из Индонезии в Малайзию, из сопредельных стран в Аргентину. Многие страны являются странами выбытия и приема мигрантов. Канада, например, является традиционным местом для мигрантов, в то же время из Канады уезжает много мигрантов, особенно высоко-

[13] Patrick Taran. Decent Work for Migrant Workers: Rights & Justice in a Globalized World Order Crisis, Migration & Precarious Work global migration Policy associates. 2012. URL: http://www.mrci.ie/wp-content/uploads/2012/10/Decent-Work-for-Migrant-Workers.-Rights-and-Justice-in-a-Globalized-World-Order.-MRCI-2012.pdf (дата обращения: 20.09.2013).

[14] International labour migration. A rights-based approach Geneva, International Labour Office. 2010. 303 p.

квалифицированных специалистов, в США. Подобные явления возникли и в Азии. Так, в Таиланде отмечается приток малоквалифицированных иммигрантов из Камбоджи, Лаосской Народно-Демократической Республики и Мьянмы, при встречном потоке мигрантов в Израиль, Республику Корея и Тайвань (Китай).

В целом за последние три года число мигрантов в мире сократилось, что обусловлено сокращением темпов роста числа мигрантов в более развитых странах. В тоже время отмечается устойчивый рост численности мигрантов в наименее развитых странах (табл. 5).

Таблица 5

Темпы изменения численности мигрантов, %

Регион	Годовые темпы изменения численности мигрантов, %		
	1990–2000 гг.	2000–2010 гг.	2010–2013 гг.
Мир	1,2	2,3	1,6
Более развитые регионы	2,3	2,3	1,5
Менее развитые регионы, в том числе	-0,1	2,5	1,8
наименее развитые страны	-0,6	-0,1	2,5
Менее развитые регионы за исключением наименее развитых стран	0,0	2,8	1,7

Источник: составлено автором по данным[15, 16] .

В новом обзоре Всемирного банка «Перекрестная миграция»[17] обосновываются выгоды миграции отдельных категорий населения из развитых стран в менее развитые (проживание пенсионеров за рубежом, получение медицинских услуг, миграция специалистов в быстро развивающиеся страны третьего мира, получение образования). Например, при постоянно возрастающем числе пенсионеров и росте необеспеченных пенсионных обязательств в США, с одной стороны, и в три раза большей покупательной способности одного доллара США в Таиланде, с другой стороны, проживание американских пенсионеров в менее развитых странах является одним из возможных путей взаимовыгодного миграционного сотрудничества в направлении «Север-Юг». В 2011 г. насчитывалось около 567 тыс. бенефициаров, проживающих за рубежом. Четверть всех американских пенсионеров, проживающих за рубежом, сосредоточены в развивающихся странах.

---

[15] United Nations Department of Economic and Social Affairs. 2013. 6 p.

[16] Trends in International Migrant Stock: The 2013 revision – migrants by destination and origib. 2013. 17 p.

[17] Mattoo A., Subramanian A. Criss-Crossing Migration Policy Research Working Paper 6539. The World Bank. Development Research Group Trade and International Integration Team. 2013. 22 p.

Не менее важным аспектом является получение медицинских услуг в слабо развитых странах. При сохранении современных темпов роста потребности медицинской помощи доля данной статьи расходов будет постоянно увеличиваться. При этом стоимость предоставления сопоставимых по качеству услуг в развивающихся странах ниже, что может привести к значительной экономии расходов на медицинские услуги. Специалисты Всемирного банка отмечают, что даже если только один из десяти пациентов, нуждающихся в одной из 15 стандартных операций с низким риском возможных осложнений, будет прооперирован за рубежом, то годовая экономия для Соединенных Штатов будет составлять $ 1,4 млрд. Новым направлением в связи экономическим кризисом является трудовая миграция квалифицированных специалистов по направлению «Север-Юг».

Поток мигрантов из Испании, наиболее сильно пострадавшей от кризиса, возрос со 100 тыс. человек в первой половине 2000-х гг. до 500 тыс. человек в 2011 г. Из общего потока испанских мигрантов около 30% переехали в Южную Америку и более 25% – в страны Африки и Азии.

Поток мигрантов из Португалии ориентирован на португалоговорящие регионы. Количество разрешений на работу в Бразилии для португальцев в 2012 г. составило около 328 тыс. человек, при показателе в 2011 г. всего 50 тыс.

Качество образования в развивающихся странах растет и является более доступным, нежели в развитых. При условии стандартизации образования в ряде стран получение качественного образования будет более доступным[18].

По результатам опросов Gallup World Poll, включающих 25 тыс. мигрантов первого поколения и 442 тыс. родившихся детей мигрантов в странах приема, проводившегося в 150 странах с 2009 по 2011 гг., наибольшие трудности возникают у мигрантов в направлениях «Юг-Юг» и «Север-Юг». Данная ситуация, вероятно, объясняется высокой стоимостью жилья и относительно низким уровнем доходов в странах группы «Юг».

Более благоприятная ситуация с точки зрения возможностей у мигрантов удовлетворить потребности в приобретении пищи и жилья отмечается в странах «Севера», при максимальных возможностях у мигрантов, перемещающихся в направлении «Север-Север». Результаты исследования представлены в таблице 6. Исходя из большого числа респондентов и длительного периода исследования авторы выделили три категории респондентов: уроженцы (граждане страны), долгосрочные мигранты (проживающие в стране приема более 5 лет), краткосрочные мигранты (прожи-

[18] Mattoo A., Subramanian A. Criss-Crossing Migration Policy Research Working Paper 6539. The World Bank. Development Research Group Trade and International Integration Team. 2013. 22 p.

вающие в стране приема менее 5 лет)[19].

Таблица 6

Результаты ответов на вопрос «Были ли в последние 12 месяцев случаи, когда у вас не было достаточного количества денег, чтобы 1) купить еду себе или своей семье, 2) обеспечить адекватным жильем или домом себя и свою семью?»[20]

Направление миграции	Недостаточно средств для покупки еды	Недостаточно средств для покупки жилья
	%	%
Север-Север		
Местные жители	11	8
Долгосрочные мигранты	12	7
Краткосрочные мигранты	17	22
Север-Юг		
Местные жители	22	19
Долгосрочные мигранты	23	22
Краткосрочные мигранты	33	21
Юг-Север		
Местные жители	11	8
Долгосрочные мигранты	17	14
Краткосрочные мигранты	28	19
Юг-Юг		
Местные жители	22	19
Долгосрочные мигранты	28	27
Краткосрочные мигранты	34	27

Не менее важным показателем расширения миграционных связей является рост денежных переводов мигрантов. По оценкам Всемирного банка, в 2012 г. официальные денежные переводы в развивающиеся страны составили более 400 млрд. долл. США, превысив уровень предыдущего года на 6,5%[21].

В 2013 г. ожидаемый общий объем денежных переводов составит 550 млрд. долл. США и более 700 млрд. долл. США к 2016 г. По прогнозам, развивающиеся страны получат 414 млрд. долл. США в денежных переводов мигрантов, увеличившихся на 6,3% по сравнению с предыдущим годом. К 2016 г. их объем достигнет 540 млрд. долл. США.

[19] Esipova N., Ray J., Pugliese A. New Migrants Struggle to Afford the Basics. Many migrants' financial situations improve with time. 2013. URL: http://www.gallup.com/poll/164429/worldwide-new-migrants-struggle-afford-basics.aspx?utm_source=alert&utm_medium=email&utm_campaign=syndication&utm_content=morelink&utm_term=All%20Gallup%20Headline (дата обращения: 28.12.2013).

[20] Gallup World Poll. 2009–2011.

[21] Wasnhington D.C. World Bank. Migration and remittances factbook. 2011.

Наибольшие объемы официально зарегистрированных денежных переводов в 2013 г. зарегистрированы в Индии (по оценкам, 71 млрд. долл. США), Китае (60 млрд. долл. США), на Филиппинах (26 млрд. долл. США), в Мексике (22 млрд. долл. США), Нигерии 21 млрд. долл. США) и Египте (20 млрд. долл. США). В качестве других крупных получателей можно отметить Пакистан, Бангладеш, Вьетнам и Украину.

В процентном отношении к ВВП в топ получателей денежных переводов в 2012 г. входили Таджикистан (48%), Кыргызская Республика (31%), Лесото и Непал (25%) и Молдова (24%)[22].

Известно, что переводы по неофициальным каналам значительно превышают официальные. Одной из причин перевода средств нелегально – высокая стоимость отправки денег через официальные каналы. В мире средняя стоимость для отправки денежных переводов составляет 9%, оставаясь неизменной с 2012 г.

Официальные данные подтверждаются данными эмпирических исследований. По результатам социологических исследований, проводимых Центром социальной демографии и экономической социологии совместно с таджикскими учеными, в 2008 г. в г. Худжанде (Таджикистан), 98% домохозяйств получают денежные переводы из России. Родственные «коридоры» денежных переводов являются основными (37% домохозяйств получали денежные средства от супруга, работавшего в России, около 28% – от детей или внуков, около 16% – от родителей).

Многие семьи, проживающие в Таджикистане и других странах Центральной Азии, очень сильно зависят от поступлений трансфертов: для 45% домохозяйств денежные переводы составляют большую часть их дохода, для 39% – почти половину, и для 15% – меньшую часть.

Основным каналом пересылки денег является система денежных переводов (88% трудовых мигрантов пользуются этой системой)[23]. Через формальные каналы 78,5% мигрантов из Кыргызской Республики отправляют денежных переводов[24]. Практически каждая таджикская семья имеет трудового мигранта, что сделало в последние 15–20 лет Таджикистан денежно-переводо-зависимой страной[25].

---

[22] Migrants from developing countries to send home $414 billion in earnings in 2013 [Электронный ресурс]. 2013. URL: http://www.worldbank.org/en/news/feature/2013/10/02/ Migrants-from-developing-countries-to-send-home-414-billion-in-earnings-in-2013 (дата обращения: 20.11.2013).

[23] Рязанцев С.В., Хорие Н. Моделирование потоков трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию. М.: Научный мир, 2011. 192 с.

[24] Кумсков Г. Кыргызстан: развитие потенциала денежных переводов трудовых мигрантов // Международная миграция населения на постсоветском пространстве: двадцать лет удач, ошибок и надежд / Гл. ред. В.А. Ионцев. М.: Верди, 2011. Вып. 25. С. 149–160.

[25] Ульмасов Р. Таджикская миграция: история, последствия и уроки // Международная миграция населения на постсоветском пространстве: двадцать лет удач, ошибок и надежд / Гл. ред. В.А. Ионцев. М.: Верди, 2011. Вып. 25. С. 161–170.

Для жителей Кыргызстана денежные переводы также являются серьезным фактором снижения бедности. В самых бедных домохозяйствах денежные средства используются для удовлетворения повседневных нужд: покупки продуктов и товаров первой необходимости, лекарств. При возможности накопления более крупных сумм переводы используются для покупки дома, квартиры, машины, оплаты обучения и т.д.

В среднем 16% домохозяйств в Кыргызской Республике получают денежные переводы. Более 80% всех денежных переводов поступают из Российской Федерации. Средний размер денежных переводов на получающее домохозяйство в стране составляет $1380 в год – от $1255 в сельской местности до $1865 в Бишкеке.

По расчетам Максаковой Л.П., в Узбекистане доля денежных переводов трудовых мигрантов составляет около 10% от ВВП.

Денежные переводы трудовых мигрантов в большей мере расходуются на текущее потребление семей, что характерно для всех стран Центральной Азии. Однако до 8% выездных заработков становятся источником инвестирования для открытия собственного бизнеса. Немалая часть предпринимателей заработала первоначальный капитал именно за счет трудовой миграции[26].

По мнению З. Лианга (Liang Z.), до сих пор в изучении миграции отдается приоритет развитым странам, однако в развивающихся странах (Китай, Индия) очень активно происходят демографические процессы, в том числе и миграция. Поскольку развивающиеся страны становятся всё более и более урбанизированными, растет число населения со средними доходами, необходимо обратить внимание на изучение миграционных процессов в этих государствах[27].

Таким образом, на современном этапе произошло изменение территориальной структуры иммиграции при снижении доли стран «Севера» и повышении доли стран «Юга». Одной из важных проблем современности является рост потребности в трудовых ресурсах, что требует поиска наиболее эффективной стратегии страны в отношении регулирования миграционных потоков и создания благоприятной социокультурной среды для населения с разной историей, культурой, практиками поведения. Изменения в географии миграционных потоков позволяют предположить, что сложившиеся подходы миграционной политики являются устаревшими и требуют доработки, исходя из новых условий социальной реальности. Для

---

[26] Максакова Л.П. Оценка перспектив миграции населения из Узбекистана // Международная миграция населения на постсоветском пространстве: двадцать лет удач, ошибок и надежд / Гл. ред. В.А. Ионцев. М.: Верди, 2011. Вып. 25. С. 171–186.

[27] Liangthe Z. Sociology of migration / The sociology of migration. 21st century sociology. 2006. Sage publications. 19 mar. 2011. Pp. 487–495. URL: http://www.sagepub.com/oswmedia3e/study/chapters/encyclopedias/encyclopedia15.1.pdf (дата обращения: 15.10.2013).

стран Центральной Азии трудовая миграция является основным способом повышения уровня доходов их жителей.

В настоящее время крайне актуальным является вопрос международного взаимодействия в миграционной сфере. При возрастающих потоках мигрантов разработка и принятие вопросов регулирования миграционных процессов пока не являются приоритетными для переговоров между странами в той степени, которая необходима. В отличие от внешнеторговых вопросов, где достигнуты различные международные договоренности, миграция в большинстве случаев является проблемой каждой страны в отдельности. Однако осознание влияния/воздействия миграционных процессов на перспективы регионального и глобального роста уже очевидно[28].

Важным аспектом расширения миграционных процессов является взаимодействие мигрантов с принимающим сообществом. В последнее время достаточно активно поддерживается точка зрения о том, что уровень напряженности и конфликтогенности из-за увеличения числа мигрантов возрастает. Более подробно теоретические аспекты включения мигрантов в принимающий социум рассмотрены в следующей главе.

[28] Macha Farrant, Anna MacDonald and Dhananjayan Sriskandarajah. Migration and Development: Opportunities and Challenges for Policymakers // IOM Migration Research Series. 2006. N. 22. 58 p.

Глава 2

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ОЦЕНКИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

2.1. КОНЦЕПЦИИ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

Растущая диверсификация видов миграции, а также увеличение роли миграции в глобальных процессах вызывают необходимость новых теоретических разработок. В целом сложно представить одну всеобъемлющую теорию миграции[29].

В настоящее время миграция является предметом изучения многих дисциплин (экономика, социология, демография, этнография и др.). Однако в большинстве случаев факторы формирования и развития миграционных процессов обусловлены экономическими причинами. Это, вероятно, и объясняет преобладание экономических теорий миграции.

Подробная классификация основных теоретических подходов в изучении миграции населения представлена в работе Ионцева В.А.[30]

В рамках нашего исследования мы более детально рассмотрим экономические и социологические теории миграции, так как в настоящее время социология миграции только формирует свои подходы, в то время как экономика уже предлагает разнообразные теории, рассматривающие различные аспекты миграции.

В работе рассмотрены теории, затрагивающие международную миграцию, что обусловлено целью нашего исследования. Хотя, в целом, нужно признать, что различные виды миграции тесно связаны между собой. Именно этим объясняется формирование в настоящее время общей теории миграции, сторонники которой отрицают наличие причин для отдельных видов миграции, подчеркивая, что в современном глобальном мире миграция является комплексным процессом, изучение которого должно быть

---

[29] Russell King. Theories and typologies of migration: an overview and a primer / Willy Brandt series of working papers in international Migration and ethnic Relations. Malmö Institute for Studies of Migration, Diversity and Welfare (MIM), Malmö University. 2012. N. 3. 48 p.

[30] Ионцев В.А. Классификация основных теоретических подходов в изучении миграции населения // Миграция в России. 2000–2012. / Под общ. ред. И.С. Иванова. М.: Спецкнига, 2013. Т. 1. Ч. 3.С. 633–683.

всесторонним[31]. Большинство теоретических моделей миграции были разработаны на основе конкретных эмпирических наблюдений и часто формировались в рамках одной дисциплины. Современная миграционная литература утверждает, что, хотя эти теоретические подходы предлагают различные гипотезы, они должны рассматриваться как взаимодополняющие[32].

Экономический подход.

1. Неоклассическая экономика: Макротеория.

Одна из самых известных теорий международной миграции была разработана изначально для объяснения трудовой миграции в процессе экономического развития (Харрис и Тодаро, 1970[33]). Согласно этой теории расширение международной миграции обусловлено географическими различиями предложения и спроса на рабочую силу. Страны с большим предложением труда относительно капитала имеют меньшую заработную плату в сравнении со странами где преобладает капитал над трудовыми ресурсами.

Исходя из данного подхода, можно сделать следующие предположения.

1. Международная миграция работников вызвана различиями в уровне заработной платы между странами.

2. В случае отсутствия различий в заработной плате международная миграция не будет осуществляться.

3. Международные потоки высококвалифицированных и низкоквалифицированных мигрантов могут не совпадать.

4. Только ситуация на рынке труда имеет существенное влияние на международную миграцию.

5. Основной способ контролировать миграционные потоки – регулирование рынков труда в стране исхода или стране приема мигрантов.

Неоклассическая микроэкономика.

Микроэкономические модели базируются на анализе индивидуального выбора (Тодаро, 1976[34]). Международная миграция осмысляется как форма инвестиций в человеческий капитал. Люди, учитывая свои навыки, выбирают перемещаться туда, где они могут быть наиболее продуктивным, но прежде чем они могут рассчитывать на более высокую заработную пла-

---

[31] Douglas S. Massey, Joaquin Arango, Graeme Hugo, Ali Kouaouci, Adela Pellegrino,J. Edward Taylor. Theories of International Migration: A Review and Appraisal // Population and Development Review. 1993. Vol. 19, N. 3. P. 431–466.

[32] Kurekova L. Theories of migration: Conceptual review and empirical testing in the context of the EU East-West flows / Paper prepared for Interdisciplinary conference on Migration. Economic Change, Social Challenge. April 6–9, 2011. University College London. Central European University. 2011. P. 4.

[33] Harris John R. and Michael P. Todaro. Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis, American Economic Review, 60. 1970. P. 126–142.

[34] Todaro M. Internal Migration in Developing Countries. Geneva, 1976.

ту, им необходимо вложить средства на перемещение, на изучение языка, они испытывают трудности в адаптации к новому обществу.

В целом, согласно данной теории, потенциальный мигрант ориентируется на страны, где ожидаемые чистые доходы являются наибольшими. Из этой точки зрения можно сделать следующие выводы.

1. Международная миграция обусловлена различиями в доходах и уровне занятости.

2. Индивидуальные характеристики человеческого капитала, которые увеличивают вероятность более высокого уровня доходов или возможность занятости мигранта по специальности в принимающей стране, увеличивают вероятность международной миграции.

3 Индивидуальные характеристики, социальные сети, позволяющие обеспечить низкие затраты в процессе перемещения и устройства на новом месте, повышают вероятность международной миграции.

4. Совокупные миграционные потоки между странами являются суммой отдельных актов миграции, реализуемых на основе индивидуальных расчетов затрат и выгод.

6. Международная миграция не происходит при отсутствии различий в оплате труда и(или) уровня занятости между странами.

7. Решения о миграции вытекают из диспропорций между рынками труда; другие рынки не оказывают влияния на решение о переезде.

2. «Новая экономика миграции» возникла в противовес выводам неоклассической теории (Старк и Блум, 1985). Ключевым моментом в этом новом подходе является то, что миграционные решения принимаются не отдельным независимым субъектом, а группой взаимосвязанных людей, как правило, семей или домохозяйств, в которых люди действуют коллективно не только с целью максимизации ожидаемого дохода, но и с целью минимизировать вероятные риски на рынке труда. В отличие от физических лиц, домохозяйства имеют возможность диверсифицировать свои ресурсы, в том числе труд его членов (одни могут работать за рубежом, другие – в своей стране).

В то время как некоторые члены семьи могут быть заняты хозяйственной деятельностью в местной экономике, другие могут быть направлены на работу зарубеж. В случае если местные экономические условия ухудшаются и деятельность там не в состоянии принести достаточные доходы, домохозяйство может рассчитывать на денежные переводы мигрантов из другой страны.

Данная теория выдвигает много гипотез и предположений.

1. Семьи, домохозяйства и другие образования производства и потребления должны рассматриваться как единицы анализа при исследовании миграции.

2. Разница в заработной плате не является необходимым условием для

международной миграции. Для домохозяйств сильным стимулом является диверсификация рисков путем транснациональной (международной) миграции движения даже при отсутствии различий в заработной плате.

3. Международная миграция и увеличение возможности на внутреннем рынке труда не исключают друг друга. Увеличение дохода от занятости на местном рынке труда может повысить привлекательность миграции. Таким образом, экономическое развитие в отправляющих регионах не всегда приводит к снижению темпов международной миграции.

4. Правительства могут воздействовать на миграционную активность не только политическими средствами, но и через правительственные системы страхования (например, на случай безработицы), фьючерсные рынки.

5. Государственная политика и экономические изменения, направленные на распределение доходов, могут повлиять на объемы миграции. Страны, которые могут обеспечить более высокий средний доход у мигрантов в стране исхода, могут стимулировать миграцию, если доходы бедных домохозяйств не будут возрастать. С другой стороны, политика может снизить миграцию, если доходы относительно богатых домохозяйств не будут расти.

3. В отличие от неоклассических теорий и теории новой экономики миграции «теория двойного рынка труда» ставит основным фактором интересы стран приема мигрантов, то есть международная миграция формируется не на основе факторов выталкивания (низкая заработная плата или высокая безработица), а вследствие спроса на рабочую силу в странах приема.

Этот спрос на труд иммигрантов проистекает из четырех характеристик рынка труда развитых стран.

• Структурные инфляции.

Заработная плата отражает не только условия спроса и предложения: она также определяет статус и престиж рабочего места. В целом, люди считают, что заработная плата должна отражать социальный статус, и у них есть довольно жесткие представления о корреляции между профессиональным статусом и заработной платой. В результате образуются ниши на рынке труда, где повышение заработной платы не будет стимулировать местное население занимать их. Кроме того повышение заработной платы наименее квалифицированных специалистов приводит к необходимости пропорционального увеличения заработной платы всех должностей в трудовой иерархии, чтобы сохранить социальные ожидания. В результате привлечение местных рабочих путем повышения заработной платы является необоснованно дорогим способом решения проблемы дефицита трудовых ресурсов. Более простым способом решения проблемы является привлечение трудовых мигрантов, которые согласны работать за относи-

тельно низкую заработную плату.

• Проблемы мотивации.

Профессиональные иерархии также имеют важное значение для мотивации работников, так как люди работают не только для получения дохода, но и для повышения и поддержания социального статуса. Острые мотивационные проблемы возникают на нижних ступенях должностной иерархии. Именно иммигранты могут занимать эти невостребованные местным населением ниши. Это обусловлено тем, что большинство мигрантов начинают свою трудовую деятельность, зарабатывая деньги для конкретной цели, достижение которой позволит повысить их статус (строительство дома, плата за образование, приобретение земли и т.д.). Кроме того разница в уровне заработной платы в стране исхода и принимающей стране приводит к тому, что даже низкая, с точки зрения местного населения, заработная плата оценивается мигрантами как высокая. Мигрант, занимающий непрестижное рабочее место, воспринимает себя иначе, так он не ощущает себя частью этого общества, а полученный им доход позволяет повысить свой статус в своей стране.

• Экономический дуализм.

Данный фактор связан с наличием капиталоемкого (первичного) и трудоемкого (вторичного) сектора производства.

В первичном секторе заняты квалифицированные кадры, которые не один год повышают свой профессиональный уровень, поэтому они представляют собой ценный человеческий капитал. В периоды кризиса работодатели стараются сохранить для них рабочие места, предоставляются гарантии от профсоюзов.

Во вторичном секторе обратная ситуация: здесь в большинстве случаев работники выполняют неквалифицированную работу и могут быть уволены в любое время.

• Демография предложения рабочей силы.

Достаточно долгий период времени на низкоквалифицированные места в основном претендовали женщины и подростки. Женщины, как правило, выходили на рынок труда до момента рождения первого ребенка и в меньшей степени после того, как дети выросли. Женщины стремились заработать лишь дополнительный доход для себя или своих семей, так как они не были основными кормильцами своих семей и их основные социальные идентичности были жена, сестра, мать. Они были готовы мириться с низкой заработной платой, так как трудовая деятельность для них была недолгим периодом. Подростки также занимали значительную долю в трудовых ресурсах с низкой квалификацией. Для них работа была способом набраться опыта, заработать себе на расходы, а также попробовать себя в разных профессиональных сферах.

В развитых странах масштабы поступления из этих источников низко-

квалифицированных работников значительно снизились. Можно выделить три основные причины этого явления.

1. Рост экономической активности женщин привел к смене статусных приоритетов (карьерный рост, статус стал не менее важным, чем роль матери, жены).

2. Рост количества разводов, в результате чего работа для женщины стала первичным источником доходов.

3. Снижение уровня рождаемости и рост уровня образования привели к снижению когорты подростков.

Дисбаланс между структурным спросом на работников низкой квалификации и ограниченным внутренним предложением таких работников привел к возросшему спросу на иммигрантов, заполняющих данные ниши.

Теория двойного рынка труда не утверждает и не отрицает, что акторы делают рациональные, корыстные решения, как это следует из микроэкономических моделей.

Население в развитых странах не заинтересовано занимать низкооплачиваемые рабочие места, что открывает возможность для трудоустройства иностранных рабочих. В результате происходит рост доходов мигрантов, увеличивается их способность преодолевать риски и финансовые ограничения, что, в свою очередь, позволяет домохозяйствам в стране исхода достичь диверсификации своих доходов, отправив члена семьи работать за рубежом.

Целевой набор трудовых мигрантов помогает преодолеть информационные и другие ограничения для выхода на международный рынок труда, что является необходимым условием для устойчивого дохода семьи[35].

4. Теория мировых систем.

Основываясь на работе Валлерстайна[36] (Wallerstein I.) (1974), в которой мировая экономическая система делится на три типа стран: основной тип, полупериферийный и периферийный, многие исследователи-социологи объясняли истоки международной миграции в структуре мирового рынка и проникновение капиталистических экономических отношений в периферические некапиталистические общества, в том числе, посредством миграции населения.

Согласно мировой теории систем, миграция является естественным результатом проблем, возникающих в процессе капиталистического развития. Как капитализм расширил свою сферу влияния, выйдя из своего ядра в Западной Европе, Северной Америке, Океании и Японии, так и ре-

---

[35] Douglas S. Massey, Joaquin Arango, Graeme Hugo, Ali Kouaouci, Adela Pellegrino,J. Edward Taylor. Theories of International Migration: A Review and Appraisal // Population and Development Review. 1993. Vol. 19, N. 3. Pp. 431–466.

[36] Wallerstein, Immanuel. 1974. The modern World System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century . New York: Academic Press.

сурсы периферийных зон (в том числе и трудовые) попадают под влияние и контроль со стороны развитых стран, в результате чего и формируются миграционные потоки.

Согласно теории Валлерстайна, современные национальные государства существуют в рамках экономической, политической и нормативно-правовой баз, совокупность которых он рассматривает как «мировую систему». Так же индивидуальное поведение не может быть понято без учета социально-культурной системы, членами которой являются человек, индивидуальные общества или национальные государства. В рамках данной теории рассматривается взаимосвязь влияния факторов (земля, сырье, труд, материальные и идеологические связи, глобальные города) на возникновение миграционных потоков.

Основные выводы данной теории сводятся к следующему.

1. Международная миграция является естественным результатом проникновения глобальной экономики в периферийные регионы.

2. Международный поток рабочей силы следует в направлении, противоположном международному потоку товаров и капитала. Инвестиции капиталистических стран в периферийные территории при одновременном формировании материальных и культурных связей между странами повышали мобильность населения в направлении капиталистических стран.

3. Возникновение миграционных потоков наиболее вероятно между колониальными державами и их бывшими колониями, так как культурные, языковые, административные, инвестиционные, транспортные и коммуникационные связи были установлены раньше, что позволило создать специфические транснациональные рынки и культурные системы.

4. Международная миграция имеет мало общего с заработной платой или разницей в уровне занятости между странами. Основная причина – тенденции расширения мирового рынка и структура мировой экономики.

5. Теория социальных сетей.

Мэсси развил идею о том, что наиболее эффективными миграционными единицами являются не индивидуальные агенты, но сети. Он акцентирует внимание не на самих мигрантах, а на их отношениях с отправляющими общинами, на различии между ними и «немигрантами», на контрастах между мигрантами разных поколений[37].

Согласно исследованиям Месси и др.[38] (1993), миграция рассматривалась как совокупность межличностных связей, которые объединяют мигрантов и немигрантов, основанных на родственных отношениях, дружбе или общности происхождения (страна исхода).

---

[37] Сафонова М.А. Концепции функционирования мигрантских сообществ в американской социологии // Социологические исследования. 2012. № 5. С. 106–117.

[38] Massey D.S.at all. Theories of international migration: a review and appraisal // Population and development review. 1993. Vol. 19 (3). P. 431–466.

Миграционные сети могут быть представлены как «цепи миграции», либо «семья и друзья». Существование таких миграционных сетей играет важную роль в снижении затрат на миграцию и, следовательно, увеличивает ее преимущества. Мигранты, находящиеся в стране приема, могут подготовить условия для перемещения других представителей мигрантской сети и оказать им поддержку.

После того как количество сетевых подключений в стране выхода достигает критического порога, миграция становится самовоспроизводящейся, потому что каждый акт самой миграции создает социальную структуру, необходимую для ее поддержания. Каждый новый мигрант снижает затраты на последующую миграцию для набора друзей и родственников. Последующие волны мигрантов, используя возможности социального капитала, значительно проще могут найти работу, решить жилищные вопросы и т. д.

Не менее важным результатом исследования является вывод о снижении селективности миграции: если в начале миграции перемещаются люди со средним (или выше среднего) уровнем достатка, то позже это могут быть индивиды с более низким уровнем доходов и уровнем образования. Таким образом, со временем уровень образования и доходов у мигрантов снижается, что в значительной степени обусловлено влиянием социального капитала межличностных связей той или иной группы мигрантов[39].

Социальные сети мигрантов позволяют диверсифицировать риски. Хорошо развитые сети мигрантов превращают эмиграцию в надежный и безопасный источник дохода. Таким образом, самоподдерживающийся рост сетей, который происходит за счет постепенного сокращения издержек также можно объяснить как постепенное снижение рисков. Каждый новый мигрант расширяет сеть и снижает риски движения для всех тех, с кем он связан. Таким образом, теория сетей является динамичной и, независимо от субъекта принятия решения о миграции (индивид или домохозяйство), утверждает, что сама миграция меняет условия и контекст последующих миграций, значительно увеличивая вероятность расширения масштабов миграции в будущем.

Рассмотрение миграции как самоподдерживающегося процесса диффузии, отличается от идей общего равновесия, используемых обычно для изучения миграции. В целом можно сделать следующие выводы о природе и механизмах миграции, исходя из теории сетей.

1. Однажды начавшись, международная миграция стремится расширяться до тех пор, пока сетевые соединения не рассеиваются так широко, что потенциальные мигранты могут мигрировать, после чего миграция начинает замедляться.

---

[39] Zai Liang. The sociology of migration. State University of New York, Albany, 2006. Pp. 487–495.

2. Размер миграционных потоков между двумя странами не сильно коррелирует с разницей в оплате труда или уровне занятости, так как эти показатели изменяются и их роль снижается при снижении рисков и затрат на перемещение, возникающих в результате формирования социальных сетей мигрантов.

3. Международная миграция становится зависимой от структурных (ситуация на рынке труда) или индивидуальных факторов. Работодатели могут стимулировать наем работников, удерживая заработную плату постоянной (не снижая ее в период кризиса).

4. При расширении социальных сетей мигрантов, которые позволяют снизить затраты и риски миграции, миграционный поток становится менее избирательным и включает лиц с меньшим уровнем образования, не знающих язык и культуру принимающего сообщества.

5. Правительства могут рассчитывать на большие трудности управления потоками миграции, так как формирование социальных сетей лежит в значительной степени вне их контроля и происходит независимо от того, какая миграционная политика проводится в этой стране.

6. В странах, реализующих миграционную политику по воссоединению семей, важно контролировать поток мигрантов, так как данное направление усиливает сети мигрантов, давая особые права въезда родственникам.

Обращает внимание вопрос о причинах формирования социального капитала как такового. Бурдьё П. в своей работе «Социология политики» отмечал, что занимая жилище физически, не всегда человек живет в нем, если не располагает негласно требующимися средствами, начиная с определенного габитуса. В результате пространственное сближение или совместное проживание удаленных в социальном пространстве агентов может привести к распаду в социальном сообществе. Кроме того возникает вопрос об игнорировании социальной структуры нового пространства обитания мигрантами. Необходимым элементом в данных условиях выступает формирование помимо экономического и культурного капитала еще и социального.

Социальный капитал может быть обеспечен в форме «эффекта клуба» или «эффекта гетто». Для мигрантов более характерна вторая форма объединения изолированной группы людей[40].

6. Институциональная теория

В процессе международной миграции возникает дисбаланс между числом желающих въехать в развитые страны и ограниченным количеством иммигрантских виз. Это несоответствие создает условия для формирования ниши «предпринимателей» на черном рынке, оказывающих услуги по

[40] Бурдьё П. Социология политики / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.

переправке мигрантов: незаконное пересечение границы, поддельные документы и визы, браки между мигрантами и резидентами и т.п. Нередко данные услуги оказывают криминальные группировки, осуществляющие такую деятельность по всему миру.

Они имеют отлаженную структуру, обеспечивающую широкий комплекс услуг, связанных с законным или незаконным пересечением границы[41].

Наряду с этим создаются общественные организации в странах приема, которые оказывают юридические консультации, предоставляют гуманитарную помощь, жилье.

Со временем данные организации становятся хорошо известными, представляя собой социальный капитал, наличие которого упрощает мигрантам доступ на рынок труда. Таким образом, со временем возрастает поток мигрантов, который стимулирует рост числа организаций, оказывающих поддержку потенциальным или реальным мигрантам. В результате на развитие миграции оказывает большее влияние наличие данных институтов, нежели факторы, существовавшие ранее. Кроме того с усилением процесса институциализации усложняются возможности контроля и регулирования миграционных потоков. Усиление контроля со стороны государства приводит к расширению черного рынка услуг мигрантов при возникновении акций протеста со стороны легальных общественных организаций.

7. Теория совокупной причинной обусловленности.

В дополнение к расширяющимся сетям мигрантов и развитию системы институтов с течением времени возникают новые факторы, которые стимулируют миграцию и делают ее все более вероятной с течением времени. Этот процесс Мюрдаль Г. (Myrdal) назвал интегральной причинностью. Причинно-следственные связи каждого акта миграции накапливаются и изменяют социальный контекст, повышая возможность миграции в следующий раз. В настоящее время выделяют шесть социально-экономических факторов, которые аккумулируются со временем и стимулируют миграционные процессы: распределение доходов, распределение земли, организация сельского хозяйства, культуры, региональное распределение человеческого капитала, а также статусность рабочего места. Вполне вероятно наличие других факторов, однако эмпирически доказано влияние обозначенных характеристик.

Выводы о причинах и механизме миграции данной динамической теории близки к теории сетей.

1. Социальные, экономические, культурные изменения, вызванные в

[41] Ивахнюк И. Две миграционные системы в Европе: тенденции развития и перспективы взаимодействия // Русский архипелаг: итнтернет-портал. 2003. URL: http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/strategii/dve_sistemi_3/? version=forprint (дата обращения: 11.09.2013).

странах исхода и приема мигрантов, дают мощный толчок миграции, который стимулируется формирующейся институциональной базой.

2. В условиях роста безработицы правительство принимающей стороны не может ограничить трудовую миграцию и заполнить свободные рабочие места местным населением.

Это связано с отказом местного населения занимать рабочие места «для мигрантов». Таким образом происходит социальная маркировка рабочих мест на «мигрантские» и «для местных». Данный процесс происходит в результате концентрации мигрантов в отдельных отраслях экономики. В случае недостатка мигрантов на данные рабочие места заполнить их местным населением будет крайне сложно.

8. Теория миграционных систем.

Теория миграционных систем не является принципиально новым направлением, в значительной степени она обобщает выводы, следующие из других теорий.

Существующие теории миграции предполагают, что миграционные потоки приобретают с течением времени определенную стабильность во времени и пространстве, что позволяет рассматривать их в рамках отдельных миграционных систем. Эти системы характеризуются интенсивным обменом товаров, капитала и людей между отдельными странами при менее интенсивных связях с другими странами. Структура миграционной системы включает одну или несколько стран, которые формируют ядро данной системы, и ряд стран, связанных с ядром интенсивными миграционными потоками[42].

Миграционные системы имеют следующие особенности. 1. В рамках одной системы не обязательна географическая близость стран-участниц, так как основные потоки между ними отражают политические и экономические отношения, для которых территориальное расположение не имеет принципиального значения. 2. Возможно формирование многополярных миграционных систем. 3. Государство может входить в несколько миграционных систем, при этом данная практика более характерна для стран исхода мигрантов. 4. В результате происходящих политических и экономических процессов миграционные системы развиваются, что приводит к изменению их структуры, переходу стран из одной системы в другую[43].

Обычно в зарубежной научной литературе выделяют четыре-пять крупнейших миграционных систем: Североамериканская система, Ев-

---

[42] Ивахнюк И.В. Евразийская миграционная система: от теории к политике // Российский экономический интернет-журнал. 2008. № 1. 13 с. URL: http://www.e-rej.ru/Articles/2008/Ivakhnyuk.pdf (дата обращения: 10.09.2013).

[43] Douglas S. Massey, Joaquin Arango, Graeme Hugo, Ali Kouaouci, Adela Pellegrino,J. Edward Taylor. Theories of International Migration: A Review and Appraisal // Population and Development Review. 1993. Vol. 19, No. 3. Pp. 431–466.

ропейская система, система, объединяющая страны Персидского залива, Азиатско-Тихоокеанская система, Южноамериканская система[44].

В 2003 г. Ивахнюк И.В. предложила выделить из Европейской миграционной системы с центром в виде стран ЕС, Евразийскую систему, с двумя центрами притяжения мигрантов – Россия и Казахстан. Особенностями данной миграционной системы являются исторические условия ее формирования, существование феномена ближнего приграничья и преобладание нелегальных миграционных потоков[45].

Исходя из анализа динамики миграционных процессов, а также позиции России по отношению к сложившейся миграционной ситуации на постсоветском пространстве выделяют несколько этапов становления и развития Евразийской миграционной системы (табл. 7)[46].

Таблица 7

Периодизация становления Евразийской миграционной системы

Период	Доминирующие миграционные потоки	Основной фактор миграции	Позиция России как принимающей страны
1991–1995 гг.	Беженцы и вынужденные переселенцы/ «репатриация»	Этнический/ экономический	Начало формирования миграционного законодательства. Относительная либеральность миграционных законов компрометируется несовершенством их исполнения
1996–2001 гг.	Переселение в Россию представителей титульных национальностей из стран СНГ/ трудовые /нелегальные	Экономический	Проявление противоречивости миграционного законодательства. Попытки концептуализировать отношение к иммиграционному потоку
2002–2005 гг.	Трудовые /нелегальные/ возникновение новых миграционных векторов	Экономический	Жестко ограничительная политика. Доминирование силового подхода в борьбе с нелегальной миграцией.
2006 г. – н.в.	Трудовые /нелегальные	Экономический	Либерализация миграционной политики в отношении граждан стран СНГ. Развитие трудовой миграции.

[44] Ивахнюк И.В. Евразийская миграционная система: от теории к политике // Российский экономический интернет-журнал. 2008. № 1. С. 2. URL: http://www.e-rej.ru/Articles/2008/Ivakhnyuk.pdf (дата обращения: 10.09.2013).

[45] Ивахнюк И. Две миграционные системы в Европе: тенденции развития и перспективы взаимодействия // Русский архипелаг: итнтернет-портал. 2003. URL: http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/strategii/dve_sistemi_3/? version=forprint (дата обращения: 11.09.2013).

[46] Ивахнюк И.В. Евразийская миграционная система: от теории к политике // Российский экономический интернет-журнал. 2008. № 1. С. 3–12. URL: http://www.e-rej.ru/Articles/2008/Ivakhnyuk.pdf (дата обращения:10.09.2013).

Рязанцев С.В., Хорие Н. рассматривают разнообразные модели трудовой миграции, отличающиеся характером и структурой миграционных потоков, ролью государства в регулировании миграции в отдельных странах Центральной Азии (Таджикистане, Узбекистане, Кыргызстане, Казахстане, Туркменистане). Группировка стран СНГ по соотношению основных параметров трудовой миграции и методам проведения системных реформ представлена в таблице 8[47].

Таблица 8

Группировка стран по соотношению основных параметров трудовой миграции и методам проведения системных реформ

По соотношению трудовой эмиграции и иммиграции	По типам проведения системных реформ		
	«Радикалы»	Промежуточная группа	«Консерваторы»
Страны-доноры (с явным преобладанием выезда трудовых мигрантов за пределы страны)	Киргизия*	Молдова (1:40) Таджикистан (1:600) Украина (1:6) Азербайджан, Армения, Грузия	Узбекистан* Беларусь (1:7)
Страны-реципиенты (с явным преобладанием въезда трудовых мигрантов в страну)	Россия (12:1) Казахстан (44:1)		
«Закрытые» страны (выезд и въезд мигрантов ограничен)			Туркменистан

*Примечание: * – оценить соотношение иммигрантов и эмигрантов невозможно из-за отсутствия статистической информации.*

Таким образом, существующие теории миграции не противоречат, а дополняют друг друга, обосновывая природу миграционных процессов. Многие из существующих теорий основываются на эмпирических исследованиях в отдельных регионах, что не позволяет рассматривать их как общие теоретические положения. В современных условиях крайне важно осознавать явные и скрытые механизмы миграции. Иметь возможность не только вести учет, контролировать происходящие миграционные процессы, но давать прогнозные сценарии развития ситуации.

Социологические исследования являются необходимым этапом экспертной оценки происходящих процессов в сфере миграции, так как простая количественная оценка потоков миграции, размеров денежных переводов, числа нелегальным мигрантов и т. д. не дает представления о внутренних механизмах. Именно социологические исследования позволяют вскрыть внутренние предпосылки. Данный подход осложняется необ-

[47] Рязанцев С.В., Хорие Н. Моделирование потоков трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию. М.: Научный мир, 2011. 192 с.

ходимостью доверительных отношений между исследователем и респондентами, длительного и доверительного сотрудничества, что в конечном итоге дает возможность увидеть и проанализировать ситуацию «изнутри».

2.2. ФЕНОМЕН МИГРАЦИИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В настоящее время социологические исследования являются крайне востребованными и актуальными, что связано со всё возрастающим значением «скрытых» факторов развития экономических, социальных, этнических культур. Исходя из необходимости анализа внутренних причин явлений сложилась междисциплинарная наука – экономика и социология знания.

В центре социологии знания – управление обществом, его структурными изменениями, социальными процессами, внешнеполитической деятельностью. К важным функциям социологии знания относят исследование факторов, способствующих или препятствующих приросту и распространению нового знания; разработка методов научного обоснования принимаемых решений и прогнозирование их возможных социокультурных последствий[48].

Изучение миграционных процессов в большинстве исследований базируется на экономическом, историческом, демографическом подходах.

В. Ионцев отмечает, что, несмотря на широкий спектр дисциплин, затрагивающих в той или иной степени миграционные процессы, в качестве предмета исследования миграция выступает лишь у нескольких дисциплин: демография, география, экономика и социология[49].

Социологический подход к анализу миграционных процессов, который разрабатывался преимущественно зарубежными учеными, основное внимание уделяет проблемам адаптации мигрантов к новому социальному, культурному, этническому окружению. Согласно данному подходу привлекательность территории прибытия в значительной степени зависит от межличностных взаимоотношений, наличия сообществ мигрантов-земляков, родственных и дружеских связей, то есть социального капитала миграции. В рамках социологического подхода кроме экономических факторов оценивается социальный капитал потенциального мигранта.

Сравнительный анализ социологических исследований миграции в зарубежных странах представлен в таблице 9.

---

[48] Проблемы включения социологии в систему научного управления российским обществом. Доклад Директора ИСПИ РАН академика Г.В. Осипова на заседании Президиума РАН. 24.06.2008. 31 с.

[49] Ионцев В. Базовые подходы и направления в изучении миграции // Миграция в России. 2000–2012 / Под общ. ред. И.С. Иванова. М.: Спецкнига, 2013. Т. 1. Ч. 3. С. 49–57.

Таблица 9

Современные социологические теории миграции населения (сравнительный анализ)[50]

	Теория миграционных систем М. Критц	Синтетическая теория миграции Д. Массея	Концепция транснациональной миграции Ш. Глик
Уровни и единицы анализа (предметная область)	Макроуровень. Миграционная система и подсистемы. Миграционные связи между элементами системы.	Макроуровень и микроуровень. Ситуация на международных рынках. Изменение мотиваций международных мигрантов. Создание и распространение миграционных сетей. Ограниченность миграционных потоков.	Макроуровень и микроуровень. Инкорпорированность мигрантов в новое сообщество. Социальные сети трансмигрантов и транснациональные сообщества мигрантов.
Понятийный аппарат	«Миграционная система», «миграционные связи»	«Международная миграция»	«Транснационализм», «транснациональная миграция», «трансмигрант», «детерриториализация», «транснациональное социальное пространство»
Используемые теории и парадигмы	Системный подход	Неоклассическая экономическая теория, новая экономическая теория миграции, теория сегментированного рынка труда, теория мировых систем, теория социального капитала и теория совокупной причинной обусловленности	Теория социальных сетей
Гипотеза	Миграционная система состоит из группы стран, связанных между собой не только большими потоками и контрпотоками мигрантов, но и историческими, культурными, технологическими и другими типами связей.	Международная миграция является не следствием отсутствия экономического роста и развития, а результатом самого развития.	Мигранты становятся трансмигрантами только в том случае, когда развивают и поддерживают множественные семейные, экономические, социальные, организационные, религиозные и политические отношения, пересекающие границы.

[50] Блинова М.С. Современные социологические теории миграции населения: автореф. дис. … канд. социол. наук. М., 2008. 29 с.

Суть теории	Миграционные потоки взаимосвязаны с экономическим, социальным и геополитическим, культурным взаимодействием стран, потоками капиталов, товаров, технологий и идей. Миграция реализуется через глобальные и локальные сети разного уровня, составляющие инфраструктуру миграции.	Миграция выступает как естественное следствие более широких процессов социальной, политической, экономической интеграции, пересекающей международные границы; когда иммигранты въезжают в развитую страну, они отвечают сильному и устойчивому спросу, встроенному в структуру постиндустриальных экономик; международная миграция в меньшей степени подвержена влиянию условий на рынках труда, чем условий на других рынках; по мере приобретения опыта за рубежом происходит изменение мотивации международных мигрантов; с течением времени международная миграция имеет тенденцию создавать свою собственную инфраструктуру (сети); несмотря на сильные тенденции к самосохранению и укреплению, иммиграционные потоки имеют естественный срок жизни, который всегда ограничен.	В ходе миграционного процесса, который рассматривается как детерриториализированный социальный процесс, мигранты включаются более чем в одно сообщество и образуют новые социальные сети, пересекающие географические, культурные и политические границы национальных государств, продолжая функционировать в социальных сетях отправляющего сообщества. Миграция предстает как проект расширения пространства деятельности акторов.
Область верификации	США, Европа, страны Персидского залива, Азиатско-тихоокеанский регион, Евразия	США	Западная Европа, США

В настоящее время концепция трансграничной миграции находит эмпирическое подтверждение и в рамках российской практики, чему способствуют исторические предпосылки формирования международных связей со странами СНГ, а также наличие большого числа субъектов Федерации, имеющих границу с зарубежными странами.

Прежде чем перейти к существующим российским теориям миграции в рамках социологического подхода, остановимся на новом направлении социологических исследований 1980-х гг. – этносоциологии. В отноше-

нии миграции этносоциологический подход предполагает исследование влияния особенностей культуры этноса на миграционное поведение его членов, а также влияние самой миграции на структуру этноса, его традиции, межэтнические отношения, в том числе с населением принимающего сообщества. Кроме того в задачи этносоциолога входит исследование вопросов совместимости мигрирующей группы со средой вселения; прогноз изменений в культуре группы, которые могут произойти в результате миграции. Данный подход позволяет глубже понять механизмы миграции, с учетом исторических традиций народа[51].

Непосредственно в отношении миграции Т.Н. Юдиной была разработана социологическая теория миграции, В.Н. Петровым – концепция мигрантофобии и А.В. Дмитриевым – конфликтологическая концепция (общая авторская концепция в отношении социального конфликта состоит в понимании конфликта как явления, которое имеет как негативные, так и позитивные стороны).

Согласно социологической теории (Юдина Т.Н.) миграция представляет собой социальный процесс с присущей ему устойчивой взаимосвязью составляющих элементов, обусловленный внутренними и внешними факторами. Миграция как социологический процесс включает в себя три фазы: формирование факторов мобильности, собственно процесс перемещения мигрантов, их адаптацию на новом месте жительства. Данные этапы миграции были обозначены ранее в работах Рыбаковского Л.Л.[52]

При изучении миграционного процесса необходимо оценить сущностные характеристики миграции во взаимодействии с их субъектами, с учетом воздействующих на них факторов как институционального, так и ситуационного характера, а также объективного и субъективного аспектов.

Миграционный процесс влияет на социальную структуру во всех сферах общества как принимающего, так и отдающего население, но и сама ситуация воздействует на этот процесс. Поэтому при анализе миграционного процесса необходимо исходить из его полисубъектности[53].

В рамках разработки своего подхода Юдина Т.Н. делает вывод о необходимости мультивариантного подхода к анализу миграции, так как в настоящее время отсутствует четкое разграничение меду экономическими, социополитическими и социоэтническими детерминантами миграционного движения населения. Кроме того различия между добровольными и ненамеренными перемещениями населения также довольно размыты. Личные намерения людей всегда взаимосвязаны с возможностями струк-

---

[51] Арутюнян Ю.В. и др. Этносоциология. уч. пос. для вузов. М., 1998. 271 с.

[52] Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса. (Очерки теории и методов исследования). М.: Наука, 2001. 114 с.

[53] Юдина Т.Н. Миграционные процессы: теория, методология и практика социологического исследования: дис. … д-ра соц. наук. М.: РГБ, 2005. 334 с.

тур, которые сами зависят от социальных сил. В результате распределение политических и экономических сил является наиболее важным в процессе принятия решений на индивидуальном или групповом уровне. В рамках данного подхода решения о перемещении рассматриваются как пассивные или активные и могут быть представлены в виде матрицы, где вертикальная ось отражает принятие решений на шкале в пределах от максимальной до минимальной автономии. Горизонтальная ось будет представлять взаимодействие экономических, социоэтнических, социокультурных и иных сил, отражая, что они проходят полный цикл как внутренние и внешние сочетания сил. Таким образом, предложен подход, дающий возможность социологического типологического анализа миграции.

К активным мигрантам относят высококвалифицированных работников, репатриантов, воссоединенные семейства, обычных эмигрантов. Беженцы, не имеющие гражданства люди, рабы и принудительные чернорабочие являются ярким примером пассивных мигрантов. Другие категории мигрантов находятся между этими двумя крайностями. Несмотря на личные причины перемещения (экономические, политические, культурные и др.) и свободу выбора места и времени миграции, внешние причины оказывают на них влияние, то есть степень автономии при выборе решения и миграции у разных индивидов или их групп могут быть разной[54].

Петров В.Н. и коллектив авторов рассматривают миграцию как серию социальных взаимодействий, происходящих в отдающих и принимающих обществах, обусловленных структурно-функциональными причинными зависимостями и ведущих к изменениям положения социального субъекта в том или ином социально-территориальном пространстве.

Кроме того автор считает необходимым включение критерия институциональной организации миграции, формальная сторона которой заключается в том, что миграционные процессы обладают собственной институциональной организацией и к тому же включены и находятся в поле институционального воздействия экономических, политических и правовых институтов, институтов административного государственного управления, норма и правил обширной сети социокультурных институтов в отпускающем и принимающем сообществах. В то же время реализуются институциональные формы в виде негосударственных, общественных объединений мигрантов, особенно беженцев и вынужденных мигрантов, создание которых обусловлено необходимостью решения актуальных проблем этой категории мигрантов[55].

---

[54] Юдина Т.Н. Миграционные процессы: теория, методология и практика социологического исследования: дис. … д-ра соц. наук. М.: РГБ, 2005. 334 с.

[55] Этнические мигранты в принимающем сообществе. Ч. 1. Методология и теория исследования толерантности и мигрантофобии / Под ред. В.Н. Петрова. Краснодар: Изд-во «Просвещение-Юг», 2005. 205 с.

При рассмотрении миграции населения как институционального явления, по мнению Петрова В.Н., важно обратить внимание на соотношение и взаимодействие формальных и неформальных правил, которые существуют в принимающем обществе и которые привносятся мигрантами извне. Социальные взаимодействия мигрантов и населения принимающего сообщества автор рассматривает как столкновение социокультурных, цивилизационных, институциональных основ социальной организации различных этнических обществ.

Институциональные основы этой организации в контексте данной теории представляют:

– общие формальные правила принимающего сообщества, создающие возможности социального взаимодействия для всех членов общества;

– формальные правила принимающего сообщества, созданные по отношению к мигрантам вообще и их отдельным категориям;

– неформальные правила по отношению к мигрантам, существующие в принимающем обществе;

– неформальные правила как своеобразные культурные опоры, принадлежащие мигрантам.

Возможность и результаты согласований формальных и неформальных правил неоднозначны, что имеет непосредственное отношение к миграции. Изменения в формальных правилах относительно статуса мигрантов могут еще длительное время оставаться ментально принадлежащими прежней культуре.

Институциональные противоречия выражаются в социальных практиках, для которых характерны:

– рост негативного эгоцентризма, отдаление и противопоставление друг другу различных этносов;

– интолерантное восприятие различных этносов и соответствующие действия, демонстрирующие неприятие;

– трудности взаимной адаптации снижение уровня комплиментарности;

– совокупность противоречий конкурентного характера.

Результатом институциональных рассогласований является рост ксенофобии и этнической мигрантофобии, частые конфликты, проявления агрессии и насилия, адресованные иноэтничным представителям[56].

Таким образом, общая целевая функция миграционного процесса в индивидуальной и социально-групповой формах заключается в изменении мигрантами своего социального положения. Исходя из данного утверждения под миграционным процессом рассматривается серия социальных

[56] Этнические мигранты в принимающем сообществе. Ч. 1. Методология и теория исследования толерантности и мигрантофобии / Под ред. В.Н. Петрова. Краснодар: Изд-во «Просвещение-Юг», 2005. 205 с.

взаимодействий, происходящих в отдающих и принимающих обществах, обусловленных структурно-функциональными причинами зависимостями и ведущих к изменениям положения некоего социального субъекта в том или ином социально-территориальном пространстве[57].

В рамках концепции мигрантофобии рассматривается вопрос социального статуса мигрантов, который воспринимается в двух аспектах: формальном и неформальном. Формально статус мигранта исчерпывается (прекращается) с получением гражданства страны приема и постоянным проживанием в ней в течение определенного времени. Однако в неформальном восприятии местным населением стигматизированное представление о гражданине как о мигранте сохраняется.

Мигрантофобия (боязнь мигрантов) – это явление, формирующееся как оппозиция идентичностей. Особенностью осознания местных жителей является «наличие негативных образов мигрантов, которые возникают в результате социально-психологического кризиса этнических идентичностей местных жителей, сознание которых обладает конструктивными способностями преображать психические показатели фобии в социальные образы или конструкторы семантического пространства с различной смысловой и аффективной нагрузкой»[58]. Таким образом мигрантофобия обусловлена системой социальных факторов, которые проявляются в виде дезинтеграции и дезадаптации групп местных жителей и мигрантов в среде социальных трансформаций. К обозначенным факторам относятся:

– факторы социальной среды (конкурентность в стремлении обладать социальными ресурсами),

– фактор ментальности (противоположное восприятие действительности),

– исторический фактор (исторически сложившихся традиций межэтнических взаимодействий),

– демографический фактор (статистическое соотношение местного населения и мигрантов, количество мигрантов),

– фактор расселения мигрантов (компактное – дисперсное),

– фактор региональной миграционной политики,

– фактор степени криминализации принимающего сообщества и др.[59]

---

[57] Петров В.Н. Этнические миграционные процессы в современной России: теоретические подходы к исследованию эмпирического многообразия / Миграция и развитие (пятые Валентеевские чтения): мат-лы междунар. конф., посвященной 85-летию со дня рождения профессора Д.И. Валентея и 40-летию со дня основания кафедры народонаселения МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, 13–15 сентября 2007 г. Т. 1. М.: Издательство МГУ, СП Мысль, 2007. С. 65–79.

[58] Этнические мигранты в принимающем сообществе. Ч. 1. Методология и теория исследования толерантности и мигрантофобии / Под ред. В.Н. Петрова. Краснодар: Изд-во «Просвещение-Юг», 2005. С. 192.

[59] Там же. С. 193.

Для повышения согласованности формальных и неформальных институтов взаимодействия иммигрантов и населения принимающего сообщества необходимо создавать позитивную атмосферу посредством обсуждения миграционных вопросов, а также включать в программы по культурной политике этнокультурные знания и развивать этнокультурную компетентность этнических мигрантов и населения принимающего общества.

Теория конфликтологии Дмитриева А.В.[60] развивает идею возможных конфликтов между мигрантами и местным сообществом.

Автор использует термин «социальный конфликт», понимая под ним «*тот вид противостояния, при котором стороны стремятся захватить территорию либо ресурсы, угрожают оппозиционным индивидам или группам, их собственности или культуре таким образом, что борьба принимает форму атаки или обороны*»[61].

В рамках межнациональных конфликтов автор выделяет несколько их видов: конфликты неуправляемых эмоций, конфликты идеологических доктрин и конфликт политических институтов. Кроме того можно выделить полностью институционализированные конфликты (типа дуэли) либо конфликты, протекание которых не урегулировано никакими механизмами (неинституционализированные).

При исследовании межэтнических конфликтов Р. Парк ввел в научный оборот понятие «маргинальный человек». К признакам маргинального человека он относил «серьезные сомнения в своей личной ценности, неопределенность связей с друзьями и постоянная боязнь быть отвергнутым, стремление избегать неопределенных ситуаций, риска унижения, болезненная застенчивость в присутствии других людей, одиночество и чрезмерная мечтательность, излишнее беспокойство о будущем и боязнь любого рискованного предприятия, неспособность наслаждаться и уверенность в том, что окружающие несправедливо с ним обращаются»[62].

Таким образом, маргинальными считаются люди, которые находятся на границе между двумя или более социальными мирами, но не принимаются ни одним из них в качестве полноправного участника. Подобная ситуация характерна для большинства международных мигрантов, и мигранты – самые характерные маргиналы.

Маргинальность сопряжена с психическим напряжением, которое может привести к разорванности личностного самосознания. С другой стороны, маргинальность выражается в творческих потенциях, люди этого типа часто становились лидерами национальных движений, видными деятелями культуры и т. д.

Мигранты, в свою очередь, будучи маргиналами, активизируют свои

---

[60] Дмитриев А.В. Конфликтология. М.: Гардарики,2000. 320 с.

[61] Там же. С. 54.

[62] Там же. С. 123.

знания, навыки и умения, тем самым достигая определенного статуса в принимающем обществе за более короткий срок, нежели представители местного населения.

Мы солидарны с мнением автора, что при анализе межэтнических конфликтов важно определить их участников. Здесь речь идет о таких терминах как «нация», «этнос», которые используются при анализе межэтнических конфликтов.

Дмитриев А.В. выражает позицию, что «этнос» призван характеризовать общность людей, выступающую в своих конкретно-исторических формах, своеобразных проявлениях. Этносы представлены в мировой истории такими типами, как племя, народность, нация. Более высокий и развитый тип этноса, характерный для современного общества – этническая общность. Основным направлением исследования межэтнических конфликтов может считаться традиционный подход, связанный, как правило, с выяснением роли противоречий в отношениях между этносами[63].

В определенной степени позиция Дмитриева А.В. близка идеям Р. Брубейкера. В своей работе «Этничность без границ»[64] он подчеркивает необходимость различать понятия и категории этничности. По его мнению, в этнических конфликтах принимают участие не этнические общности, а группы со своими интересами.

Рассматривая этническую разнородность в Европе, он различает два способа, как она может быть социально организована и политически выражена («иммигрантская» этничность и «территориальная» этничность). Согласно первой модели («иммигрантская» этничность), характерной в основном для Западной Европы, этнические группы возникают в результате миграции и, как правило, являются территориально рассредоточенными.

Согласно второй модели («территориальная» этничность), характерной для восточной части Центральной Европы и Восточной Европы, этнические группы являются местными, во многих случая они порождаются движением границ «через» людей, а не людей через границы. При данной модели группы людей проживают компактно, а их члены (чаще всего, граждане страны) идентифицируют себя с соседними «родственными» или «родными» странами, к которым они принадлежат благодаря общей этничности или культуре, но не правовому гражданству. Самым главным аспектом является то, что данные группы определяют себя в национальных терминах. Здесь этничность принимает форму национальности, этническая разнородность кодируется как национальная разнородность.

Политические заявления, которые делаются этими группами, различны.

---

[63] Дмитриев А.В. Конфликтология. М.: Гардарики, 2000. 320 с.

[64] Брубейкер Р. Этничность без групп / Пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.

Иммигрантская этничность требует политики антидискриминации, гражданского включения и «мягкого мультикультурализма» (т.е. признания, ресурсов, иногда – привилегий и освобождения).

Территориальная национальность включает требования национального самосознания, символического признания в качестве государствообразующей «нации», а не простого «меньшинства».

В настоящее время в Западной Европе, после десятилетий интенсивной миграции из разных стран мира, общественное внимание направлено на иммигрантскую этничность, а этнические требования обычно фреймируются как национальные требования.

Возвращаясь к теории конфликтов, отметим, что позиция Брубейкера Р. основана на мнении, что в настоящее время социальный анализ в большинстве случаев вдохновляется чрезмерно этнитизированным пониманием истории, политики и социального взаимодействия. Значительная роль этничности больше предполагается, чем доказывается, и этнические идентичности приписываются людям, которые могут определять себя в других терминах.

Главным зачинщиком большинства этнических конфликтов являются не этнические группы как таковые, а разного рода организации в широком смысле этого слова, а также облеченные властью их представители[65].

Весомую роль в изучении этнических аспектов миграции занимает теория транснациональной миграции. Данная теория является одной из наиболее перспективных, что объясняется усилением международных контактов без адаптации мигрантов в принимающее сообщество, в тоже время исключая процесс маргинализации. В том числе эмпирические работы в данном направлении в российской практике необходимы.

В научной литературе достаточно часто используются как взаимозаменяемые понятия «международная миграция», «внешняя трудовая миграция», «трансграничная миграция»[66, 67, 68].

Массей и др. в своем теоретическом исследовании также рассматривают транснациональное перемещение (transnational movement) и междуна-

---

[65] Брубейкер Р. Этничность без групп / Пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.

[66] Кашепов А.В. Внешняя трудовая миграция в России // Problemanalysis.ru: центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. 17 с. URL: http:problemanalysis.ru/Dokladi3/Kashepov.pdf (дата обращения: 20.12.2013).

[67] Малахов В. Транснациональная миграция как проблема политической теории // РСМД: Российский совет по международным делам. 19.07.2013. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2135#top (дата обращения: 21.12.2013).

[68] Капицын В.М., Акмалова А.А. Трансграничная система Содружества Независимых Государств // Истина: Интеллектуальная Система Тематического Исследования научно-технической информации. 16 с. URL: http://istina.msu.ru/media/publications/ articles/b04/a2c/1734747/Kapitsyi_V.M._v_soavt._Transgranichnaya_migratsionnaya_sistema_SNG.pdf (дата обращения: 11.11.2013).

родную миграцию как однозначные термины[69].

На наш взгляд, несмотря на внешнюю схожесть терминов, необходимо четко обозначить специфику транснациональных миграций в контексте социологии. Исходя из степени интеграции мигрантов в принимающем сообществе можно выделить отдельный тип мигрантов – трансмигранты.

В работе Eva K. Østergaard-Nielsen[70] отмечается, что несколько десятилетий в научных кругах преобладало исследование такой транснациональной категории как «диаспора». В настоящее время пристальное внимание направлено на другие термины.

В рамках своего исследования Фаист (Faist T.) подчеркивает наличие заметной разницы между понятиями «глобализация» и «транснациональное социальное пространство» (transnational social space) или транснационализация (transnationalization).

Транснационализация имеет более ограниченную территорию влияния нежели глобализация, которая в значительной мере децентрирована от определенных государств и происходит в мировом масштабе[71].

Автором нового понятия «транснациональные сообщества» выступил американский социолог Алехандро Портес. На основе многолетних полевых исследований предпринимательской активности иммигрантов из Доминиканской республики, постоянно покидающих страну исхода и возвращающихся обратно, он пришел к новому видению механизма создания мелкого и среднего бизнеса мигрантами. Мигранты ориентировались не просто на поиск доходного места или свободной экономической ниши, а на создание своего бизнеса путем построения долгосрочных связей между эмигрантами, иммигрантами и теми, кто остался в материнской стране[72].

Согласно идеи Людвига Приса (1996) о «транснациональном социальном пространстве», зачастую мигранты не ориентированы на интеграцию, а этнические меньшинства образуются из местной элиты, а не из вновь прибывающих переселенцев. Трансмигранты, одновременно «проживающие» и в стране исхода и в принимающем сообществе, создают трансна-

---

[69] Douglas S. Massey, Joaquin Arango, Graeme Hugo, Ali Kouaouci, Adela Pellegrino,J. Edward Taylor. Theories of International Migration: A Review and Appraisal // Population and Development Review. 1993. Vol. 19, N. 3. Pp. 431–466.

[70] Eva K. Østergaard-Nielsen. The Politics of Migrants' Transnational Political Practices // Paper given to the conference on Transnational Migration: Comparative Perspectives. Princeton University, 30 June – 1 July 2001. URL: http://www.transcomm.ox.ac.uk/working_papers.htm (дата обращения: 21.02.2013).

[71] Faist T. Transnationalization in International Migration: Implications for the Study of Citizenship and Culture // Ethnic and Racial Studies. 2000. Vol. 23, N. 2. P. 189–222.

[72] Portes A. Globalization from Below: The Rise of Transnational Communities // Transnational Communities Programme. Working Paper. 1997. N. 01. URL: http://www.transcomm.ox.ac.uk/working_papers.htm (дата обращения: 22.03.2013).

циональные социальные сети[73].

В работе Г. Шиллер, Л. Бэш, К. Блэнк[74] отмечено, что трансмигранты ощущают свою принадлежность к двум государствам (принимающей стране и стране исхода). Для них характерно понятие «транснациональной идентичности», которая формируется поверх государственных и территориальных границ. В ходе таких взаимодействий мигранты оказывают влияние друг на друга, обмениваются ценностями и убеждениями с представителями страны исхода и принимающей стороны, вследствие чего их идентичность претерпевает изменения[75].

Зимина Н.С. акцентирует внимание на социально-культурных особенностях трансграничного взаимодействия и концептуализирует социокультурное трансграничье как «пространство взаимодействия культур, следствием которого являются особые социальные, культурные, социоантропологические изменения»[76].

Фаист Т. выделяет три формы транснационального социального пространства: транснациональные взаимоотношения в малых группах (обычно родственные связи, небольшие коллективы) (Transnational Kinship Groups), обменные отношения среди деловых людей (Transnational Circuits) и солидарность в рамках транснациональной общины (диаспоры) (Transnational Communities). Диаспора может быть обозначена как транснациональное сообщество, если ее члены имеют устойчивые связи с принимающей страной, на добровольных началах проживая в ней. К данной категории не будут относиться трудовые мигранты, желающие как можно скорее вернуться на родину, или беженцы. Примером первого вида транснационального социального пространства является факт денежных переводов в домохозяйства, членам семей из страны иммиграции.

Торговые связи (китайских, индийских и др. бизнесменов) являются примером второго типа, для которого характерна постоянная циркуляция товаров, людей и информации между принимающим и отправляющим государством. Часто предприниматели из отправляющей страны используют такие преимущества, как знание языка, наличие друзей и знакомств за рубежом, чтобы закрепиться. Они, как правило, успешно развивают свой бизнес, адаптируясь к социально-экономическим условиям принимающей

---

[73] Кайзер М., Бредникова О. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство. СПб.: ЦНСИ, 2004. С. 133–146.

[74] Nina Glick Shiller, Linda Basch, Cristina Szanton Blanc From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration // Anthropological Quarterly. Jan., 1995. Vol.68. N.1. Pp. 48–63.

[75] Островская Е.А. Транснациональные пространства глобальных межкультурных взаимодействий: методология социологического изучения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI, № 2 (67). С. 168–188.

[76] Зимина Н.С. Формирование регионального трансграничного социокультурного пространства в условиях глобализации (на примере Забайкальского края): автореф. дис. … канд. филос. наук. Чита, 2012. 23 с.

страны. Таким образом, транснациональные деловые отношения проявляются в создании частного бизнеса, организованного с использованием социального капитала в принимающей и отдающей странах.

Для третьего типа характерны тесные связи, в том числе и социальные, между мигрантами и оседлым населением (stayers). Отношения в общине характеризуются высокой степенью личной близости, эмоциональной глубиной, моральными обязательствами, социальной сплоченностью. Очень важно, что эти отношения должны выходить за пределы связей между родственниками. Ярким примером диаспоры является диаспора евреев, а также китайская диаспора[77].

Термин «транснациональные поля» введен в иммиграционной литературе для обозначения сети контактов, созданных иммигрантами и индивидами, проживающими в материнской стране, которые часто пересекают национальные границы в поисках экономической выгоды. Со временем такие контакты приобретают не только экономический, но и политический и культурный аспекты. Отметим, что транснациональные поля не новое явление, так как прецеденты могут быть найдены еще в практике деятельности торговых диаспор средневековья, а также литературе по европейской иммиграции в Соединенные Штаты на рубеже двадцатого века.

Таким образом, концепция транснационального сообщества может рассматриваться как расширение существующей литературы по предпринимательству, но с акцентом на использование международных связей. Если ранее экономические и социологические теории сосредотачивали свое внимание исключительно на результатах рынка труда или малого бизнеса внутри страны для расширения мобильности местного населения, то данная концепция рассматривает вопросы развития предпринимательской деятельности, выходящей за рамки отдельного государства.

Иммигранты преследуют свои экономические интересы, не испытывая проблем из-за длительного периода аккультурации[78]. Транснациональные предприниматели расширяют свои социальные сети, которые помогают им реализовывать свои планы. Если крупные транснациональные компании основываются на своих финансовых возможностях, то для транснациональных мигрантов социальные связи являются их основным капиталом[79].

---

[77] Faist T. Transnationalization in International Migration: Implications for the Study of Citizenship and Culture // Ethnic and Racial Studies. 2000. Vol. 23, N. 2. P. 189–222.

[78] Alejandro Portes, William Haller, Luis E. Guarnizo. Transnational Entrepreneurs: The Emergence and Determinants of an Alternative Form of Immigrant Economic Adaptation // Transnational Communities Programme. Working Paper. 1997. N. 01. 41 p. URL: http://www.transcomm.ox.ac.uk/working_papers.htm (дата обращения: 22.03.2013).

[79] Portes A. Globalization from Below: The Rise of Transnational Communities // Transnational Communities Programme. Working Paper. 1997. N. 01. URL: http://www.transcomm.ox.ac.uk/working_papers.htm (дата обращения: 22.03.2013).

П. Левитт (Peggy Levitt) в своем исследовании отмечает, что более правильным направлением будет не ожидание полной ассимиляции или полного транснационального образа жизни у мигрантов, а формирование некоторой комбинации этих двух вариантов интеграции мигрантов в принимающее сообщество. Кроме того трансграничное перемещение людей может также способствовать развитию транснациональных идентичностей, которые основаны не на национальной или этнической принадлежности, а на общих профессиональных интересах и практиках[80].

Достаточно полно и разносторонне особенности транснационального общества и происходящие в нем процессы рассматриваются научным коллективом под руководством В.И. Дятлова. Авторы исследуют категорию трансграничных мигрантов в России, так как цель их приезда – осуществление экономической деятельности и возврат на родину. На данном этапе проходит первый этап адаптации, которая протекает в рамках социальных транснациональных полей, приспособленных как к стране исхода, так и стране пребывания[81].

На наш взгляд, ярким примером трансмигрантов являются представители стран СНГ, проживающие на территории России и осуществляющие здесь коммерческую деятельность, но не утратившие связи со страной исхода. Этому способствует безвизовый режим въезда из стран СНГ, а также наличие договоренности между Россией и отдельными странами о получении двойного гражданства их гражданами (например, для граждан Таджикистана есть возможность получить второе гражданство – российское).

В то же время в приграничных регионах происходит формирование трансграничного социального пространства, участниками которого являются граждане КНР.

В настоящее время большинство мигрантов, осуществляющих трудовую деятельность (самостоятельную или в качестве наемного работника) знают русский язык, что значительно упрощает организацию бизнеса. Кроме того за прошедшие годы предприниматели из КНР сформировали свой круг знакомых, сотрудничество с которыми помогает им укреплять и расширять свой бизнес. Многие предприниматели либо проживают в России (большинство по визе, продлевая ее ежегодно), либо часто приезжают, постоянно контролируя деятельность предприятий. В тоже время у них нет цели интегрироваться в принимающее сообщество. Занимая место на рынке труда в принимающей стране и производя товар, востребованный широким кругом потребителей, трансмигранты не имеют необходимости

---

[80] Levitt P., "Transnational Migrants: When 'Home" Means More Than One Country," Migration Information Source, Washington, D.C., 1 October 2004. http://www.migrationpolicy.org/print/4728#.U828vEBkHFw (дата обращения: 15.03.2014).

[81] Трансграничные миграции и принимающее сообщество: механизмы и практики взаимной адаптации / Науч. ред. проф. В.И. Дятлов. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2009. 396 с.

полностью принимать нормы и социально-культурные ценности данного сообщества.

Таким образом, согласно идее транснационального сообщества мигрантам вместо необходимости освоения новой культуры, ассимиляции к ней приписывается возможность создания социальных полей, пересекающих географические, культурные, политические границы. Люди, включенные в транснациональную деятельность как в принимающей, так и отдающей стране, представляют собой значительную часть населения этих территорий и становятся частью нового механизма адаптации.

Социологический анализ межкультурных взаимодействий в настоящее время сфокусирован на исследовании основных компонентов транснационального социального пространства (транснациональные акторы, транснациональные сети, транснациональная идентичность). В результате глобализации международных отношений возрастает число акторов, сохраняющих связи со страной исхода и формирующих новые сети в принимающем сообществе.

В настоящее время происходит формирование нового типа восприятия мигрантов. С одной стороны, это мигранты, сохраняющие связи со страной исхода, но создающие социальные сети в новом сообществе. С другой стороны, их включение в социум имеет относительный характер, так как местное население, взаимодействуя с мигрантами в экономической сфере, воспринимает их в рамках социально-культурного взаимодействия как «чужих».

2.3. СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ В ОТНОШЕНИИ МИГРАНТОВ СО СТОРОНЫ ГОСУДАРСТВА, ОБЩЕСТВА

2.3.1 Миграционная политика: виды, типология

Государственные меры, регулирующие миграцию, затрагивают законодательные и экономические аспекты. Основная цель реализуемых мер – не только защита рынка от нежелательных мигрантов, но и решение внутренних задач (экономических, демографических, социальных) за счет миграционного притока.

Успешная миграционная политика должна базироваться на следующих принципах: (а) надежное управление данными о миграции как в стране, так и в мире в целом; (б) наличие сбалансированной стратегии миграционной политики, которая реализуется при скоординированном взаимодействии соответствующих органов власти, общественных структур; (с) наличие институциональных условий с соответствующими возможностями в отношении миграционной политики; (г) правовая основа регулирования трудовых отношений в рамках международной миграции, защита право-

вых, культурных, социальных интересов мигрантов[82].

Возникает необходимость «взаимодействия», под которым подразумеваются повседневные процессы, «на основании которых мигранты поддерживают контакты друг с другом и с принимающими обществами»[83]. Формы взаимодействия могут иметь положительный или отрицательный эффект. Формы позитивного отношения помогают мигрантам создавать сети взаимной поддержки, что создает основу для взаимного уважения и диалога.

Можно выделить пять компонентов, обеспечивающих позитивное взаимодействие различных групп мигрантов между собой, а также с принимающим сообществом.

1. *Условия* взаимодействия, которые включают в первую очередь законодательные и нормативно-правовые условия для интеграции мигрантов (то есть условия для получения гражданства, обеспечения прав и интересов мигрантов на рынке труда).

2. *Пространство и время* для взаимодействия акторов. В повседневной практике не всегда представляется возможным найти время и подходящие условия, а именно: физическое пространство, территорию, где возможно взаимодействие мигрантов и местного населения. Наиболее распространенным видом данного пространства, на наш взгляд, может выступать система образования (детские сады, школы, вузы).

3. *Навыки,* которые помогают людям взаимодействовать между собой.

4. *Процессы* оказания поддержки взаимодействию людей.

5. *Люди и организации,* которые будут выступать в роли посредников между мигрантами и принимающим сообществом, не только содействовать позитивному взаимодействию, но и помогать решать различные вопросы как отдельной группы людей, так и каждого индивида[84].

На наш взгляд, данные компоненты должны быть дополнены такой категорией, как знания о культурных особенностях. Так как незнание культурных особенностей отдельных культурных групп может привести к конфликтным ситуациям. В итоге взаимодействие будет иметь отрицательный эффект. Результат взаимодействия мигрантов с принимающим сообществом и уровень их интеграции во многом обусловлен особенностями миграционной политики, проводимой в принимающей стране. Один

---

[82] Andrea Schmelz. Analysis of Migration Strategies in Selected Countries. Bonn: Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit (GIZ) GmbH Sector Project Migration and Development, 2012. 44 p.

[83] Orton A. Building Migrants' Belonging Through Positive Interactions a Guide for Policy-Makers and Practitioners. Connecting Recognition, Participation and Empowerment To Improve Social Cohesion. Council of Europe Policy Document. 2012. P. 9.

[84] Orton A. Building Migrants' Belonging Through Positive Interactions a Guide for Policy-Makers and Practitioners. Connecting Recognition, Participation and Empowerment To Improve Social Cohesion. Council of Europe Policy Document. 2012. 47 p.

из подходов к миграционной политике включает два направления[85].

1) политика «материнских» государств по отношению к своим соотечественникам, мигрирующим за рубеж;

2) политика принимающих стран по отношению к иммигрантам.

1. Политика «материнских» стран.

В первом случае государство проводит политику либо репатриационную (стимулирование возвращения евреев на «историческую» родину в Израиле, немцев – в Германии), либо диаспоральную (укрепление связей с диаспорами).

На наш взгляд, можно выделить социальное (или социально-политическое) направление в работе с мигрантами. В странах исхода мигрантов создаются структуры (как общественные, так и государственные), которые занимаются вопросами защиты интересов своих граждан за рубежом, решением ряда проблем, затрагивающих социальную сферу. Например, в Гватемале созданы общественные организации, предоставляющие убежище мигрантам из США (в 1994 г. создан Центр помощи мигрантам). В 1998 г. организована Национальная коалиция гватемальских иммигрантов в Соединенных Штатах (CONGUATE), основной целью которой является работа по двустороннему сотрудничеству в целях расширения прав гватемальцев в США. Благодаря усилиям данной организации в правительстве Гватемалы заместитель министра по правам человека и трудящихся публикует отчет о проблемах, стоящих перед потенциальными мигрантами, ориентированными на выезд в Соединенные Штаты. Кроме того в Конгрессе Гватемалы сформирована комиссия по делам трудящихся, которая регулирует миграционные законы и поддерживает мигрантов, желающих вернуться на родину. Создан фонд, помогающий родственникам мигранта вывезти его останки из США в случае его смерти[86].

Другим примером является принятие в Таджикистане в июне 2011 г. поправок в закон «О государственном языке», который в 2009 г. оставил только один язык – таджикский. В настоящее время русский язык имеет статус языка межнационального общения. Данные события связаны с большим миграционным потоком трудовых мигрантов из Таджикистана в Россию[87].

---

[85] Молодикова И.Н. Венгрия, Будапешт. Особенности этнических миграций в странах Центральной Европы в XX – начале XXI века // Центр миграционных исследований. URL: http://migrocenter.ru/publ/konfer/kavkaz/m_kavkaz039. (дата обращения 24.10.2013).

[86] James Smith. Guatemala: Economic Migrants Replace Political Refugees. April [Электронный ресурс]. 2006. URL: http://www.migrationinformation.org/USfocus/ display.cfm?ID=392 (дата обращения: 24.12.2013).

[87] Русский язык вернулся в Таджикистан // Tajmigrant.com: Общероссийское общественное движение «Таджикские трудовые мигранты». 2011. URL: http://tajmigrant.com/russkij-yazyk-vernulsya-v-tadzhikistan.html (дата обращения: 24.12.2013).

Кроме того Россия и Таджикистан подписали межправительственное соглашение об открытии своих информационно-культурных центров в столицах обеих государств, в рамках которых будут изучаться русский язык, культура и русское литературное наследие. Для подготовки граждан Таджикистана, планирующих выехать в Россию, созданы центры подготовки трудовых мигрантов[88]. Таким образом, реализация миграционной политики является взаимообусловленным процессом, в котором участвует не только сама страна, непосредственно принимающая те или иные миграционные меры, но и страны-контрагенты, взаимодействующие на разных основаниях с данной страной.

В трех рассмотренных вариантах миграционной политики рассматриваются виды поддержки этнической миграции. В случае с репатриацией этнический фактор является доминирующим, и для группы лиц, участвующих в этом виде миграции, этничность была важным компонентом их культуры и самосознания еще до самого процесса миграции.

В случае с диаспоральной поддержкой фактор этничности приобретает значимость после пересечения границы и возникновения социальной маргинализации у мигрантов в принимающем сообществе. Исходя из данных условий мы согласны с мнением[89], что у этнической, трудовой миграции и миграции беженцев есть общие проблемы, связанные с социальной маргинализацией, возникновением сложностей в области социальной и экономической интеграции в принимающем сообществе.

По мнению Юдиной Т.Н., характеристика «этнический» имеет искусственный характер и является результатом двух возможных явлений: «другого определения» или самоопределения.

«Другое самоопределение» означает наличие нежелательных характеристик и качеств, которые приписываются доминирующими группами другим группам, занимающим более низкое социальное положение.

Самоопределение рассматривается как осознание членами группы своей принадлежности к ней на основе разделяемых культурных и социальных характеристик[90].

Если в первом случае происходит навязывание этнических характеристик, то в случае самоопределения происходит сознательное позиционирование себя этнической группой, что позволяет накапливать социальный капитал, позволяющий данной группе минимизировать политические и

---

[88] Саркорова А. Таджикских гастарбайтеров будут учить русскому языку // BBC: Русская служба. 01.02.2011. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2011/02/110201_ tajik_russian.shtml (дата обращения: 02.03.2013).

[89] Молодикова И.Н. Венгрия, Будапешт. Особенности этнических миграций в странах Центральной Европы в XX – начале XXI века // Центр миграционных исследований. URL: http://migrocenter.ru/publ/konfer/kavkaz/m_kavkaz039. (дата обращения 24.10.2013).

[90] Юдина Т.Н. Социология миграции. М.: Академический Проект, 2006. 272 с.

экономические издержки.

Иларионова Т. в целом исключает выбор «другого определения» или самоопределения при анализе этнической миграции, рассматривая в рамках данного определения только тех, «кто покинул прежнюю страну проживания из-за преследования по признаку национальности»[91].

Топилин А.В. придерживается мнения, что по форме этнической можно признать любую миграцию, так как миграционный поток состоит из представителей одной или нескольких этнических групп. Решающим моментом для выделения этнических миграций является действие этнических факторов[92].

В отношении мигрантов встречаются случаи их определения как «этнические», при этом не всегда сами мигранты хотят обозначать и подчеркивать свою этническую принадлежность.

В целом можно сказать, что политика материнской страны в отношении мигрантов может смягчить возможные негативные последствия приезда в другую страну, однако основную роль играет реализуемая стратегия миграционной политики в стране приема.

2. Политика стран, принимающих мигрантов.

Особенности миграционной политики позволяют выделить две группы стран.

1. «Страны классической иммиграции», для которых характерна постоянная миграция, а прибывающее население наделяется практически теми же правами, что и граждане принимающей страны. Сюда относятся Австралия, Канада, Новая Зеландия, США.

2. «Страны новой миграции». Среди стран данной категории преобладают временные перемещения населения с явными ограничительными характеристиками. До конца 1990-х гг. данные страны были неэмигрантскими, в их законодательстве понятие «иммигрант» заменялось понятием «иностранец»[93].

Рассмотрим более подробно особенности реализации миграционной политики в первой группе стран. В странах «классической миграции» можно выделить три направления реализации миграционной политики:

– в отношении постоянных мигрантов;

---

[91] Иларионова Т. Миграция как результат конфликта личности и государства / Миграция и развитие (пятые Валентеевские чтения): мат-лы междунар. конф., посвященной 85-летию со дня рождения профессора Д.И. Валентея и 40-летию со дня основания кафедры народонаселения МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, 13–15 сентября 2007 г. Т. 1. М.: издательство МГУ, СП Мысль, 2007. С. 59.

[92] Топилин А.В. Взаимодействие миграционных и этнических процессов. М.: Экон-информ, 2010. 170 с.

[93] Молодикова И.Н. Основные этапы и методы управления трудовой миграцией в западноевропейских странах // Демоскоп Weekly: демографический еженедельник. 2003. URL: http://demoscope.ru/weekly/2003/0121/analit02.php (дата обращения 19.12.2013).

– в отношении беженцев или перемещенных лиц;

– в отношении нелегальных мигрантов.

В отношении постоянных мигрантов существуют механизмы отбора постоянных мигрантов (преференциальная и балльная системы). Преференциальное квотирование впервые было применено в 1952 г. Позже вводились новые условия прохождения трудовой сертификации, приняты шесть преференциальных категорий мигрантов. В 1960-е гг. был отмен порядок определения квот исходя из национальности иммигрантов.

Балльная система отбора впервые в истории иммиграционной политики начала действовать в Канаде в 1967 г. для отбора независимых переселенцев по экономической программе. В балльной системе отбора личные качества мигранта переводят в количественные. Данная система принята в Австралии (1989 г.), Новой Зеландии (1991 г.).

В 1960–1970-е гг. были запрещены любые элементы дискриминации в иммиграционной политике по расовому, этническому, религиозному и другим признакам. В 1990 г. в США была введена специальная иммиграционная преференция.

Нелегальная миграция активизировалась в 1980-е г., что вызвало рост антимигрантских настроений. Либерализм миграционной политики по отношению к нелегальным мигрантам в этих странах проявляется в сохранении объемов миграции при ужесточении контроля (в США был принят Закон об иммиграционной реформе и контроле, до начала действия которого было амнистировано около 2,7 млн. нелегальных мигрантов)[94].

Для второй группы стран можно выделить несколько этапов, исходя из особенностей реализации миграционной политики:

1) 1945–1973 гг. – привлечение большого числа трудовых мигрантов на основе межгосударственных соглашений. Политика в отношении привлекаемых рабочих была дискриминационной и ограничительной;

2) 1973 – настоящее время – происходит усиление интеграционных связей западноевропейских стран, в Германии официально (в ряде стран неофициально) введены специальные меры по ограничению доступа иностранцев на ее рынок, то есть иностранцам создавались условия маргинального статуса с ответствующим уровнем заработной платы. Боязнь большого потока мигрантов в 1990-е гг. дала толчок юридическому оформлению единого экономического и политического пространства западноевропейских стран. Политика 1990-х гг. – поляризация стран на Шенгенские, страны буферной зоны (в том числе ожидающие приема в ЕС), транзитные страны и страны исхода. С 1998 г. страны вынуждены разрабатывать положения об интеграции мигрантов, в том числе на законодательном уровне.

---

[94] Денисенко М. Изменения в миграционной политике развитых стран // Отечественные записки. 2004. № 4. С. 222–236.

Особенностью современного этапа является осознание наличия «новых меньшинств», которые формировались в течение нескольких десятков лет. В результате возникла необходимость разработки миграционной политики, включающей как разрешительные так и ограничительные меры[95].

В начале 2000-х гг. страны – члены Организации экономического расширения и сотрудничества (ОЭСР) предпринимали более жесткие меры по отношению к въезду и проживанию на их территории иностранцев, в том числе изменились требования к воссоединению семей (Австрия, Дания, Нидерланды), усилили внимание к отбору новых мигрантов (Великобритания, Франция, Норвегия). Кроме того проводилась работа с нелегальными мигрантами как в части ужесточения контроля за ними, так и в форме международной кооперации с целью возврата мигрантов на родину. Однако в целом для большинства стран ОЭСР важнейшим направлением регулирования миграции остается социально-экономическая интеграция иммигрантов[96].

В настоящее время можно выделить три типа стран, исходя из применяемой ими стратегии по отношению к мигрантам.

1. Страны с «традиционным» иммиграционным режимом, для которых характерна постоянная или долгосрочная миграции, а также воссоединение с семьей. Эти режимы сегодня, как правило, реализуются с долгосрочными перспективами увеличения демографических показателей в стране, а также заполнением необходимых вакансий на рынке труда с помощью мигрантов, обладающих необходимым уровнем квалификации. Как правило, данная стратегия подразумевает равное обращение и интеграцию иммигрантов и местного населения.

2. «Особый» режим, основанный на приеме иммигрантов с необходимыми навыками и квалификацией на определенный срок. В странах Европейского союза в рамках данного режима происходит допуск высококвалифицированных сотрудников, переводы сотрудников внутри компании, а также действует режим «голубой карты». Так же как и в первом варианте, пропагандируются защита прав мигрантов и равенство с местным населением.

3. Режим «круговой миграции» характеризуется преобладанием краткосрочной, сезонной миграции. Данный режим подразумевает привлечение двух категорий мигрантов: низко- и высококвалифицированных. Исходя из краткосрочных договоров с мигрантами, ориентированными на

---

[95] Молодикова И.Н. Основные этапы и методы управления трудовой миграцией в западноевропейских странах // Демоскоп Weekly: демографический еженедельник. 2003. URL: http://demoscope.ru/weekly/2003/0121/analit02.php (дата обращения 19.12.2013).

[96] Миграция вносит растущий вклад в формирование населения принимающих стран // Демоскоп Weekly: демографический еженедельник. 2003. URL: http://demoscope.ru/weekly/2003/0137/barom04.php (дата обращения: 03.11.2012).

осуществление трудовой деятельности, прибывшее население не оказывает какой-либо роли на социальную структуру и сплоченность общества, не возникает потребности в решении вопросов взаимодействия с инокультурными группами. В результате сохраняется расовая, этническая, культурная и историческая идентичность принимающего общества[97].

Обозначенные типы стран могут применять разные виды миграционной политики.

Традиционно выделяют три варианта политики в отношении мигрантов (стратегии интеграции мигрантов):

1) политика сегрегации – полная эксклюзия из принимающего сообщества;

2) политика ассимиляции, выражающаяся в требовании отказа от своей культуры с заменой ее на образ жизни большинства населения принимающей страны;

3) политика мультикультурализма, ориентированная на разрешение сохранения мигрантами своей культуры и религии взамен на соблюдение закона и основополагающих социальных норм[98].

Хантингтон С. подчеркивает, что дисперсное размещение мигрантов является основой ассимиляции, приводит к более быстрому вовлечению приезжих в новое сообщество[99].

Рязанцев С. отмечает, что миграционная политика многих развитых стран может реализовываться посредством ассимиляции или взаимного сосуществования культур. К первому типу стран относятся Франция, Германия, США, Швейцария. Ко второму – Великобритания, Канада, Нидерланды, Бельгия, государства Скандинавии[100]. Под ассимиляцией понимается ситуация, когда иностранное происхождение граждан невозможно определить, кроме как по антропологическим признакам. Кроме того они не причисляют себя к каким-либо этнонациональным сообществам.

Интеграция, в свою очередь, предполагает институциализацию иммигрантской культуры и религии при сохранении иммигрантам и их потом-

---

[97] Patrick Taran. Decent Work for Migrant Workers: Rights & Justice in a Globalized World Order Crisis, Migration & Precarious Work global migration Policy associates. 2012. URL: http://www.mrci.ie/wp-content/uploads/2012/10/Decent-Work-for-Migrant-Workers.-Rights-and-Justice-in-a-Globalized-World-Order.-MRCI-2012.pdf (дата обращения: 20.11.2013).

[98] Прохорова А. Политика интеграции мигрантов в России: пример оценки с использованием индекса интеграции MIPEX // Демоскоп Weekly: демографический еженедельник. 2011. URL: http://demoscope.ru/weekly/2011/0479/analit05.php (дата обращения: 21.12.2013).

[99] Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. 635 с.

[100] Рязанцев С. Миграционные тренды и международная безопасность // Международные процессы. 2003. Т. 1, № 3 (3). URL : http://www.intertrends.ru/three/003.htm (дата обращения: 20.02.2013).

ках равных позиций с коренным гражданским населением в обществе[101].

Исходя из степени открытости государственной иммиграционной политики, Колосницына М.Г., Суворова И.К. предлагают рассматривать следующие группы стран[102].

1. Страны, ориентированные на применение политики «открытых дверей» (США, Канада, Австралия), поощряющие постоянную миграцию, разрешающие воссоединение семей и получение мигрантами гражданства.

2. Для второй группы стран (Франция, Нидерланды, Великобритания) характерен селективный подход при приеме мигрантов. Возможно получение гражданства, однако, этот процесс занимает большее время, нежели в первой группе.

3. Страны реализующие «гостевую» модель миграции, политику которых можно обозначить как «запретительную» (Германия, Швейцария, Бельгия). Здесь поощряется только временная иммиграция, запрещается «воссоединение семей». Для получения гражданства используются очень строгие критерии натурализации.

Европейские страны характеризуются различными подходами к реализации миграционной политики. Трыканова С.А. выделяет четыре подхода[103].

1. *Имперский подход,* предполагающий, что все члены нации являются объектами единой власти или единого правительства. Ранее данного подхода придерживалась Великобритания однако, в настоящее время ни одна из европейских стран не применяет данный подход.

2. *Этнический подход* связан с определением общности исторических корней или общности судьбы, проявляющейся в едином языке, культуре и в принадлежности к единой этнической общности. Данный подход исключает иммигрантов с самобытной культурой и иными родовыми корнями из числа полноправных членов нации. Подобная политика проводилась Германией, где предполагалась полная ассимиляция.

3. *Республиканский подход* определяет статус мигранта, исходя из его политических установок. Получение гражданства является возможностью интегрироваться в принимающее сообщество, а не результатом. Данная практика применялась во Франции, однако события, происходящие в последние годы, дают повод оценивать данную практику как неудачную.

4. *Мультикультурный подход* допускает культурные различия внутри общества. Главной задачей является достижение равенства перед законом,

---

[101] Трыканова С.А. Организационно-правовое регулирование миграции в России и Европе: сравнительный анализ. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2012. 192 с.

[102] Колосницына М.Г., Суворова И.К. Международная трудовая миграция: теоретические основы и политика регулирования // Экономический журнал ВЭШ. 2005. № 4. С. 543–565.

[103] Трыканова С.А. Организационно-правовое регулирование миграции в России и Европе: сравнительный анализ. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2012. 192 с.

равная доступность социальных благ (системы образования, медицины, доступность рынка труда).

Авторы «Словаря расы, национальности и культуры» рассматривают мультикультурализм как сосуществование множества различных видов культур в рамках одной группы или общества. Часто в качестве синонима используется термин «культурный плюрализм». В социологической и политической дискуссии, мультикультурализм относится к конкретной политической системе или конкретной политике, направленной на предоставление и обеспечение равных прав для разных культур[104].

На наш взгляд, крайне важно, поддерживая каждую из культур, делать акцент не на различиях, а на общих интересах, взглядах на происходящие процессы, что будет способствовать формированию общих основ идентичности.

Нам импонирует мнение Ортона А. о том, что «сильная идентификация себя с отдельной группой, культурой или делом может исключить других людей, которые не разделяют такой самоидентификации. Если люди будут замыкаться и группироваться таким образом, <…> то могут создаться разделительные линии, а отношения станут поляризованными»[105].

Долгое время считалось, что политика мультикультурализма является золотой серединой. Примером успешной реализации политики мультикультурализма на государственном уровне может быть Австралия, где период после окончания Второй мировой войны был отмечен значительным притоком иммигрантов из стран Европы, Ближнего Востока и Азии. Основными принципами данной политики было соблюдение прав человека, независимо от места его рождения, защита от дискриминации, а также толерантность к иной культуре.

Европейские страны также придерживались политики мультикультурализма. Предпосылки выбора данной стратегии имели другие основания, нежели в Австралии. Европейский «миграционный кризис» рассматривается начиная с 1989 г. Распад Советского Союза и Восточной Европы привел к нестабильности в Центральной Европе и подорвал многие барьеры, которые сдерживали мобильность населения. Ожидалось, что поток из миллионов отчаявшихся мигрантов «накроет» западную систему европейского обеспечения и приведет к снижению уровня жизни. Однако к середине 1990-х гг. стало ясно, что «вторжения» не будет.

Миграционные потоки в направлении Восток-Запад в основном увеличились за счет перемещения представителей этнических меньшинств

---

[104] Guido Bolaf G., Bracalenti R., Braham P. and Gindro S. Dictionary of Race, Ethnicity and Culture. London Thousand Oaks New Delhi. 2002. 374 p.

[105] Orton A. Building Migrants' Belonging Through Positive Interactions a Guide for Policy-Makers and Practitioners. Connecting Recognition, Participation and Empowerment To Improve Social Cohesion. Council of Europe Policy Document. 2012. P. 37.

на так называемую «этническую Родину», где они имели право на получение гражданства (этнические немцы, русские евреи, болгарские турки, понтийские греки). В тоже время миллионы людей перемещались между бывшими Союзными республиками, что сделало Россию одной из крупнейших стран миграции.

Период конца 1980-х – начала 1990-х гг. был переломным моментом в европейской миграции. Именно в это время значительно возрос практический и научный интерес к процессам формирования этнических общин. На данном этапе большое внимание уделялось проблеме мигрантов-беженцев, нелегальных мигрантов, что активно обсуждалось в средствах массовой информации и отдельными политическими партиями[106].

В Великобритании рост числа иммигрантов из развивающихся стран сопровождался оттоком местного населения, что спровоцировало новый этап дебатов об эффективной миграционной политике. По результатам исследования общественного мнения граждан Великобритании очевидно, что этот вопрос ставится одним из главных и может влиять на распределение голосов в парламентских выборах. Политика мультикультурализма имела положительные эффекты в отношении «старых» этнических групп (в части получения гражданства, доступа к образовательным и ресурсам и возможности роста по социальной лестнице). «Новые» мигранты были весьма разнообразны в происхождении: две трети в 2001 г. прибыли из стран Африки, Азии и Латинской Америки. Только одна треть мигрантов из стран Европы или других «белых» стран.

В 2001 г. в Великобритании в рамках развития политики мультикультурализма стал использоваться термин «социальная сплоченность», которая стала основной идеей в дебатах об этнических общинах. Социальная сплоченность была продолжением реализуемой миграционной политики и включала культурную гомогенность и социально-экономическую интеграцию мигрантов в принимающем обществе. Она должна была достигаться сдачей экзаменов на гражданство для лиц, желающих натурализоваться, а также расширением интеграционных проявления в различных сферах жизни общества[107]. Однако с 2004 г. вопросы иммиграции, беженцев, расовые отношения казались уже неразрешимыми для британского общества. Отчасти подобная ситуация отмечалась и в других европейских странах, где сохранялся положительный приток мигрантов из развивающихся стран, что обостряло этнические, расовые, культурные и другие проблемы.

В последние годы высказывается мнение, что политика мультикульту-

---

[106] Прохорова А. Политика интеграции мигрантов в России: пример оценки с использованием индекса интеграции MIPEX // Демоскоп Weekly: демографический еженедельник. 2011. URL: http://demoscope.ru/weekly/2011/0479/analit05.php (дата обращения: 21.12.2013).

[107] Carl-Ulrik Schierup, Peo Hansen and Stephen Castles. Migration, Citizenship and the European Welfare State: European Dilemma. New York: Oxford University Press. 2006. Pp. 122–123.

рализма не оправдала себя. Парадокс же мультикультурализма возникает вследствие несоответствия теоретических постулатов и практических реалий их реализации. Иными словами, он проявился в том, что произошло возвышение национальных меньшинств (их культуры, образа жизни и т.д.) при условии определенного «табу» для большинства. Это «табу» ограничивает «принимающее сообщество» в проявлении своей собственной идентичности и в критике образа жизни мигрантов (прежде всего – мусульман). Всяческие дискуссии между представителями различных народов не приветствуются, хотя диалог между культурами является сутью мультикультурализма.

В книге члена совета директоров Немецкого федерального банка Тило Саррацина «Германия отменяется» («Germany Is Doing Away With Itself») предложена «теория о национальной сегрегации». Можно сказать, что именно с этой книги начался процесс критики политики мультикультурализма на самом высоком официальном уровне. Впервые о провале политики мультикультурализма заявила канцлер Германии Ангела Меркель в октябре 2010 г. на встрече с членами Христианско-Демократического Союза (ХДС). В начале 2011 г. с мнением А. Меркель согласились премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон и президент Франции Н. Саркози. Позже выступили с похожими заявлениями: вице-премьер Нидерландов Максим Верхаген, генеральный секретарь Совета Европы и бывший премьер Норвегии Турбьёрн Ягланд, бывшие премьер-министры Бельгии Ив Летерм и Австралии Джон Говард и др. Основная причина сложившейся ситуации заключалась в гипертрофированной заботе об идентичности иммигрантов при недостаточном внимании к идентичности принимающего сообщества[108].

Этническая иммиграция может реализовываться посредством двух каналов: репатриации и мультикультурации. Репатриация реализует принцип этнокультурной концентрации, то есть ориентирована на сохранение и укрепление этнокультурного ядра, усиление национальной идентичности на основе принципа моноэтнизма.

Мультикультурация, наоборот, основана на принципе этнокультурного разнообразия. Целью данного канала является сохранение и увеличение культурного и этнического разнообразия страны. Выбор канала зависит от выбора моно- или мультикультурализма[109].

---

[108] International Project of the Public Union «For Human Rights» The Decline of Europe [Электронный ресурс]. 2013. URL: http://thedecline.info/en/part1 (дата обращения: 21.12.2013).

[109] Выхованец О.Д. Управление миграционными процессами: инженерно-технологический подход // Миграция и развитие (Пятые Валентеевские чтения): мат-лы междунар. конф., посвященной 85-летию со дня рождения профессора Д.И. Валентея и 40-летию со дня основания кафедры народонаселения МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, 13–15 сентября 2007 г. Т. 1. М.: Издательство МГУ, СП Мысль, 2007. С. 26–46.

В настоящее время в мире сложилось двойственной отношение к политике мультикультурализма. Позитивное отношение сохраняется у Австралии, Канады. Негативно настроены в первую очередь страны Европы.

По данным опросов, проведенных Агентством Европейского союза в 2003 г. по основным правам, отмечается дифференциация отношения граждан разных стран Европы к политике мультикультурализма[110]. В исследовании оценивалась степень сопротивления населения европейских стран к мультикультурному обществу в течение 1997–2003 гг. В результате исследований показано, что в целом устойчивость к мультикультурному обществу оставалась довольно стабильной при незначительном увеличении в период между 1997 и 2000 гг. и общим снижением в период с 2000 по 2003 гг.[111]

Большинство европейцев (два из трех) поддерживают необходимость равных законных прав местным жителям и мигрантам, без предоставления последним особых условий на основании проводимой политики репатриации. Однако в некоторых странах отношение к этому аспекту миграционной политики различается. Люди в государствах Средиземноморья, а также в ряде стран Центральной Европы поддерживают политику репатриации мигрантов, что гораздо менее распространено среди жителей Скандинавских стран. В Северных странах, а также в странах Западной и Центральной Европы население настаивает на соответствии меньшинств мигрантов общим законам, без предоставления им преференций, в то время как люди в странах Средиземноморья поддерживают эту точку зрения намного меньше[112].

Э. Блайх в своем анализе мультикультурной политики в области образования в Великобритании и Франции выделил четыре структуры: две немультикультурные (подготовничество и ассимиляция) и две мультикультурные (пассивный мультикультурализм и активный мультикультурализм). Подготовничество ориентировано на сохранение культурных различий посредством изгнания или «вывоза» культурных меньшинств. В рамках ассимиляции происходит процесс перехода к однородности путем ликвидации культурных различий.

Пассивный мультикультурализм позволяет сохранять культурное разнообразие путем внесения определенных исключений для меньшинств, ограничивая влияние на изменение культуры большинства. Активная политика мультикультурализма – это попытка создать новую национальную

---

[110] Majorities' attitudes towards minorities in European Union Member States Results from the Standard Eurobarometers 1997–2000–2003. Report 2 for the European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia. 01.04.2003. 101 p. URL: http://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/149-Report-2.pdf (дата обращения: 19.01.2014).

[111] Там же. P. 42–43.

[112] Там же. P. 5.

культуру, которая охватывает культуру большинства и этнических меньшинств. Важно, что в обоих случаях дети мигрантов имеют возможность сохранить свой язык[113].

Томас Фаист отмечает, что пассивный мультикультурализм означает, что иммигранты и меньшинства могут выразить свою культурные различия в частной сфере. В тоже время в общественной сфере права и принципы равны для всех. Сторонники активного мультикультурализма утверждают, что принимая нормы принимающего сообщества, мигранты должны иметь возможность участия в общественной жизни на равных условиях с местными жителями[114].

На наш взгляд, именно такой дифференцированный подход к политике мультикультурализма может быть одним из возможных вариантов политики принимающих государств.

Исходя из современных тенденций миграционных процессов, Жан Питерс предлагает использовать термин глобальной мультикультуры, считая, что в настоящее время недостаточно говорить лишь о глобальной культуре. Наличие трансмигрантов и трансграничной миграции вызывает необходимость применять термин «глобальная мультикультура», которая включает интересы сообществ, проживающих в разных странах[115].

Таким образом, в настоящее время произошел перелом в осознании роли миграции и мигрантских сообществ в развитии принимающих стран, в том числе в формировании их социокультурного пространства. Этот перелом коснулся в первую очередь европейских стран. Существовавшая ранее система не позволила создать единое интегрированное общество. Результатом проводимой политики явилось формирование отдельных инокультурных сообществ, обладающих социальными ресурсами и оказывающими значительную роль в развитии экономики стран приема. Это, в свою очередь, приводит к возникновению противоречий между интересами местного населения и иммигрантов. Х. Хаас отмечает, что достижение эффективного миграционного контроля практически невозможно без радикального сокращение гражданских прав, что противоречит основам демократического общества. Тотальный контроль миграции возможен только в тоталитарных государствах, примером которого был Советский Союз [116].

---

[113] Bleich Erik. From International Ideas to Domestic Policies: Educational Multiculturalism in England and France // Comparative Politics 31. 1 October 1998. P. 81–100.

[114] Faist T. Transnationalization in International Migration: Implications for the Study of Citizenship and Culture // Ethnic and Racial Studies. 2000. Vol. 23, N. 2. P. 189–222.

[115] Jan Nederveen Pieterse. Global Multiculturalism, Flexible Acculturation // Transcience Journal. 2010. Vol 1, N. 1. P. 87–105.

[116] Hein de Haas. International Migration, Remittances and Development: myths and facts // Third World Quarterly. 2005. Vol. 26, N. 8. Pp. 1269–1284.

В целом при эффективной миграционной политике должна происходить интеграция мигрантов в социальную, экономическую, правовую и культурную сферы. В настоящее время сообщества большинства европейских стран (в первую очередь, развитые страны Скандинавии и Западной Европы) выступают против предоставления мигрантам особых условий в социально-экономической, культурной, политической сферах. Важно учитывать тот факт, что в странах, где присутствие мигрантов рассматривается как нежелательное, как угроза экономическому благосостоянию, общественному порядку и национальной идентичности, формирование этнических общин идет более интенсивно, нежели в странах с либеральным подходом к формированию иноэтничных групп[117]. Кроме того при усилении контроля над миграцией может быть достигнут обратный эффект – мигранты стремятся перейти на нелегальный уровень, что в свою очередь приводит к их эксплуатации, торговле людьми, усилению уровня преступности в стране, росту коррупции[118].

Таким образом, политика мультикультурализма, направленная на предоставления ряда преимуществ меньшинствам, не оправдала себя, что вызывает необходимость использования новых подходов к миграционной политике в принимающих сообществах.

2.3.2 Иммиграция: факторы влияния, отношение местного населения

Масштаб и степень влияния миграции на страну въезда в настоящее время колоссальные. Миграционные процессы приводят к существенным изменениям в различных сферах жизнедеятельности принимающего общества. В настоящее время сложились общества с большим культурным и этническим разнообразием, что вызывает необходимость постоянной работы стран приемы в сфере регулирования миграционного процесса.

Как уже были отмечено нами ранее, одной из стратегий осмысления увеличения потока мигрантов и выработки отношения к нему становится мигрантофобия. Мигрантофобия – неизбежная составная часть адаптационной реакции принимающего общества. «Чужаки» могут восприниматься исходя из прошлого опыта, существовавших этнических, расовых и культурных фобий[119].

Расширение информационного поля о количественных и качественных

---

[117] Юдина Т.Н. Социология миграции. М.: Академический Проект, 2006. 272 с.

[118] Elements of a comprehensive migration management approach. MC/INF/255. EIGHTY-FOURTH SESSION. 2002. 6 p.

[119] Дятлов В.И. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: «Оттиск», 2010. С. 451–484.

показателях того или иного социального процесса позволяет снять ряд вопросов и обеспечить более позитивное отношение к происходящим изменениям. Миграционные процессы и процесс интеграции должны активно поддерживаться на законодательном уровне, встречать содействие со стороны общественных организаций и базироваться на недискриминации в отношении иноэтничных групп. Немаловажным является расширение информационного поля о происходящих процессах в различных источниках информации[120].

«Миграционная политика представляет собой систему общепринятых на уровне идей и концептуально объединенных средств, с помощью которых прежде всего государство, а также его общественные институты, соблюдая определенные принципы, соответствующие конкретно-историческим условиям страны, предполагают достижение целей, адекватных как этому, так и последующему этапу развития общества»[121].

Основные проблемы, связанные с миграцией, в основном затрагивают вопросы управления трудовой миграцией, объемы денежных переводов от мигрантов в страну выбытия, развитие частного сектора экономики за счет мигрантов[122].

Независимо от типа реализуемой стратегии миграция порождает различные эффекты, которые касаются как самого мигранта, так и стран исхода и въезда. При этом эффект может иметь как положительное так и отрицательное значение. При анализе эффектов миграции авторы[123, 124] часто оценивают их для стран исхода и страны въезда мигрантов. *Для стран исхода* мигрантов в качестве негативных эффектов отмечают «утечку мозгов», то есть отъезд квалифицированных специалистов, изменение возрастной структуры населения, снижение демографического потенциала страны (ухудшение здоровья населения из-за плохих условий труда, отрыв от семьи). Позитивные эффекты чаще всего связаны с относительным перенаселением, высокой незанятостью и низкими доходами населения (что характерно для развивающихся стран). С точки зрения социально-экономической можно отметить мультипликативный эффект за счет дополни-

---

[120] Migration in an Interconnected World: New Directions for Action. Global Commission on International Migration. 2005. 89 p. URL: http://www.queensu.ca/samp/migrationresources/ reports/gcim-complete-report-2005.pdf (дата обращения: 10.08.2012).

[121] Рыбаковский Л.Л., Рязанцев С.В. Международная трудовая миграция в Россию и принципы новой миграционной политики // Использование иностранной рабочей силы в России: проблемы и перспективы: мат-лы круглого стола / Отв. ред. Б.А. Хейфец. М.: ИМЭПИ РАН, 2005. С. 7–13.

[122] Kausch Irina. Migration Policy. Guidelines for practice. Eschborn: GTZ, 2010.

[123] Кашепов А.В. Внешняя трудовая миграция в России // Problemanalysis.ru: центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. 17 с. URL: http:problemanalysis.ru/ Dokladi3/Kashepov.pdf (дата обращения: 20.12.2013).

[124] Колосницына М.Г., Суворова И.К. Международная трудовая миграция: теоретические основы и политика регулирования // Экономический журнал ВЭШ. 2005. № 4. С. 543–565.

тельного потребления товаров домашними хозяйствами, проживающими в странах-донорах, но получающих денежные переводы от эмигрантов[125].

Положительные эффекты миграции *для принимающей страны* могут состоять в компенсации естественной убыли населения и трудовых ресурсов. Кроме того привлекая квалифицированных специалистов, страны экономят финансовые средства на образовании мигрантов[126]. Система подготовки и переподготовки кадров в силу своей инертности не может обеспечить экономику необходимыми ей работниками в короткие сроки. Поэтому, в современных условиях происходит переманивание «зарубежных умов», прежде всего из стран развивающихся и с переходной экономикой. В меньшей степени из менее развитых европейских стран[127].

Негативные эффекты для принимающей страны связаны с увеличением нагрузки на его социальную инфраструктуру. В ряде стран из-за высокой стоимости жилья и неразвитости институтов его аренды мигранты лишены возможности арендовать жилье, вынуждены проживать в неприспособленных условиях (в подвалах, на чердаках). Система дошкольного и школьного образования испытывает нагрузку из-за увеличения детей мигрантов, посещающих эти учреждения. Ситуация еще более осложняется незнанием детьми мигрантов языка принимающей страны, что приводит к конфликтным ситуациям (недовольство местного населения, конфликты между детьми в школе и др.). Одной из ярких проблем является отсутствие необходимого контроля за состоянием здоровья трудящихся мигрантов. Если для трудовых мигрантов в России характерна практика предоставления поддельных медицинских справок, то для физических лиц, работающих по патентам, вообще не требуется предоставление справок о состоянии здоровья[128].

Не менее значимым отрицательным последствием иммиграции для принимающего общества являются быстрые изменения этнической структуры населения, нестабильность культурной идентичности населения принимающего общества[129].

Перечисленные факторы создают негативное отношение к мигрантам.

В то же время возникают сложности с социальной интеграцией мигрантов в принимающее общество (культурной, нормативной, коммуника-

---

[125] Крайнов В., Масленкова Е., Челидзе Н. Влияние миграции на экономику // Методология и методы изучения миграционных процессов. М., 2007. С. 316–343.

[126] Колосницына М.Г., Суворова И.К. Международная трудовая миграция: теоретические основы и политика регулирования // Экономический журнал ВЭШ. 2005. № 4. С. 560.

[127] Цапенко И. «Ренессанс» экономической миграции на Западе / Миграция в России. 2000–2012 / Под общ ред. И.С. Иванова. М.: Спецкнига, 2013. Т. 1. Ч. 3. С. 186.

[128] Поставнин В. Влияние миграции на развитие // Миграция в России. 2000–2012 / Под общ. ред. И.С. Иванова. М.: Спецкнига, 2013. Т. 1. Ч. 3. С. 171–184.

[129] Коробков А., Мукомель В. Опыт миграционной политики США: уроки для России / Миграция в России, 2000–2012. / Под общ. ред. И.С. Иванова. М.: Спецкнига, 2013. Т. 2. С. 365–392.

ционной и функциональной).

Важным аспектом является оценка эффектов миграции для самого мигранта. На наш взгляд, нельзя однозначно говорить о положительных эффектах миграции для индивида, так как вполне вероятно, что его ожидания могут не оправдаться. Однако в большинстве случаев можно говорить о повышении уровня безопасности и социального комфорта иммигранта, получении работы, повышении уровня жизни.

В результате эмиграции в странах исхода бедных и безработных становится меньше, а в странах принимающих мигрантов – больше.

Возможные последствия миграции для стран выхода и принимающих сообществ, а также самих мигрантов представлены в таблице 10.

Таблица 10

Положительные и отрицательные эффекты миграции

Страна	Положительный эффект	Отрицательный эффект
Страна исхода мигрантов (страна-донор)	– снижение уровня напряженности на рынке труда (численности и уровня безработицы); – снижение бюджетной нагрузки на пособия по безработице; – рост доходов населения за счет трансфертов мигрантов; – возвращение мигрантов с более высоким квалификационным уровнем, чем до момента иммиграции др.; – мультипликативный эффект.	– отток наиболее квалифицированных кадров («утечка мозгов»), что приводит к технологическим (инновационным), демографическим, финансовым потерям; – рост разводов и распад молодых семей.
Принимающая страна (страна-реципиент)	– рост экономических показателей (число трудовых ресурсов, объемы производства, спрос); – амортизация циклического процесса безработицы и ликвидация структурных диспропорций на рынке труда; – стабилизация демографических показателей; – экономия на социальных выплатах (в случае с временной миграцией); – экономия на обучении (в случае привлечения квалифицированных специалистов).	– увеличение бюджетной нагрузки (возрастает потребность в социальных выплатах); – рост социальной напряженности в обществе (как на индивидуальном, так и на национальном уровне); – рост расходов на социальные, обучающие, адаптационные программы для мигрантов; – нелегальная миграция (оказывает негативное влияние в большей мере на социальную сферу, повышает расходы бюджета страны – образование детей нелегалов; – отток средств за рубеж в качестве трансфертов мигрантов; – зависимость от иностранной рабочей силы в отдельных отраслях экономики.

Мигрант	– улучшение качества жизни; – получение работы; – повышение статуса; – расширение возможностей для детей мигрантов.	– потеря социальных связей (семейных, культурных) со страной исхода; – маргинализация (отсутствие доступа к материальным и нематериальным ресурсам, к власти; уход на нелегальный уровень деятельности, сотрудничество с криминальными структурами).

Источник: Составлено автором.

Учитывая, что миграция является процессом социального взаимодействия и включает три структурных элемента (субъекты взаимодействия – индивиды, их группы; взаимоотношения субъектов взаимодействия; образцы и нормы поведения и связи между субъектами), при реализации миграционной политики необходимо учитывать все указанные компоненты. В принимающих странах миграционная политика является селективной по отношению к мигрантам, что обусловлено интересами общества стран-реципиентов.

Таким образом, любое государство стремиться реализовывать ту стратегию миграционной политики, которая позволит минимизировать негативные эффекты и максимизировать положительные от притока мигрантов. Стремительные темпы роста мигрантов в мире, особенно в отдельных его регионах, приводят к изменению поведения бизнеса в целом. Происходит осознание мигрантов как важной группы потребителей, численность которой возрастает. В результате предприниматели разрабатывают новые стратегии для своих компаний с ориентацией на новых клиентов.

Примером является одна из ведущих компаний в сфере информации (Univision Communications), обслуживающая латиноамериканцев (испаноязычное население) США. У Univision аудитория большая и быстро растет, в 2010 г. она составила более 50 млн. человек. Осознавая важную роль данной целевой аудитории в развитии своего бизнеса, Univision Communications разработала ряд социальных инициатив, направленных на основные потребности испаноязычного населения (предоставление информации об образовании, выборах, вопросах гражданства, получения медицинских услуг и пр.).

Другим примером разработки новых «мигрантоориентированных» стратегий развития бизнеса является Филиппинская телефонная компания Long Distance (PLDT), чья основная деятельность связана с оказанием поддержки филиппинцам-мигрантам и их семьями, оставшимся дома. Через магазин компании PLDT мигранты могут приобрести различную технику, гаджеты через сеть Интернет, которую из семьи могут получить дома, не

тратя время на пересылку товаров через границу[130].

В России бизнес ориентируется на «этническую» нишу в сфере мобильной связи. Планируется предоставление иммигрантам из стран Средней и Центральной Азии недорогих тарифов для связи с домашним регионом, а также дешевого мобильного Интернета[131].

В настоящее время в тарифной линейке «Билайн» есть специальное предложение для иммигрантов – «Добро пожаловать 2013», а также опция «Моя Украина» – для мигрантов, осевших в Москве и Центральном регионе.

Микрофинансовые организации также осваивают новый рынок. Трудовые мигранты из Таджикистана, Киргизии и Узбекистана – основная аудитория МФО «Мол Булак».

Страховые компании пока только приценяются к бизнесу, основанному на мигрантах. Одним из наиболее возможных направлений может быть предоставление мигрантам страховых медицинских полисов[132].

Таким образом, миграционные процессы оказывают непосредственное влияние на стратегии развития бизнеса в принимающей стране и стране исхода мигрантов. В стране исхода есть практики предоставления подробной информации, которая постоянно обновляется, о законодательстве, уровне преступности, политических событиях и т.д. в стране реципиенте (например, в сети Интернет широко представлены сайты для мигрантов из Таджикистана, Киргизии). Одним из примеров является постоянная рассылка с 2011 г. материалов[133].

В большинстве стран-доноров налаживаются формы работы со странами приема мигрантов, обсуждаются и подписываются условия двустороннего регулирования миграционных процессов, активно расширяются возможности получения необходимой информации мигрантами на их родном языке (например, выпускают газеты в стране исхода для мигрантов, проживающих за ее пределами).

Рассмотрим подробно опыт отдельных стран в свете возникновения проблем, обусловленных ростом числа иммигрантов.

---

[130] Koser Kh. The business case for migration: Engaging with the private sector to encourage more proactive migration policies in the interest of economic growth and prosperity / Migration policy practice. 2013. Vol. III, N. 5. P. 13–16.

[131] Васильев Е. В России появится мобильный оператор для гастарбайтеров – СМИ // Вестник Кавказа. 18.12.2013. URL: http://www.vestikavkaza.ru/news/V-Rossii-poyavitsya-mobilnyy-operator-dlya-gastarbayterov-SMI.html (дата обращения 10.01.2014).

[132] Еремина Н., Брызгалова Е. Ловите мигрантов. Российский бизнес все активнее зарабатывает на мигрантах // Газета.Ru: новости. 07.11.2013. URL: http://www.gazeta.ru/business/2013/11/06/5740141.shtml (дата обращения: 11.01.2014).

[133] Новости трудовой миграции из Таджикистана. Обзор интернет СМИ ЦА и Российской Федерации. 2012. 18 с. [Электронный ресурс]. URL: https://auca.kg/uploads/Migration/digest_5/03.pdf (дата обращения: 15.09.2013).

В настоящее время США остаются мировыми лидерами по числу иммигрантов (в 2013 г. 46 млн. мигрантов проживали в США, что составляло почти 20% от общего числа мигрантов в мире), при этом доля иностранных граждан в общей численности населения США (около 14%) ниже, чем в Австралии (28%) или Канаде (21%)[134].

Поток мигрантов в США постоянно возрастает (в 1990 г. число мигрантов составляло 23 млн.), что вызывает много вопросов и проблем.

Федерация реформ американской иммиграции (The Federation for American Immigration Reform's) рассматривает две группы проблем в США, связанных с миграционными потоками: социальные проблемы и демографические. В рамках социальных проблем рассматриваются следующие.

1. Рост численности населения за счет миграции.

75% всех американцев рассматривают 60%-й рост численности населения в стране за счет миграции как серьезную проблему для своих детей и внуков через 25 лет.

2. Стихийный рост городов за счет сельской местности.

Расширение инфраструктуры требует дополнительный финансовых вложений, которые могут достигнуть 1,37 млрд. долл. США в год.

3. Безработица.

Более 1,8 млн. американских рабочих теряют свои места из-за иммигрантов. В итоге пособие по безработице данной категории безработных составляет более 15 млрд. долл. США в год.

4. Снижение уровня заработной платы.

В половине случаев снижение заработной платы обусловлено конкуренцией со стороны мигрантов, которые выполняют аналогичную работу за более низкую оплату. В городах с низким уровне миграции заработная плата выше на 48%, чем в городах с высоким уровнем миграции.

5. Неэффективность.

Низкий уровень знания английского языка среди резидентов страны, родившихся за рубежом, приводит к снижению производительности труда, заработной платы, налоговых поступлений и пособий по безработице, что оценивается в сумму более 175 млрд. долл. США в год.

6. Жилье.

Доля населения, проживающего в переполненном жилье, в семь раз выше в городах с высоким уровнем миграции (22% от общей численности населения), чем в городах с низким уровнем мигрантов (3%).

7. Здравоохранение.

---

[134] Phillip Connor, D'Vera Cohn and Ana Gonzalez-Barrera. Changing Patterns of Global Migration and Remittances More Migrants in U.S. and Other Wealthy Countries; More Money to Middle-Income Countries [Электронный ресурс]. 2013. URL: http://www.pewsocialtrends.org/2013/12/17/changing-patterns-of-global-migration-and-remittances/3/ (дата обращения: 10.01.2014).

43% иммигрантов в возрасте старше 65 лет не имеют медицинской страховки. Услуги здравоохранения таких мигрантов оплачивают налогоплательщики.

8. Рынок труда.

В ближайшие 10 лет ожидается создание 22 млн. новых рабочих мест, однако 6,5 млн. иммигрантов будут безработными.

9. Преступность.

25% заключенных в США – иностранные граждане, ежегодно депортируется более 30 тыс. иностранцев, нарушивших закон.

В рамках социального направления исследователи выделяют следующие проблемы:

1. Школы.

Постоянно возрастает число учащихся-мигрантов в школах страны. Для американских налогоплательщиков стоимость воспитания детей мигрантов составляет более 30 млрд. долл. США в год.

2. Профессиональный и образовательный уровень.

Средний уровень образования у взрослых иммигрантов в среднем ниже, чем образование девятого класса. Разрыв между уровнем образования у местного населения и мигрантов за последние 25 лет увеличился в 4 раза.

3. Энергия.

Половина увеличения объемов потребления энергии в США с 1970 г. связана с иммиграцией.

4. Благосостояние.

Иммигранты в большей степени, нежели местное население, пользуются льготами.

5. Высшая школа.

Существует избыток (на 22% больше, чем надо) выпускников со степенью Ph.D., более 30% из них – иностранные студенты, половина из которых остается в стране[135].

Великобритания является привлекательной страной для мигрантов, однако, в настоящее время, данная страна проводит достаточно жесткую миграционную политику.

Рассмотрим отношение британцев к мигрантам. Число мигрантов Великобритании, начиная с 2004 г., характеризуется постоянным ростом. Общий приток миграции остается почти без изменений на уровне чуть менее 600 тыс. человек каждый год[136].

Обзор результатов социологических опросов британцев подтверждает

---

[135] Immigration 101. A Primer on Immigration and the Need for Reform. The Federation for American Immigration Reform's. 2000. 16 p.

[136] Immigration «Fewer but better»? Public views about immigration. 2012. URL: http://www.bsa-29.natcen.ac.uk/read-the-report/immigration/introduction.aspx (дата обращения: 01.10.2013).

выводы о росте числа респондентов, негативно оценивающих роль миграции. В 1997 г. лишь 5% рассматривали миграцию как одну проблем для Великобритании, в 2006 г. их доля возросла до 40%, в июне 2013 г. – 58%[137].

В рамках мониторинга мнения населения относительно миграционной ситуации в стране проводилось 29-е ежегодное исследование организацией «Британские социологические отношения» (British Social Attitudes (BSA)). Исследование показало, что в обществе возрастает доля населения, поддерживающая меры по снижению числа иммигрантов в Великобритании: в 1995 г. она составляла 63%, в 2012 г. – 75%.

В 2011 г. мнение британцев о воздействии миграции на культурную и экономическую сферы было более пессимистичными, чем в 2002 г. Однако в целом, ответы характеризуются относительной однородностью, что дает возможность говорить об отсутствии явно выраженных антимигрантских настроений.

Несмотря на отрицательный сдвиг, почти половина респондентов (48%) считают экономическое воздействие миграции нейтральным или положительным и чуть более половины (51%) имеют такое мнение относительно культурного воздействия (табл. 11).

Таблица 11

Степень экономического и культурного влияния иммиграции в Великобритании, 2002, 2011 гг., %[138]

Виды влияния миграции	2002 г.	2011 г.	Изменение между 2002–2011 гг.
Экономическое влияние			
Очень хорошее	2	5	+3
Хорошее	24	25	+1
Ни хорошее, ни плохое	28	18	-10
Плохое	32	31	-1
Очень плохое	11	21	+10
Чистый рейтинг (хорошо-плохо)	-17	-22	-5
Культурное влияние			
Очень хорошее	6	8	+2
Хорошее	38	26	-12
Ни хорошее, ни плохое	22	17	-5
Плохое	24	27	+3
Очень плохое	9	21	+12
Чистый рейтинг (хорошо-плохо)	+11	-14	-25

[137] Opinion Poll Results on Immigration. 2014. URL: http://www.migrationwatchuk.org/ briefingPaper/ document/249 (дата обращения: 23.03.2014).

[138] Park A., Clery E., Curtice J., Phillips M. and Utting D. British Social Attitudes: the 29th Report. London: NatCen Social Research, available online at: www.bsa-29.natcen.ac.uk, 2012.

Более 50% населения позитивно оценивают роль миграции квалифицированных специалистов из Восточной Европы и Пакистана и менее 20% – миграцию низкоквалифицированных рабочих из тех же регионов.

В результате проведенного исследования авторы отмечают, что британцы прагматично подходят к анализу сложившейся миграционной ситуации: несмотря на опасения относительно культурного влияния, респонденты положительно оценивают привлечение высококвалифицированных специалистов и студентов (с высоким уровнем образования и желанием учиться). В тоже время низкоквалифицированные кадры и неперспективные студенты рассматриваются как нежелательные группы мигрантов.

Более 60% населения поддерживают мероприятия против расового или религиозного экстремизма и по улучшению межэтнических отношений в стране[139]. В отношении взаимодействия принимающего сообщества и мигрантов существуют различия в отдельных странах. По результатам исследований показано, что в целом мигранты предпочитают интеграцию. Однако мнение населения в принимающих странах не является столь однозначным. Немцы в большинстве случаев выступают за ассимиляцию мигрантов, израильтяне – за интеграцию, голландцы в равной степени выступают за стратегию интеграции и ассимиляции. В то же время выбор стратегии аккультурации зависит от страны исхода мигрантов: если канадцы выступают за интеграционную политику в отношении мигрантов из Франции, то в отношении мигрантов из Гаити преобладает стратегия сегрегации[140].

Важнейшим вопросом для миграционной политики, является конкуренция местного населения и мигрантов на рынке труда. Исследования 2012 г. показали, что уровень занятости местного населения Британии снизился в течение года, в то время как уровень занятости граждан, родившихся за рубежом, возрос. Число занятых граждан Великобритании в течение января-февраля 2012 г. составляло 26,6 млн. человек, что меньше показателя предыдущего года на 43 тыс. человек. В тоже время число занятых нерезидентов в 2012 г. составляло 2,55 млн. человек, что превысило уровень 2011 г. на 49 тыс. человек. Темпы роста уровня занятости местного населения за обозначенный период составили 0,2% при уровне 1,9% у мигрантов[141].

---

[139] What next? // Fear and HOPE. 2014. URL: http://www.fearandhope.org.uk/project-report/what-next (дата обращений: 03.01.2014).

[140] Nigbur D., Brown R., Cameron L., Hossain R., Landau A., Dominique Le Touze, Rutland A., Watters Ch. Acculturation, well-being and classroom behaviour among white British and British Asian primary-school children in the south–east of England: Validating a child-friendly measure of acculturation attitudes // International Journal of Intercultural Relations. 2008. N. 32. Pp. 493–504.

[141] Labour Market Statistics. Statistical Bulletin. Office for National Statistics. 2012. 51 p. URL: http://www.ons.gov.uk/ons/dcp171778_265818.pdf (дата обращения: 13.03.2013).

В последнее время в Великобритании есть мнение, что необходимо сократить число мигрантов в стране. Казначейство Великобритании произвело оценку влияния снижения числа мигрантов на уровень ВВП на душу населения. Полученные расчеты отражают незначительное снижение доходов граждан страны. Снижение чистой миграции на 10 тыс. человек приведет к уменьшению ВВП на душу населения в пределах 0,027%[142]. Таким образом утверждения о значительном экономическом спаде в результате отказа от труда мигрантов безосновательны.

В рамках ежегодного глобального международного опроса Ассоциации Gallup International/WIN исследовательский Холдинг «Ромир» в январе 2012 г. провел на территории России и стран постсоветского пространства опрос об отношении к иммиграции. Полученные результаты по 59 странам мира отражают незначительное преобладание негативного отношения к миграции в большинстве государств, где проводился опрос. В 21 стране индекс иммиграции (разница между долями положительно и отрицательно настроенных респондентов к иммигрантам) был положительным, при отрицательном значении в 39 странах мира. Общемировой индекс поддержки иммиграции составил -4, что ниже уровня 2005 г. (+5). Проведенный анализ показал, что индекс поддержки иммиграции не демонстрирует прямой зависимости от уровня национального дохода или от плотности населения той или иной страны. Близкие показатели индекса характерны для стран с разным уровнем социально-экономического развития. Распределение индекса поддержки иммиграции в отдельных регионах мира представлено на рисунке 1.

Отношение к иммигрантам варьируется в зависимости от возраста и уровня образования: наиболее нетерпимы к иммиграции респонденты старше 50 лет, со средне-низким и низким семейным доходом, с образованием не выше среднего. Положительное отношение к миграции выявлено среди респондентов в возрасте до 30 лет, с высшим образованием, имеющих средне-высокий и высокий семейный доход.

Россия занимает 44-е место в общемировом рейтинге, с показателем -31, что выше уровня 2005 г. на 14 пунктов (в 2005 г. -45). Половина россиян выразила негативное отношение к иммиграции, по 19% – положительное либо нейтральное. Почти каждый десятый респондент (12%) затруднился с ответом[143].

По результатам исследований об оценке изменений типового психологического облика россиян выявлено, что россияне относятся без злобы и агрессии к таджикам и узбекам, проживающим у себя в Таджикистане и

---

[142] Economic Impacts of Immigration to the UK [Электронный ресурс]. 2012. URL: http://www.migrationwatchuk.org/briefing-paper/1.29 (дата обращения: 03.01.2014).

[143] Иммиграция не приветствуется // Romir.ru: Исследовательский холдинг Ромир. Январь 2012. URL: http://romir.ru/studies/342_1338321600/ (дата обращения: 10.12.2013).

Узбекистане, как и к жителям Кавказа, однако к приезжим, отнимающих у них рабочие места, отношение крайне негативное[144].

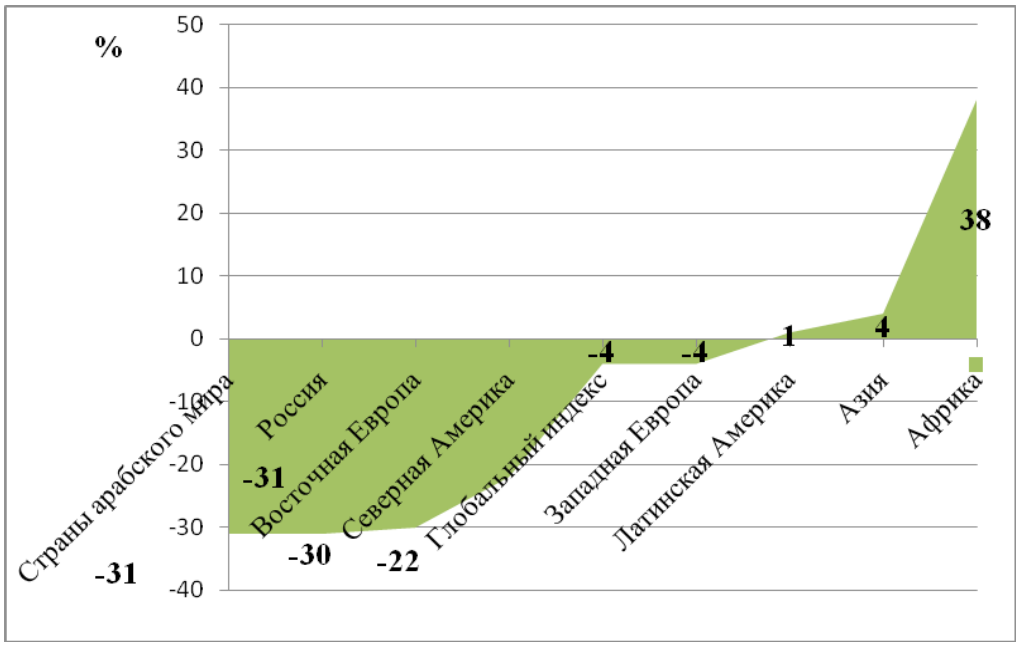

Рис. 1. Показатели индекса поддержки иммиграции в регионах мира[145]

В целом эксперты пришли к выводу, что отношение к мигрантам формируется не национальном уровне, а на ментальном. Основанием для данного заявления являются результаты отношения к мигрантам представителей разных конфессий. Показатель поддержки иммиграции у православных составлял -25%, приверженцев индуизма -21%, католиков -4%, мусульман -2%, буддистов +28%, протестантов +3%[146].

Роль СМИ в формировании образа мигранта.

Не менее важным аспектом разработки миграционной политики является степень взаимосвязи общественного мнения (отношения общества) и позиции официальных политических партий. Политические лозунги во многом зависят от мнения большинства относительно важных вопросов социально-экономического, политического развития общества. На при-

[144] Институт психологии РАН: россияне стали конфликтнее и злее из-за мигрантов // ВАО.РФ. 10.12.2013. URL: http://okrug.info/novosti/politika-i-obschestvo/institut-psihologi-ran-rosijane-stali-konfliktne-i-zle-iz-za-migrantov.html (дата обращения: 15.12.2013).

[145] Иммиграция не приветствуется // Romir.ru: Исследовательский холдинг Ромир. Январь 2012. URL: http://romir.ru/studies/342_1338321600/ (дата обращения: 10.12.2013).

[146] Иммиграция не приветствуется // Исследовательский холдинг Ромир. 30.05.2012. URL: http://romir.ru/studies/342_1338321600/ (дата обращения: 10.12.2013).

мере европейских стран можно утверждать, что существует связь между мнением общества и политическими лозунгами партий страны. Политики и политические партии не могут систематически выступать против общественного мнения и надеяться на возможность быть переизбранными. В то же время неоспорим и тот факт, что иммиграционная политика часто связана с экономическими интересами, в результате чего либеральная иммиграционная политика иногда рассматривается как «необходимое зло» органами власти, независимо от мнения граждан страны[147].

По результатам опроса, проведенного в Великобритании в сентябре 2012 г. с целью выявления отношения населения к проводимой политике в отношении мигрантов, 41% всех респондентов были более склонны поддерживать партию, которая выступала за запрет иммиграции в Великобританию. Почти столько же (37%) скорее одобряют позицию политической партии, которая обещала сократить количество мусульман в британском обществе.

Обращает внимание большой разрыв между поколениями в отношении политики мультикультурализма и в целом к иммиграции. Шестьдесят процентов 18–24-летних не согласны с требованиями партии, которая обязалась запретить иммиграцию. В когорте лиц в возрасте 60 лет и старше сторонников запретительной политики было 54%[148].

В рамках исследований, проведенных в течение последних 30 лет в Австралии, авторы приходят к выводу, что негативно относятся к мигрантам 10% населения и от 30% до 35% характеризуются амбивалентным отношением к ним. Кроме того был обозначен образ жителей Австралии, выступающих против мигрантов:

– лица в возрасте старше 65 лет;

– лица без среднего профессионального образования;

– лица, характеризующие свое финансовое состояние как плохое;

– те, кто занят низкоквалифицированным трудом (водитель, рабочий и т.п.);

– лица, редко посещающие церковную службу, но указывающие на свою религиозную принадлежность;

– одинокие люди (разведенные или овдовевшие)[149].

Полученные результаты подтверждаются исследованием Хансона Ф.

---

[147] Jan Niessen, Thomas Huddleston. Legal Frameworks for the integration of third-country nationals. BRILL. 2009. Pp. 113–114.

[148] This week's public opinion polls: the headlines on immigration // Migrants, rights network. 2012. URL: http://www.migrantsrights.org.uk/blog/2012/09/weeks-public-opinion-polls-headlines-immigration (дата обращения: 20.09.2013).

[149] Andrew Markus. Immigration and public opinion // Immigration and public opinion. 193-209 pp. URL: http://www.pc.gov.au/__data/assets/pdf_file/0017/111059/19-population-chapter10.pdf (дата обращения: 28.12.2013).

(Hanson F.) в 2012 г., где главной целью было выявить основные критерии отбора мигрантов (для проживания в Австралии на постоянной основе) с точки зрения местного населения. В перечень критериев были включены следующие позиции: рабочие навыки (квалификация), знание английского языка, наличие сходных ценностей с австралийцами, уровень образования, религия, расовая принадлежность.

Оказалось, что критерии отбора различаются между поколениями. Австралийцы 60 лет и старше в три раза чаще, чем австралийцы 18 до 29 лет говорили, что раса является «очень важным» критерием (15% по сравнению с 5%). Они в два раза чаще отмечали как «очень важный» критерий «наличие сходных ценностей» (72% по сравнению с 36%). Религия как «очень важный» критерий была отмечена 20% респондентов в возрасте 60 лет и старше, при уровне 8% для респондентов от 18 до 29 лет.

В целом, при необходимости выбора только одного «самого важного» критерия, 34% респондентов выбрали «наличие сходных ценностей» (рис. 2)[150].

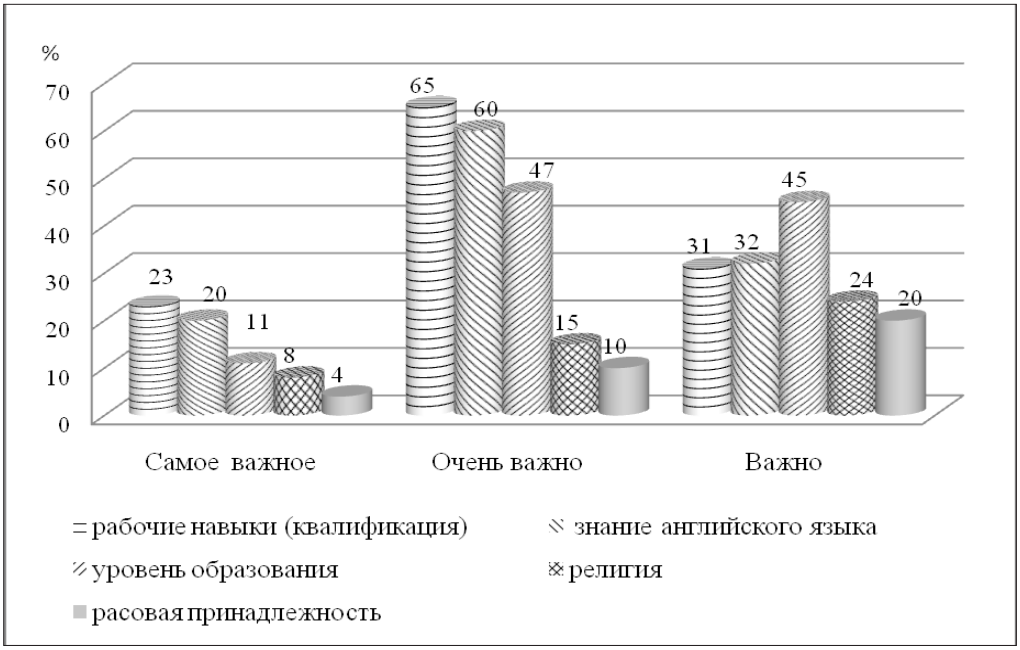

Рис. 2. Критерии для отбора мигрантов, %

Таким образом, в экономически развитых странах, привлекающих большое количество мигрантов, происходит рост доли населения, нега-

[150] Fergus Hanson. Australia and New Zealand in the World public opinion and foreign policy / The Lowy Institute Poll. 2012. 32 p.

тивно настроенных по отношению к мигрантам. В тоже время отмечается дифференциация оценки мигрантов по уровню их образования и профессиональным навыкам. Сложившаяся миграционная ситуация требует поиска новых механизмов реализации миграционной политики.

Результаты исследований показали, что индекс поддержки иммиграции не имеет прямой зависимости от уровня национального дохода или от плотности населения той или иной страны. Близкие показатели индекса характерны для стран с разным уровнем социально-экономического развития.

2.4. СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ МИГРАНТОВ

2.4.1. Типология стратегий адаптации мигрантов в инокультурном обществе

Неизбежным результатом международных миграций является взаимообусловленное воздействие друг на друга участников данного процесса. Интеграция может рассматриваться как непосредственный процесс взаимодействия или как некий результат других социальных процессов (адаптации, ассимиляции, аккультурации и др.). В отношении миграции мы рассматриваем социальную интеграцию мигрантов. Это двусторонний процесс, в котором помимо самих мигрантов участвует принимающая сторона. В нашем исследовании под интеграцией понимается процесс взаимодействия отдельных участников социальной системы (в нашем случае иммигрантов, местного населения, политик государства в принимающей стране и стране исхода и др.), результатом которого является ее целостность, согласованность составляющих ее элементов, основанная на их взаимозависимости.

Привлечение мигрантов, что в современных условиях борьбы за трудовые ресурсы становится непростым процессом, требует разработки миграционной политики, направленной на успешную и эффективную интеграцию мигрантов. В тоже время необходимо ориентироваться не только на постоянных мигрантов, но и на временных, которые в меньшей степени заинтересованы в интеграции с местным сообществом. Понимая, что временная миграция не исключает возможности перехода в статус «постоянной», задача миграционной политики – обеспечить условия для успешного взаимодействия мигрантов с принимающей стороной[151].

Можно выделить следующие типы социальной интеграции.

1. Культурная – выражает согласованность культурных стандартов,

[151] Соснина И.В. Адаптационный потенциал мигрантов и принимающего населения: выбор стратегии // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2010. № 4 (49). Вып. 1. С. 262–268.

норм и образов поведения, внутреннюю связанность отдельных элементов системы.

2. Нормативная – координация между культурными стандартами и поведением людей, то есть состояние, в котором основные нормы культурной подсистемы «институализированы» в элементах, составляющих социальную подсистему.

3. Коммуникативная – основана на обмене культурными символами, информацией.

4. Функциональная – представлена взаимозависимостью и обменом услугами между людьми, возникающая на основе общественного разделения труда[152].

Важно осознавать, что для успешного взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества необходимо подготовить местное население к признанию различий (культурных, национальных и др.) и уважению к культуре и традициям приезжих. Именно подготовленность местного населения к меняющимся в результате миграции условиям является главной позицией в процессе интеграции мигрантов[153]. В современном мире необходимо развивать способности личности организовать диалог с обществом независимо от его культурных или иных установок. Формирование таких способностей является необходимым для выживаемости и жизнеспособности как отдельного индивида, так и сообщества в целом[154].

Интолерантное отношение принимающего общества к мигрантам может быть связано с возникающими опасениями и страхами, вызываемыми непривычными действиями переселенцев. В этом случае иноэтничность мигрантов еще более усиливает страхи. Когда в социальном взаимодействии возникает этнический фактор, это вызывает переплетение психологических и социальных механизмов, что связано с большой ролью эмоциональной сферы в структуре этнической идентичности[155].

Миграция становится удобной ширмой, способной объяснить возникновение многих социальных проблем как экономического, так и политического, социального характера. Этнический дискурс, который часто сопровождает тему миграции, также уводит от реальных проблем. Решать проблемы и создавать условия для нормального функционирования общества

---

[152] Юдина Т.Н. Классические и современные теории миграции в западной традиции // Миграция в России. 2000–2012. / Под общ. ред. И.С. Иванова. М.: Спецкнига, 2013. Т. 1. Ч. 3. С. 142–157.

[153] Мукомель В. Методические и практические аспекты изучения интеграции иммигрантов: специфика постсоветского пространства // Методология и методы изучения миграционных процессов / под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. М.: ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ», 2007. С. 165–192.

[154] Ахиезер А.С. Миграция в российской истории // Полития. 2004. № 4. С. 70–76.

[155] Коморникова О.М. Характеристика принимающего сообщества как фактор формирования отношения к мигрантам // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 15. Философия. Социология. Культурология. 2009. № 42 (180). С. 77–81.

и его акторов – более сложная задача, нежели поиск «врага». Необходимо осознание неизбежности миграционного пути развития для большинства государств: либо как страны исхода, либо как принимающего общества.

С другой стороны, не меньшее значение имеют мотивы миграции и, соответственно, типы адаптации мигрантов, их целевые установки.

Х. Эссер рассматривает разные уровни интеграции: системный и социальный. Системный уровень предполагает единство всей социальной системы и участия различных групп в распределении благ в обществе. Социальная интеграция включает четыре измерения: аккультурация (овладение основными «навыками» принимающего сообщества), интерактивная интеграция (затрагивает особенности круга общения), интеграция размещения (положение на рынке труда или в сообществе), интеграция идентификации (принятие базовых ценностей и норм общества)[156]. Позже А. Портес и М. Жу предложили альтернативную модель «сегментной ассимиляции», ключевым моментом которой является различная степень ассимиляции для различных групп иммигрантов: одни быстро пройдут процесс аккультурации и присоединения к основному среднему звену принимающего общества. У других при сохранении социально- экономической мобильности не происходит принятия иноэтнической культуры и традиций. В третьем случае иммигранты пополняют категорию маргинальных слоев принимающего общества (например, иммигранты из Вест-Индии в США взаимодействуют с коренным афро-американским населением)[157].

В целом необходимо подчеркнуть, что не существует единой модели интеграции, которая подходит для всех стран. Каждому государству необходимо разрабатывать свой подход, который будет способствовать решению проблем его социума.

Сложилось три подхода к пониманию социальной интеграции.

1. Абсорбция (или поглощение). Данная теория наиболее ярков представлена в работах С. Эйсенстедта. Абсорбция может оцениваться в трех измерениях: в показателях роста культурного уровня мигрантов; в уровне обеспокоенности иммигранта тем, в какой степени принимающее общество влияет на его индивидуальность; в степени обеспокоенности мигранта положением своей группы в общественном устройстве принимающего сообщества.

2. Ассимиляция. Рассматривается процесс постепенной потери мигрантами своей культуры, идентификацией с культурой новой страны. Теоретической основой взаимодействия иммигрантов и этнических меньшинств

---

[156] Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Кочкин Е.В., Кулдина Е.С. Киргизские мигранты в Москве: результаты количественного исследования интеграционных траекторий (Kyrgyz Migrants in Moscow: Results of a Quantitative Research on Integration Tracks). 2014. URL: http://ssrn.com/abstract=2425312 (дата обращения 12.08.2014).

[157] Zai Liang. The sociology of migration. State University of New York, Albany, 2006. Pp. 487–495.

с принимающим сообществом является идея (модель) ассимиляции, предложенная представителями Чикагской школы Р. Парком и Э. Берджессом. Согласно их теории ассимиляция представляет собой процесс взаимопроникновения и слияния, в результате которого отдельные представители или группы мигрантов приобретают (перенимают) опыт, чувства и отношение других лиц и групп, делясь своим опытом и историей с принимающим сообществом.

В работах А. Гордона выделены семь типов ассимиляции:

– изменение культурных установок, включая религию;

– крупномасштабное вхождение в первичные группы общества приема (структурная ассимиляция);

– смешанные браки (объединение);

– ассимиляционная идентификация;

– ассимиляция восприятия отношения;

– ассимиляция восприятия поведения;

– отсутствие конфликта с властями (гражданская идентификация).

Гордон в качестве основного типа ассимиляции выделяет структурную, так как она обуславливает все другие виды ассимиляции. Критерии, по которым можно оценить степень ассимиляции отдельного человека, общины или целого поколения в конкретном обществе, включают в себя общий язык, уровень образования, профессиональную деятельность, уровень доходов, гражданство, количество смешанных браков и осознание идентичности[158].

3. Адаптация. Интеграция трудовых мигрантов часто носит ограничительный характер, который заканчивается на этапе адаптации[159]. Адаптация рассматривается как необходимое, но не единственное условие интеграции. Мы придерживаемся мнения Мукомеля В.И. о том, что интеграция является более сложным процессом «**встречного движения культур** принимающего социума и культур мигрантов, **смешения** культурных норм и ценностей, изначально функционировавших сепаратно», в отличие от адаптации, результатом которой будет «**приспособление** мигрантов к принимающему сообществу, знание и поведение с учетом традиций и норм, принятых местным населением и **не предполагающих встречное постижение** принимающим населением культур мигрантов»[160].

---

[158] Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. 635 с.

[159] Бойко Ю. Проблемы миграции в развитии интеграционных процессов. Опыт ЕС и России // Мир и политика: электрон. журн. 2012. № 10. URL: http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/mp-10-2012/16847-problemy-migracii-v-razvitii-integracionnyh-processov-opyt.html (дата обращения: 03.10.2013).

[160] Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетр. / Гл. ред. И.С. Иванов. М.: Спецкнига, 2013. С. 5.

Под адаптацией, в контексте миграции, понимается процесс и результат взаимодействия личности мигранта или их группы с социальной средой принимающего сообщества, включающий усвоение иммигрантами норм и ценностей новой среды в процессе социализации, а также преобразование среды принимающего сообщества в соответствии с новыми условиями и целями деятельности социума.

Данилова З.А. рассматривает адаптацию в рамках этапов, которые включают и обозначенную нами «пассивную» стадию – «информационный (ознакомительный) этап, или этап изучения новой социальной реальности. Второй этап – мобилизационный, характеризующийся оценкой и привыканием к реальной обстановке; третий этап – деятельностный, обусловленный поиском соответствия или совместимости мигрантов с новой средой обитания, участия в процессах принимающего общества[161].

На основе исследования способов социально-экономической адаптации мигрантов, проживающих в Ставропольском крае, Щитова Н.А. выделяет четыре типа адаптационного поведения этнических мигрантов.

«Пассивный». Для данного типа характерна низкая скорость адаптивной реакции, адаптивная реакция проявляется в достижении устойчивого положения за счет стабильной работы и заработной платы. Данный тип наиболее распространен среди русских мигрантов.

«Сдержанно-активный». Мигранты внедряются в сферы частного бизнеса, которые дают быстрый оборот денежных средств. Часто являются монополистами в отдельных сферах хозяйственной деятельности. Данный тип характерен для армянского населения.

«Агрессивно-активный». Максимальная скорость адаптивной реакции обусловлена наличием кланово-этнической поддержки при переселении со стороны родственников, друзей. Характерно быстрое освоение новых хозяйственных ниш. Наиболее характерен данный тип адаптации для «кавказцев», особенно даргинцев.

«Контрверсионный», «независимый». Согласно данному доходу, мигранты не стремятся устраиваться на работу, не заботятся о своем будущем и будущем своих детей. В тоже время довольно быстро материально адаптируются в новом сообществе, что позволяет сделать предположение о преобладании у них нелегальных форм получения доходов[162].

Юдина Т.Н. предлагает рассматривать различные типы адаптации, в

---

[161] Данилова З.А. Трудовые мигранты: адаптация в принимающем сообществе (региональный аспект). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 233 с.

[162] Щитова Н.А. Образ жизни и социально-экономическая адаптация мигрантов в Ставропольском крае // Миграция и развитие (Пятые Валентеевские чтения): мат-лы междунар. конф., посвященной 85-летию со дня рождения профессора Д.И. Валентея и 40-летию со дня основания кафедры народонаселения МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, 13–15 сентября 2007 г. М.: Издательство МГУ, СП Мысль, 2007. Т. II. С. 133–148.

соответствии с различными типами ситуаций и взаимодействий мигрантов и принимающего сообщества:

– адаптация к структурам и системам;

– адаптация к этнической колонии;

– адаптация к жизненным ориентациям местного населения;

– адаптация к формам участия в гражданском обществе;

– адаптация в личных вопросах.

В итоге можно выделить три варианта адаптации.

1. В случае если иноэтническая группа перестает восприниматься как отдельная от местного населения группа.

2. Принимающее сообщество перенимает отдельные нормы и практики иноэтничной мигрантской группы.

3. Принимающее общество и мигранты вырабатывают новые нормы и практики поведения. Данный вариант является более реалистичным и жизнеспособным[163].

Многие исследователи при оценке уровня адаптации мигрантов в принимающем инокультурном сообществе берут за основу разработанную Дж. Берри[164] модель «аккультурационных стратегий», где в зависимости от комбинации ответов на вопросы об отношении и степени взаимосвязи со своей культурой и культурой в принимающем обществе определяется уровень адаптации мигрантов.

Модель Дж. Берри представлена в таблице 12.

Таблица 12

Аккультурационные стратегии по модели Дж. Берри

	Поиск позитивных отношений с доминирующей группой		
Сохранение родной культуры и идентичности со своей группой		Да	Нет
	Да	Интеграция	Сепарация
	Нет	Ассимиляция	Маргинализация

Аккультурация рассматривается как культурные изменения в результате межгруппового контакта в одной или более групп[165]. В большинстве случаев процесс аккультурации затрагивает этнические меньшинства[166].

Предложенные Дж. Берри аккультурационные стратегии (ассимиляции, сепарации, интеграции и маргинализации) используются в работе

---

[163] Юдина Т.Н. Миграционные процессы: теория, методология и практика социологического исследования: дис. … д-ра соц. наук. М.: РГБ, 2005. 334 с.

[164] Berry J.W., Sam D. Acculturation and Adaptation // Handbook of Cross-Cultural Psychology. Boston: Allyn&Bacon, 1997. Vol. 3. Social Behaviour and Applications.

[165] Berry J.W. Acculturation and adaptation: A general framework // In W. H. Holtzman & T.H. Bornemann. Mental health of immigrants and refugees. 1990. Pp. 90–102.

[166] Berry J.W. A psychology of immigration // Journal of Social Issues. 2001. N. 57. Pp. 615–631.

Amelie F. Constant, Klaus F. Zimmermann[167] для характеристики и оценки этнической идентичности, подразумевающей уровень взаимодействия между иммигрантами и местным населением, при котором они взаимодополняют друг друга.

Constant, Gataullina, and Zimmermann для эмпирической проверки этнической идентичности иммигрантов разработали индекс этноразмера (ethnosizer). Данное определение сформировано из понятий «этно» и «размер», где размер позволяет определить статус иммигранта, исходя из оценки степени его этнической идентичности. Авторами были определены 5 культурных и социальных показателей, которые формирую этническую идентичность. Данные показатели рассматриваются по отношению к стране исхода (home country, original country) и к принимающей стране (host country), то есть он является двумерным, отражая психологическую и социальную близость мигрантов к той или иной стране[168]. Для выявления уровня этнической идентичности задаются парные вопросы в рамках пяти элементов: язык (I), видимые элементы культуры (II), этническая самоидентификация (III), этнические взаимодействия с местными жителями (IV) и планы на будущее гражданство и место проживании (V), которые формируют четыре категории.

В большинстве случаев люди попадают в разные категории. Например, в случае с элементом III (этническая самоидентификация) иммигранты, ответившие, что интегрируют себя с принимающей страной, но не со страной исхода, относятся к категории ассимилированных. Иммигранты, идентифицирующие себя как со страной исхода, так и с принимающей страной, классифицируются как интегрированные.

Те, кто не может идентифицировать себя с любой из стран или идентифицирует себя со страной исхода, но не с принимающей страной классифицируются как маргинальные.

Таким образом, в зависимости от выбранного типа адаптационного поведения мигранта, можно выделить несколько уровней этнический идентичности иммигрантов: ассимиляцию, интеграцию, маргинализацию и разделение (или сепарацию).

Под *ассимиляцией* подразумевается выраженная идентификация иммигранта с культурой и нормами общества в принимающей стране, в сочетании с твердым соответствием с нормами, ценностями и правилами поведения, при слабой идентификацией с родословной.

Интеграция является случаем бикультурного состояния, при котором происходит соответствие принципам принимающего сообщества при со-

---

[167] Amelie F. Constant, Klaus F. Zimmermann. Migration, Ethnicity and Economic Integration. Bonn, 2009. N. 4620. 41 p.

[168] Amelie F. Constant, Klaus F. Zimmermann. Migration, Ethnicity and Economic Integration. Bonn, 2009. N. 4620. 41 p.

хранении норм страны происхождения.

Маргинализация представляет собой процесс сильного отторжения или доминирующей культуры в принимающей стране или культуры страны происхождения.

Разделение (или сепарация) отражает исключительную приверженность к культуре страны происхождения даже после многих лет эмиграции, наряду со слабым участием в жизни принимающей страны[169].

Ниже представлены различные типологии адаптации мигрантов, отличающиеся признаками, используемыми при анализе поведения мигрантов в новом социуме.

Адаптацию к новой культуре можно рассматривать в двух аспектах: психологическом и социокультурном. Если психологическая адаптация относится к совокупности внутренних психологических последствий, то социокультурная – к области поведения индивида и определяет способность (или неспособность) взаимодействия с новым культурным окружением[170].

Прохоров Б.Б. выделяет три вида адаптации в отношении человеческих общностей: 1) биологическую, 2) социальную и 3) этническую (как особый вариант социальной).

Приспособление этнических групп (общностей) к природной и социально-культурной среде новых районов их обитания без встречного движения культуры принимающего сообщества можно рассматривать как **этническую адаптацию**.

Адаптация, связанная с занятостью (устройством на работу), а также языково-культурная адаптация называется **аккультурацией**. Процесс нормальной этнической адаптации может быть сильно осложнен и задержан проявлениями национализма и расизма в виде дискриминации, сегрегации и т. п., что в результате может привести к дезадаптации[171].

Социальная адаптация, то есть процесс и результат приспособления иммигрантов к условиям другой социокультурной среды, в тоже время выступает в качестве процесса приспособления людей в социуме, который определяется институциональным уровнем, с одной стороны. С другой стороны, адаптация – это внутренне мотивированный процесс, побуждающий человека к активной деятельности. В результате, социальная адаптация выступает и социальным феноменом, и специфическим состоянием

---

[169] Amelie F. Constant, Klaus F. Zimmermann. Migration, Ethnicity and Economic Integration. Bonn, 2009. N. 4620. 41 p.

[170] Лепшокова З.Х. Стратегии адаптации мигрантов и их психологическое благополучие (на примере Москвы и Северного Кавказа). М.: Грифон, 2012. 192 с.

[171] Прохоров Б.Б. Адаптация человека // Научно-информационный портал ВИНИТИ. URL: http://science.viniti.ru/index.php?&option=com_content&task=view&Itemid=139&Section=&id=316&id_art=A004066 (дата обращения: 10.01.2014).

личности. Для мигрантов и для принимающей стороны важно формирование и сохранение среды, которая способствовала бы безболезненному вхождению иммигрантов в новый социум.

Исходя из поведения адаптанта, можно выделить активную и пассивную форму социальной адаптации. Активная форма будет характеризоваться воздействием субъекта на социальную среду, стремлением ее изменить под сложившиеся у него представления о нормах и правилах социального поведения. Пассивная форма направлена на восприятие правил поведения принимающего сообщества, в котором оказался индивид.

На наш взгляд, в чистом виде не может происходить полного принятия или неприятия иммигрантом новой социальной среды. Вероятно, более приемлемой может быть активно-пассивная (избирательная) адаптация, для которой будет характерно и усвоение определенных норм и устоев принимающего общества, и сохранение (частично) своей этнической идентичности.

Социальная адаптация отличается от ассимиляции, которая характеризуется слиянием народов с поглощением культуры, языка одно их них. Социальная адаптация, в свою очередь, позволяет бесконфликтное существование иноэтничной культуры в условиях принимающей страны[172].

Адаптация, как и любой процесс, имеет свои стадии. В мировой науке с 1970–1980-е гг. применяется концептуальная модель «U-кривой» адаптации, включающая три стадии: приподнятости и оптимизма; дезориентации, фрустрации и депрессии (стадия «культурного шока»); достижения психосоциального комфорта жизнедеятельности в новой социальной среде[173]. Предложенная модель не является абсолютной и позже дополнялась другими исследователями[174, 175]. Классический вариант данной модели предложен Triandis H.C., который выделяет пять этапов социокультурной адаптации иммигрантов: «медового месяца»; период дисбаланса взаимоотношений мигрантов с принимающей средой; максимальное ощущение дисбаланса, развитие фрустраций; смена депрессивного состояния на ощущение уверенности и удовлетворения; полная («долгосрочная») адаптация, предполагающая взаимное соответствие и принятие иммигрантами норм окружающей среды.

На основе изучения разноплановых моделей социокультурной адапта-

---

[172] Коршунова Н.Е., Шатаева О.В., Шатаева И.И. Факторы социальной адаптации мигрантов на Московском рынке труда. М.: РХТУ им. Д.И. Менделеева, 2013. 108 с.

[173] Южанин М.А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу //Социологические исследования. 2007. № 5. С. 70–77.

[174] Triandis H.C. Culture and social behavior. N.Y. 1997.

[175] Berry J.W., Sam D. Acculturation and Adaptation // Handbook of Cross-Cultural Psychology. Boston: Allyn&Bacon, 1997. Vol. 3. Social Behaviour and Applications.

ции мигрантов в иноэтничной среде Южанин М.А.[176] выделяет четыре базовые адаптационные стратегии межэтнического взаимодействия.

1. Стратегия (или модель) «геттоизации», которая реализуется в том случае, если адаптанты стремятся избегать прямых контактов с чужой культурой и тем самым снизить негативное влияние «культурного шока» (или по терминологии, предложенной Дж. Берри, «стресса аккультурации»)[177].

2. Стратегия «культурной колонизации» проявляется в форме резкой критики и неприятия культуры принимающего общества при активном стремлении внести атрибуты своей культуры и этнические стереотипы в новую среду.

3. Ассимиляция, предполагающая отказ мигрантов (добровольный или вынужденный) от родной культуры и полное растворение с новым этнокультурным сообществом.

4. Интеграция (аккультурация) заключается в сохранении иммигрантами приверженности к своей культуре и параллельной интернализации ими инокультурных атрибутов. Данная форма адаптации является по мнению автора наиболее предпочтительной, так как происходит взаимное приспособление культуры и норм принимающего общества и сообщества иммигрантов.

В целом, предложенные модели включают активные формы взаимодействия иммигрантов и иноэтнической среды: этап позитивный, основанный более на ожиданиях и предположениях, нежели на основе оценки реальных условий новой социокультурной среды. Далее объективная картина приводит к психологическому напряжение и недовольству. На данном этапе возможны две стратегии мигрантов: либо смириться и признать, что нормы и установки данного социокультурного сообщества противоречат внутреннему миру индивида (или их группе) и их взаимодействие невозможно; либо мобилизовать все возможные ресурсы (психические, физические, моральны и др.) для решения возникших трудностей. Третий этап характерен индивидов, не смирившихся с возникшими ранее трудностями. Здесь идет принятие иноэтничной среды. В тоже время, степень осознания и восприятия принимающего сообщества может быть различна, в зависимости от особенностей страны исхода, личностных характеристик и опыта мигранта.

Кроме того предложенный алгоритм является лишь концептуальной схемой социокультурной адаптации мигрантов, который далеко не всегда выполняется на практике. Последнее также в значительной мере обуслов-

---

[176] Южанин М.А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу //Социологические исследования. 2007. № 5. С. 70–77.

[177] Там же. С. 75.

лено субъективными характеристиками иммигрантов.

Однако независимо от количества стадий активной социокультурной адаптации в большинстве случаев они предваряются «пассивной» («предварительной») стадией, содержательной основой которой является сбор первичных данных о территории въезда, позволяющий сформировать первичное представление о новом этнокультурном обществе.

Исследователи выделяют два вида стратегий иммигрантов – сценарий приспособления и сценарий адаптации. Первый вариант заключается в принятии мигрантами культурных, социальных, экономических и прочих правил принимающего общества без каких-либо существенных изменений в их типе и образе поведения, ценностных ориентациях и моделях коммуникации. Второй сценарий – сценарий адаптации – связан с ориентацией иммигрантов на длительное пребывание в принимающем сообществе. Происходит структурное изменение этнокультурных и социолингвистических характеристик индивидов или их групп. В случае если данный процесс приводит к разрушению базовой социокультурной идентичности человека, то происходит необратимый процесс ассимиляции, а при ее сохранении речь идет об адаптации[178, 179].

В отличие от рассмотренных выше типологий, ориентированных на оценку стратегии иммигрантов, Гуцунаевой С.В. предложено оценивать не только поведение переселенцев, но и реакцию принимающего сообщества. Разработанная типология межэтнического взаимодействия включает следующие стратегии:

– стратегия равностатусного межэтнического взаимодействия – характерно установление эффективного взаимодействия между представителями этнических групп при сохранении своих основных этнических черт, индивидуальности, особенностей культуры. Этой стратегии придерживаются люди, настроенные на развитие позитивных взаимоотношений с представителями других народов;

– стратегия адаптации – усвоение мигрантами ценностей культуры другого этноса в качестве установок деятельности при сохранении собственной этнической идентичности. Чаще всего данная стратегия проявляется в приспособлении этнического меньшинства к обычаям, ценностям, образу жизни, языку этнического большинства;

– стратегия дискриминации – негативное поведение принимающего общества по отношению к представителям иных этнических групп, ограничение их прав и свобод;

– стратегия этноизоляции проявляется в ограничении контактов малых

---

[178] Мокин К.С. Стратегии адаптации этнических миграционных сообществ в поликультурной среде: автореф. дис. … д-ра. соц. наук. Саратов, 2007. 40 с.

[179] Кузнецов И.М. Адаптационные стратегии мигрантов в условиях мегаполиса (на примере г. Москвы): автореф. дис. … канд. социол. наук. М., 2006. 23 с.

этносов с представителями других этнических групп. Данная стратегия предполагает довольно высокую степень непроницаемости групповых и индивидуальных этнических границ. Причиной изоляционизма может быть этнозащитный механизм – страх представителей относительно немногочисленных этносов перед ассимиляцией большими этносами. Стратегия этноизоляции близка к политике сегрегации, направленной изоляцию меньшинства (в нашем случае меньшинства мигрантов) путем поселения на ограниченной территории создания преград для социального общения с «большинством»;

– стратегия маргинализации характерна для людей с амбивалентной этнической идентичностью, то есть когда человек испытывает сомнения по поводу своей национальной принадлежности и не овладевает в должной мере нормами и ценностями и культурой какого бы то ни было народа. Согласно социокультурному подходу маргинальность – особое социальное отношение, в которое вступает индивид, оказавшийся в определенной ситуации между двух или нескольких культур;

– стратегия переориентации связана с негативными чувствами, связанными с этничностью, отрицательными автостереотипами. Целью стратегии «переориентация» может быть стремление к присоединению к более сильной и сплоченной группе, что дает человеку ощущение психологической безопасности и стабильности[180].

Независимо от типологии, выбор той или иной стратегии поведения обусловлен факторами адаптации, которые могут относиться к миро- и макросоциальному уровню. В первом случае факторы будут касаться личности индивида или этнической группы, во втором – характеристик принимающего сообщества. К микросоциальным факторам относятся индивидуально-личностные характеристики адаптантов, а также характеристики взаимодействующих культурных фреймов этногрупп. В рамках макросоциальных факторов рассматриваются политическая и социально-экономическая ситуация в принимающем сообществе и мире, характер иммиграционной и этнонациональной политики властей, правовой статус мигрантов, наличие и масштабы деятельности общественных организаций и объединений земляков, уровень коррупции и преступности и др.[181]

В качестве доминирующего фактора, определяющего степень адаптации приезжих, выделяют «миграционные истории», то есть особенности территории исхода, причины переезда. Биография мигранта является определяющим условием формирования стратегии адаптации в месте пе-

---

[180] Гуцунаева С.В. Стратегии межэтнического взаимодействия осетин и русских, проживающих в республике Северная Осетия – Алания: автреф. дис. … канд. псих. наук. СПб., 2010. 22 с.

[181] Кашпур В.В. Социокультурная адаптация мигрантов: проблемы и стратегии: томский кейс / В.В. Кашпур, И.Г. Поправко // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354 (январь). С. 88–93.

реселения, она определяет степень начальной включенности мигранта в принимающее сообщество.

В результате процесс адаптации рассматривается как «(ре)конструирование собственной идентичности через призму причин и характера переселений, путей миграции, выбора данного места поселения и др.»[182].

На наш взгляд, адаптация мигрантов проходит не только в плоскости взаимодействия с культурными особенностями принимающего общества. Не менее важную роль играет их включение в экономические отношения, участие на рынке труда принимающей страны.

Уровень этнической и национальной идентичности в значительной степени может быть связан с проводимой миграционной политикой в принимающем обществе, отношением местного населения к иммигрантам. Соответственно, стратегии адаптации мигрантов будут иметь отличия в разных странах. При распространении политики мультикультурализма этническая идентичность сохраняется в максимальной степени, так как принимающее сообщество толерантно к инокультурам и их представителям. Когда мигранты сталкиваются с враждебным отношением к себе со стороны местного населения, то возможен отказ отдельных индивидов от своей этнической идентичности при активном проявлении своей этнической идентичности другими мигрантами. Например, иммигранты в Финляндии в основном придерживаются маргинальной стратегии, в Израиле часть мигрантов интегрирована, другие – ассимилированы. Уровень этнической идентичности имеет прямую связь с уровнем жизни и благосостояния в принимающей стране[183].

Кроме того страна исхода играет немаловажную роль в отношении к мигрантам со стороны принимающего сообщества. Дустман и Престон (2004) показали, что в Великобритании реакция на мигрантов в значительной степени обусловлена их происхождением. Более толерантное отношение встречают выходцы из европейских стран, нежели мигранты из Азии или Западной Индии. То есть главным фактором терпимости-нетерпимости принимающего сообщества к иммигрантам являются не экономические факторы (производительность труда, уровень доходов), а расовые различия[184].

На примере США можно выделить три стратегии поведения мигрантов:

– частичная ассимиляция (внедрение не в базовую американскую куль-

---

[182] Мокин К.С. Балаково: миграционные истории армян // Социс: электрон. журнал. 2007. № 2. С. 2. URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2007-02/Mokin.pdf html (дата обращения: 17.01.2014).

[183] Phinney, Jean S., Gabriel Horenczyk, Karmela Liebkind and Paul Vedder. Ethnic Identity, Immigration, and Well-Being: An International Perspective // Journal of Social Issues. 2001. N. 57 (3). Pp. 493–510.

[184] Dustmann, Christian and Ian Preston. Is Immigration Good or Bad for the Economy? Analysis of Attitudinal Responses // Research in Labor Economics. 2004. N. 24. Pp. 3–34.

туру, а в субнациональную). Примером могут быть гаитянские иммигранты, которые в первом поколении воспринимают себя выше по социальному статусу, чем чернокожих американцев, однако во втором поколении (детей иммигрантов) воспринимают культуру чернокожего меньшинства;

– отказ от ассимиляции и сохранение на территории принимающей страны (США) культуры и социальных институтов страны исхода. Данную стратегию можно обозначить как «внутри, но не вместе». В настоящее время, такая стратегия характерна для кубинцев в южной Флориде или мексиканцев на Юго-Западе;

– стратегия «полупоселенцев», результатом которой является формирование диаспор, транснациональных сообществ, не признающих государственные границы[185].

Кратко рассмотренные типы адаптации мигрантов представлены в таблице 13.

Таблица 13

Типы адаптации мигрантов

Автор теории	Название теории	Типы адаптации
Дж. Берри (1997)	Модель «аккультурационных стратегий»	– Интеграция – Ассимиляция – Сепарация – Маргинализация
Хантингтон С. (2004)	Стратегии поведения мигрантов	– Частичная ассимиляция – Отказ от ассимиляции и сохранение на территории принимающей страны культуры и социальных институтов страны исхода – Стратегия «полупоселенцев»
Юдина Т.Н. (2005)	Типология интеграции мигрантов на основе соотношения структурных и культурных измерений	– Включение – Плюрализм – Ассимиляция – Сегрегация – Принудительная ассимиляция – Апартеид – Этническая чистка – Маргинализация – Индивидуализм
Южанин М.А. (2007)	Адаптационные стратегии межэтнического взаимодействия	– Стратегия геттоизации» (пассивной автаркии) – Стратегия «культурной колонизации» (агрессивной автаркии) – Ассимиляция – Интеграция (аккультурация)

[185] Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. 635 с.

Amelie F. Constant, Klaus F. Zimmermann (2009)	Типология уровней этнический идентичности иммигрантов	– Ассимиляция – Интеграция – Маргинализация – Разделение (или сепарация)
Гуцунаева С.В. (2010)	Типология межэтнического взаимодействия	– Стратегия равностатусного межэтнического взаимодействия – Стратегия адаптации – Стратегия дискриминации – Стратегия этноизоляции – Стратегия маргинализации – Стратегия переориентации
Мокин К.С. (2007) Кузнецов И.М. (2006)	Виды стратегий иммигрантов	– Сценарий приспособления – Сценарий адаптации

Источник: составлено автором по данным[186, 187, 188, 189].

Мукомель В.И. отмечает, что с ксенофобией сталкиваются представители разных меньшинств, однако, в первую очередь, это касается представителей мигрантских меньшинств, нетипичных для данной местности[190].

На примере анализа формирования механизма российской мигрантофобии к китайцам Ларин А.Г.[191] выделяет ряд обстоятельств, обусловливающих реализацию потенциальной враждебности к «иным». Сильным стимулом для враждебности является проникновение «чужих» в то пространство, которое местное сообщество считало своим. Существенное значение имеет объем миграционного присутствия: чем больше прибывает мигрантов, тем выше становится уровень недоброжелательности по отношению к ним. В тоже время степень враждебности к мигрантам снижается, если они своей деятельностью приносят принимающему сообществу ощутимую пользу. Однако, чаще всего, негативное восприятие мигрантов акцентирует внимание на приносимом мигрантами ущербе, а не на позитивных следствиях[192].

---

[186] Berry J.W., Sam D. Acculturation and Adaptation // Handbook of Cross-Cultural Psychology. Boston: Allyn&Bacon, 1997. Vol. 3. Social Behaviour and Applications.

[187] Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. 635 с.

[188] Южанин М.А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу //Социологические исследования. 2007. № 5. С. 70–77.

[189] Amelie F. Constant, Klaus F. Zimmermann. Migration, Ethnicity and Economic Integration. Bonn, 2009. N. 4620. 41 p.

[190] Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетр. / Гл. ред. И.С. Иванов. М.: Спецкнига, 2013. С. 6.

[191] Ларин А.Г. Китайская миграция и российское общественное сознание // Российско-китайское сотрудничество: проблемы и решения: мат-лы Всерос. науч.–практич. конф. МГИМО (У) МИД РФ. г. Москва, 21–22 декабря 2006 г. / под ред. А.В. Лукина. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 108.

[192] Там же. С. 109.

Сам факт постоянного присутствия и деятельности мигрантов в «пространстве» принимающего сообщества является потенциальным источником напряженности и трений между ними, которые могут принимать форму ксенофобии[193].

Для социальных представлений характерно обращение к двум взаимосвязанным стратегиям, которые отчетливо проявляются в сфере межэтнических взаимодействий: «обвинение» и «самооправдание». В результате процесса атрибуции мотивов приписанное становится реально значимым основанием для установок и принципов взаимодействия с «иным». «Иной», в свою очередь, становится реальным субъектом для выстраивания с ним определенных отношений. Процесс взаимного определения мотивов, идентичности осуществляется на основе угадывания имплицитных культурных норм. В результате формирование правил и норм поведения между инокультурной средой и этническими мигрантами зависит от характера межкультурной коммуникации и формируемых в этом символическом взаимодействии межгрупповых социальных представлений[194].

Одним из препятствий реализации адаптационного потенциала мигрантских меньшинств является фактор разницы «урбанизированных потенциалов» территорий выхода и вселения мигрантов[195]. Мигрантам, прибывшим из сельской местности, бывает сложно адаптироваться к городской среде. Не меньшее значение имеет опыт этнокультурных контактов населения страны исхода. В результате возникает ряд проблем для социальной мобильности иноэтничных мигрантов, что осложняется проблемами регистрации, плохим знанием русского языка, недостаточной квалификации и уровня образования.

В своем исследовании Гуцунаева С.В. показала, что величина социальной дистанции зависит от степени интенсивности контактов между страной приема и страной исхода, опыта взаимодействия с представителями различных национальностей в повседневном общении: чем меньше показатель частоты межэтнического общения, тем больше социальная дистанция между данными этническими группами[196].

Если в представлениях населения принимающей среды и иммигрантов формируемые социальные образы друг друга имеют безоценочный и эмо-

---

[193] Ларин А.Г. Китайская миграция и российское общественное сознание // Российско-китайское сотрудничество: проблемы и решения: мат-лы Всерос. науч.–практич. конф. МГИМО (У) МИД РФ. г. Москва, 21–22 декабря 2006 г. / под ред. А.В. Лукина. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 112.

[194] Титов В.Н. О формировании образа этнического мигранта (анализ публикаций прессы) // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 41–50.

[195] Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Формирование этнических ниш в российской экономике // Московский дом национальностей. 2011. URL: http://mdn2011.web.belti.ru/cntnt/blocksleft/menu_left/nacionalny/publikacii2/stati/im_kuzneco.html (дата обращения: 15.03.2013).

[196] Гуцунаева С.В. Стратегии межэтнического взаимодействия осетин и русских, проживающих в республике Северная Осетия – Алания: автреф. дис. … канд. псих. наук. СПб., 2010. 22 с.

ционально-нейтральный характер, то социальное взаимодействие между ними будут предсказуемыми и бесконфликтными. Социальные субъекты (в нашем случае – представители принимающего сообщества) стремятся найти мотивы, понять интересы и цели других инокультурных контрагентов по взаимодействию. Это обусловлено желанием поддерживать ощущение контроля над окружением, находиться в определенной и предсказуемой социальной среде.

Таким образом, процесс адаптации мигрантов является двусторонним и рассматривается как процесс и результат взаимодействия личности мигранта или их группы с социальной средой принимающего сообщества, включающий усвоение иммигрантами норм и ценностей новой среды в процессе социализации, а также преобразование среды в соответствии с новыми условиями и целями деятельности. Исходя из степени взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества, разработаны типологии, которые в целом описывают сценарии ассимиляции, интеграции, сепарации и маргинализации. Степень и скорость адаптации во многом определяется готовностью адаптанта и принимающего общества к открытому взаимодействию при сохранении баланса интересов каждого из участников данного социального действия.

Уровень враждебности местного населения по отношению к мигрантам зависит от степени языково-культурной отдаленности, частоты межэтнического общения в рамках международных контактов, характера межкультурной коммуникации, степени и масштабов проникновения мигрантов в «пространство» принимающего сообщества. Наиболее приемлемым типом взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества является интеграция, включающая сохранение привязанности к своей культуре и одновременном принятии инокультурных атрибутов принимающего социума как в социально-экономической сфере, так и в культурной.

В результате мигранты могут рассматриваться как социальные маргиналы и как трансмигранты. Их трансмиграционное положение объясняется сохранением социальных связей со страной исхода при формировании социальных сетей в новом сообществе. Данная стратегия наиболее характерна для предпринимателей-мигрантов, развитие бизнеса которых базируется на социальном капитале. Маргинальное положение мигрантов обусловлено их дистанцированностью от принимающего социума: при включении в экономические отношения с принимающим сообществом сохраняется изолированность в культурной сфере. Степень маргинальности мигранта, его изолированности от внешней социально-культурной среды зависит от ряда факторов субъективного и объективного характера: личные установки индивида на включенность (или изолированность) в принимающее сообщество либо выбор миграционной политики в принимающей стране.

2.4.2. Подходы к оценке уровня интеграции мигрантов

Интеграция является многомерным и довольно открытым социальным процессом, так как она предполагает активное взаимодействие многих участников, при этом практически никогда не заканчивается.

Исходя из этого трудно дать определенные и убедительные ответы на вопрос об уровне интеграции общества и иммигрантов. Ситуация может меняться со временем, и в разные периоды времени будут обозначены более или менее острые проблемы этого процесса. Например, в период преобладания экономических аспектов развития общества, уровень интеграции будет оцениваться с позиций роли мигрантов в развитии экономики страны. В период активной мобильности населения могут обостриться вопросы социальной сплоченности и культурной самобытности принимающего сообщества.

Мигранты и местное население могут быть достаточно хорошо интегрированы экономически, но в меньшей степени культурно. Возможен вариант активного участия мигрантов в социальной сфере, но политически они будут неинтегрированными и т.д.[197]

Реализация принятой стратегии интеграции мигрантов подразумевает создание необходимой законодательной базы, обеспечивающей реализацию обозначенных приоритетов миграционной политики. Именно закон задает условия для интеграции иммигрантов, поэтому анализ законодательства может быть использован для оценки миграционной политики страны в области интеграции иммигрантов.

В 2004 г. для стран Евросоюза была разработана специальная методика оценки политики интеграции, основанная на соотнесении законодательства стран с директивами Совета Европы, касающимися правового положения иммигрантов. Эта методика получила название «Индекс интеграции мигрантов MIPEX». Оценка законодательства стран в области интеграционной политики проводилась в 2004, 2007 и 2010 гг. По ее результатам каждый раз составлялся рейтинг стран[198].

Исследователи оценивают семь направлений миграционной политики: международный рынок труда, воссоединение семьи, образование, участие в политической жизни, длительное проживание, этническое равноправие и борьба с дискриминацией. Каждое из семи направлений разбивается на три уровня, чаще всего это уровень правомочности (eligibility), уровень интеграции (integration measures), уровень гарантий (security). Для оценки

---

[197] Jan Niessen. Using MIPEX for improving integration policies [Электронный ресурс]. 2011. 12 p. URL: http://www.migpolgroup.com/publications_detail.php?id=299 (дата обращения: 24.02.2014).

[198] Прохорова А. Политика интеграции мигрантов в России: пример оценки с использованием индекса интеграции MIPEX // Демоскоп Weekly: демографический еженедельник. 2011. URL: http://demoscope.ru/weekly/2011/0479/analit05.php (дата обращения: 21.12.2013).

каждого уровня используются вопросы-индикаторы, которые формируют единую анкету.

Индекс MIPEX рассчитывается для 31 страны в Европе и Северной Америке, где в той или иной степени соблюдаются принципы равенства для иммигрантов. В отличие от индексов, основанных на опросах экспертов, MIPEX основан на оценке законов, политических решений и научных исследований. Независимые ученые и специалисты-практики в миграционном законодательстве, образовании и вопросах дискриминации дают оценку каждому показателю на основе общедоступного пакета документов той или иной страны. MIPEX определяет стандарты, направленные на достижение равных прав, обязанностей и возможностей для всех жители. Эти стандарты взяты из конвенций Совета Европы или Европейского союза, где указаны минимальные стандарты и рекомендации по интеграции мигрантов в рамках общеевропейской политики.

Индекс MIPEX измеряет приверженность правительств к интеграции и оценивает направление развития политики, обеспечивающее возможности иммигрантам для участия в жизни общества на равных с местным населением. Таким образом, индекс MIPEX может быть только частью оценки степени интеграции в стране. По показателям рассчитанного индекса можно говорить о степени интеграции мигрантов в стране, однако важно помнить, что данный показатель лишь отражает соответствие законодательства целям интеграции принимающего общества и мигрантов, а не дает оценку текущей ситуации в этой сфере[199]. Более полное представление может быть получено при анализе динамик миграционных процессов, уровне трансфертов, уровне преступности и дискриминации и т.д.

В рамках исследования А. Прохоровой рассчитан индекс MIPEX для России на 2007 г., позволяющий сказать, что права мигрантов довольно сильно ограничены по таким направлениям, как *политическое участие*, *защита от дискриминации и воссоединение с семьей*. Несколько лучше ситуация по таким направлениям, как *доступ к рынку труда, долгосрочное пребывание, гражданство*. По результатам расчетов исследователь делает вывод, что «основные точки фокуса российской миграционной политики: привлечение трудовых мигрантов и репатриация. Другими словами, пребывание мигрантов в стране рассматривается как исключительно временное, поэтому законодательство не предусматривает наделение их дополнительными «гражданскими правами», такими как участие в выборах, и не создает условий для воссоединения с семьей»[200].

---

[199] Jan Niessen. Using MIPEX for improving integration policies [Электронный ресурс]. 2011. 12 p. URL: http://www.migpolgroup.com/publications_detail.php?id=299 (дата обращения: 24.02.2014).

[200] Прохорова А. Политика интеграции мигрантов в России: пример оценки с использованием индекса интеграции MIPEX // Демоскоп Weekly: демографический еженедельник. 2011. URL: http://demoscope.ru/weekly/2011/0479/analit05.php (дата обращения: 21.12.2013).

По мнению В.И. Мукомеля, в настоящее время реализации политики интеграции препятствуют следующие фундаментальные проблемы.

1. Отсутствие единого видения стратегии развития России (до сих пор сохраняется проблема выбора между привлечением иммигрантов и жестком ограничении иммиграции).

2. Отсутствие институциональных механизмов обеспечения борьбы с ксенофобией.

3. Низкая эффективность институтов социализации мигрантов, их адаптации и интеграции (исключение – рабочие коллективы, в которых, мигранты интенсивно общаются с местными работниками).

4. Отсутствие инструментов согласования интересов различных акторов политики интеграции: федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Федерации, органов местного самоуправления, работодателей, иных бизнес-структур, принимающего населения, мигрантов. Реализация федеральных программ не эффективна, так как часто не учитывается мнение других акторов.

5. Концентрация на федеральном уровне политик интеграции, отсутствие четкого разграничения компетенций различных акторов политики интеграции, увязка их полномочий с соответствующим финансированием. Требуется смещение акцента политики интеграции на локальный уровень. В настоящее время регионы могут влиять на миграцию, кроме возможных механизмов реализации миграционной политики на своей территории, через национальную политику, политику в сфере труда и занятости, политику в сфере образования.

6. Миграционная политика и политика интеграции нуждаются в системе общественного контроля со стороны гражданского общества, с которым имеются проблемы. Необходима трансформация социальной среды принимающего сообщества[201].

Повышение уровня знаний международного права в сфере миграции и улучшения защиты прав мигрантов, уважение к международному праву миграции и правам человека является важным компонентом хороших стратегий управления миграцией и развитием страны приема.

Основная цель деятельности Международной организации по миграции (International Organization for Migration, IOM) – повышение эффективности миграционной политики в отдельных странах. Для этого представители IOM проводят семинары с целью распространения и понимания странами международных договоров и норм в отношении миграции, взаимных прав и обязанностей стран исхода и стран приема мигрантов, а также самих мигрантов. В частности реализуются следующие мероприятия:

---

[201] Мукомель В.И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. 2011. № 1. С. 34–50.

– проведение тренингов и расширение знаний о международном миграционном законодательстве для правительственных чиновников, юристов и представителей общественных организаций;

– составление и доведение до всеобщего сведения норм, регулирующих миграцию на международном, региональном и национальном уровнях. Информация об этих законах всегда представлена на официальном сайте IOM[202].

– распространение объективной информации среди мигрантов об их правах и обязанностях на всех этапах процесса миграции, а также помощь мигрантам в защите их прав (например, юридическая консультация мигрантов при оформлении документов, разработке частных проектов);

– консультативные и консультационные услуги государствам в рассмотрении и разработке национального миграционного законодательства в соответствии с международными стандартами[203].

Одним из примеров активной работы в рамках помощи интеграции мигрантов является реализация стратегий по социальной интеграции трудящихся-мигрантов в принимающее сообщество. В настоящее время Россия принимает участие в региональной программе в области трудовой миграции в Центральной Азии и России (CARMP).

На наш взгляд, представляют интерес заявленные цели означенной программы. «Данная программа нацелена на содействие урегулированию вопросов в сфере трудовой миграции, которая на сегодняшний день является ключевым фактором, способствующим снижению уровня бедности в Центральной Азии. Это особенно актуально для двух наиболее бедных стран региона, Кыргызской Республики и Таджикистана». «Целью данной программы является содействие в снижении уровня бедности путём повышения уровня жизни мигрантов (мужчин и женщин) из государств Центральной Азии»[204].

То есть указанная программа направлена на решение вопросов в странах Центральной Азии, однако, интересы России, которая рассматривается как принимающая страна, почему-то не обозначены.

В рамках данной региональной программы интеграционная политика обозначена как «система законодательных мер и практических механиз-

---

[202] Международная организация по миграции. URL: http://www.iml.iom.int (дата обращения: 08.10.2013).

[203] Migration and Development Projects and Activities. Global migration groop [Электронный ресурс]. URL: http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=7&cad=rja&ved=0CFYQFjAG&url=http%3A%2F%2Fwww.gfmd.org%2Fdocuments%2Fbrussels%2Fgfmd_brussels07_contribution_results_of_the_gmg_survey_en.pdf&ei=1rS3Uq_9D8nF7AbxnIDoCw&usg=AFQjCNEW6g79K00-DqCFS9-MkuQt7oFwHg&bvm=bv.58187178,d.bGE (дата обращения: 11.08.2013).

[204] Региональная программа в области трудовой миграции в Центральной Азии и России // IOM. Российская Федерация. URL: http://moscow.iom.int/russian/ractivities_labormigration_CARM_general.html (дата обращения: 08.01.2014).

мов, которые регулируют процессы включения иммигрантов в принимающее общество, в соответствии с экономическими, демографическими, геополитические, социальными и культурными целями данного общества»[205].

Основные цели интеграции направлены на:

– обеспечение мигрантам возможности реализовывать свой личный, экономический и социальный потенциал;

– обеспечение защиты прав человека мигрантов;

– снижение уровня отчуждения и маргинализации;

– помощь в достижении и сохранении социального единства и гармонии.

В настоящее время одним из результатов реализации данной региональной программы является разработка и принятие гендерно-чувствительных стратегий по социальной интеграции трудящихся-мигрантов в принимающее сообщество в четырех пилотных регионах России и Казахстана: гг. Москва и Санкт Петербург и г. Алматы и Южно-Казахстанская область (ЮКО).

Общая структура стратегий включает обширный перечень необходимых направлений поддержки мигрантов. Основные направления реализации трех стратегий представлены в таблице 14.

Таблица 14

Направления реализации стратегий социальной интеграции мигрантов в гг. Санкт-Петербург, Москва, Алматы[206], [207], [208]

Стратегия интеграции	Основные направления стратегии
1. Основные направления социальной интеграции членов семей иностранных работников в Санкт-Петербурге на 2013-2015 гг.	1. Совершенствование законодательства в области миграционной политики 2. Совершенствование системы межведомственного взаимодействия субъектов правоотношений в области миграционной политики 3. Совершенствования системы социального обслуживания членов семей иностранных работников и создания условий для получения медицинских и образовательных услуг 4. Организация информационного обеспечения в сфере социальной адаптации членов семей иностранных работников

[205] Отчет о консультативной встрече по обсуждению стратегий социальной интеграции трудящихся мигрантов и членов их семей в странах назначения мигрантов. Алматы, 3–4 апреля 2012 г. Алматы, 2012. 14 с.

[206] Основные направления социальной интеграции членов семей иностранных работников в Санкт-Петербурге на 2013–2015 годы [Электронный ресурс]. 2012. 17 с. URL: http://www.vd-spb.ru/files/osnovnie_napravleniya_sotzialnoiy_integratzii_chlenov_semeiy_inostrannih_rabotnikov_v___pb_2013_2015.pdf (дата обращения: 12.09.2013).

[207] Стратегия социальной интеграции трудящихся-мигрантов в принимающее сообщество г. Алматы. Алматы, 2012. 28 с.

[208] Стратегия интеграции мигрантов в г. Москве (проект) // Союз журналистов России. URL: http://www.ruj.ru/_projects/the-strategy-of-social-integration-of-migrant-workers-.php (дата обращения: 20.12.2013).

2. Стратегия социальной интеграции трудящихся-мигрантов в принимающее сообщество г. Алматы	1. Сфера занятости 2. Сфера здравоохранения 3. Сфера образования 4. Сфера социальных услуг 5. Сотрудничество с гражданским обществом. 6. Сотрудничество со СМИ
3. Стратегия интеграции мигрантов в г. Москве (проект)	1. Экономическое направление интеграции 2. Социальное направление (включает здравоохранение, образование, социальное обеспечение, информацию) 3. Культурное направление 4. Юридическое и политическое направление

Разработчики стратегии для г. Москвы отмечают необходимость развития официальной инфраструктуры миграции, которую сегодня заменяют неформальные социальные сети. Спектр услуг такой инфраструктуры включает как консультирование и информирование, так и оказание помощи в поиске или предоставлении жилья и трудоустройства[209].

Таким образом, в большинстве стран приема мигрантов поддерживается мнение о необходимости создания условий для адаптации мигрантов. Подчеркивается необходимость не только аккультурации, но и включения мигрантов во все сферы принимающего сообщества, в первую очередь, в экономическую. Одним из важных направлений интеграции мигрантов в принимающем сообществе является повышение их самозанятости, то есть осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности. Данная практика широко распространена за рубежом. Именно самозанятость позволяет мигрантам быстрее адаптироваться к новым культурным, социальным правилам нового общества. В современных российских условиях данное направление может быть одним из наиболее действенных механизмов адаптации мигрантов.

Примечательно, что в 2013 г. в рамках оценки эффективности Программы переселения соотечественников выделен пункт о предпринимательской деятельности соотечественников. Ранее при оценке эффективности результатов реализации данной Программы основное внимание уделялось количественным показателям привлечения мигрантов и степенью их занятости в регионах. Внимание к вопросу самозанятости мигрантов отражает заинтересованность российских властей к более быстрой адаптации соотечественников.

---

[209] Стратегия интеграции мигрантов в г. Москве (проект) // Союз журналистов России. URL: http://www.ruj.ru/_projects/the-strategy-of-social-integration-of-migrant-workers-.php (дата обращения: 20.12.2013).

2.4.3. Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов: понятие, факторы, стратегии и этапы развития

Этническое предпринимательство является важным элементом самоорганизации индивида, посредством которого этнические меньшинства имеют возможность улучшить свое социально-экономическое положение. Чаще всего этнические группы принадлежат к наименее экономически развитым общностям, что связано с низким уровнем образования, отсутствием необходимых навыков и незнанием языка. Именно этническое предпринимательство позволяет организовать самозанятость представителей этнических групп. В экономически развитых странах этническое предпринимательство позволяет улучшить социально-экономическую ситуацию в районах его развития, вплоть до восстановления «умирающих» регионов. Подобная ситуация в большей степени характерна для США (Сан-Диего), Европы (Нидерланды)[210]. В настоящее время в зарубежных исследованиях встречаются противоречивые точки зрения относительно роли этнических сетей в возникновении и развитии этнического бизнеса.

Ярким примером этнического разнообразия в населении является юго-восточный район Амстердама – Бэйлмэр (Bijlmer). Bijlmer был создан в результате крупного расширения Амстердама в 1960 г. Единственные люди, которых правительство смогло привлечь в Bijlmer, были новые иммигранты в преимущественно из Суринама (1975 г.) и Западной Африки, которые переехали туда в основном потому, что они не имели другой альтернативы в выборе места жительства[211].

В настоящее время этот район Амстердама является одним из самых разнообразных районов города, где представлен широкий спектр мультикультурной деятельности, большой выбор этнических магазинов. Из 50 тыс. человек, проживающих здесь, около 80% неголландского происхождения, не считая большого количества нелегальных мигрантов. В целом здесь проживает более 100 национальностей. Большая доля населения здесь является безработной, многие не знакомы с местными обычаями, некоторые не знают голландский язык.

Барьеры для успешного развития предпринимательства высоки для этнических меньшинств в Bijlmer. Можно сказать, что они выше, чем для голландцев и даже для этнических мигрантов, проживающих в других районах Амстердама. При этом здесь широко развита сеть нелегального

---

[210] Noga M. Ethnic Entrepreneurship: the positive effects of immigrant entrepreneurs in the U.S. // The International Journal of Young Leaders in Entrepreneurship and Innovation. 2011. N. 3. URL: http://leadersjournal.org/International%20Journal%20of%20Young%20Leadership%20 issue%203.pdf (дата обращения: 11.02.2013).

[211] Portal to Amsterdam I amsterdam. URL: http://www.iamsterdam.com/en-GB/experience/about-amsterdam/areas/featured-areas/bijlmer (дата обращения: 09.01.2014).

этнического бизнеса (кафе, бары, парикмахерские, магазины). Легально организованные предприятия также есть, но в значительно меньшем количестве. Примером организации этнического предпринимательства является создание фирмы, предлагающей IT-технологии для мигрантов, не знающих голландский язык, а также предоставление курсов по обучению английскому языку с использованием передовых технологий обучения.

Открытие магазина, специализирующегося на продаже продуктов питания и товаров из Суринама и Карибского бассейна позволило мигранту из Суринама, расширить свой бизнес и открыть 4 магазина.

Таким образом, этнические предприниматели имеют конкурентные преимущества перед местными бизнесменами, так как они знают своих клиентов лучше. Особо сильны преимущества этнического бизнеса в районах с высоким уровнем концентрации мигрантов[212].

В зарубежных исследованиях тема этнического предпринимательства подробно изучается на протяжение нескольких десятков лет. Соответственно степень изученности данного явления достаточно высокая и разнообразная. В работе[213] авторами проанализированы 627 журнальных статей и 25 731 единиц цитируемой литературы, опубликованные за последние 40 лет и посвященные теме этнического предпринимательства. В данном исследовании отмечается смещение интереса авторов от изучения этнических анклавов иммигрантов к изучению их бизнеса и самозанятости, а также степени социальной включенность в этническом бизнесе[214].

Авторы современных исследований этнического предпринимательства в основном сосредоточены на анализе этнических особенностей самих предпринимателей, их культуры и окружающей их среды. В будущем необходимо уделять больше внимания изучению влияния этнического предпринимательства на экономическое, культурное и другие направления развития принимающего общества.

Обозначение этнической группы предполагает, что ее члены имеют общее происхождение и культуру или эти признаки приписываются им со стороны.

Существует диспропорция в степени изученности деятельности этнических предпринимателей из разных стран. В результате анализа публикаций, посвященных изучению этнического предпринимательства, коллективом авторов показано, что наиболее изученными являются китайские

---

[212] Philip Ugelow, Floris van Eijk Everything you wanted to know about ethnic entrepreneurship in the Bijlmer, but were afraid to ask [Электронный ресурс]. URL: http://www.humanityinaction.org/knowledgebase/3-everything-you-wanted-to-know-about-ethnic-entrepreneurship-in-the-bijlmer-but-were-afraid-to-ask (дата обращения: 10.11.2013).

[213] The Status of International Ethnic Entrepreneurship Studies: A Co-citation Analysis // Journal of Entrepreneurship. 2012. N. 21 Pp. 173–199.

[214] Howard E. Aldrich. Ethnicity and entrepreneurship. North Carolina, 1990. Pp. 111–135.

предприниматели. Второе место в работах исследователей занимают предприниматели из Азии без указания конкретной страны исхода, далее следуют корейские, кубинские предприниматели, а также чернокожие предприниматели. Авторы делают вывод о сохранении в мире повышенного внимания к этническим предпринимателям из Китая[215].

Исследуя этнические предприятия мигрантов первого и второго поколения, Р. Уолдингер и Г. Олдрич определили рынки, которые могут быть заняты мигрантами как «интерстициальными» («interstitial»). Данное определение было заимствовано из рассуждений П.Ф. Трэшера о структуре социальной организации, где интерстициальными зонами были территории города, не представляющие интереса для экономически успешного и социально укорененного населения. Заполнение таких зон происходит в результате притока мигрантов или неуспешных городских жителей.

Для этнических предпринимателей наличие интерстициальных рынков обусловлено их невостребованностью у местных жителей, что дает возможность мигрантам осуществлять предпринимательскую деятельность в условиях отсутствия конкуренции с местными бизнесменами[216]. Таким образом, согласно теории чикагских социологов, этнические предприниматели занимают рыночные ниши, невостребованные у местного населения, что может быть связано с узким рынком сбыта продукции, необходимостью долгосрочных капиталовложений.

Наиболее часто в работах зарубежных исследователей используется следующее определение этнического предпринимательства, данное Waldinger и др., (1990) – это «набор связей и закономерностей взаимодействия людей, разделяющих общность национального происхождения или опыта миграции»[217].

А. Снисаренко рассматривает этническое предпринимательство как «специфический способ организации и ведения бизнеса этнических меньшинств в инонациональной для них среде»[218].

В. Малахов, в отличие от традиционного подхода к оценке этнического предпринимательства, называет этнопредпринимателей «прагматиками» – общественными деятелями, использующими этничность с целью приоб-

---

[215] Zhenzhong Ma, Tangting Wang, Yender Lee. The Status of International Ethnic Entrepreneurship Studies: A Co-citation Analysis // The Journal of Entrepreneurship. 2012. Vol. 21, N. 2. Pp. 173–199.

[216] Сафонова М.А. Концепции функционирования мигрантских сообществ в американской социологии // Социологические исследования. 2012. № 5. С. 110.

[217] Waldinger Roger, Howard Aldrich, and Robin Ward. Ethnic Entrepreneurs: Immigrant Business in Industrial Societies / With the collaboration of Jochen Blaschke et al. Newbury Park, Calif.: Sage Publications, 1990.

[218] Снисаренко А. Этническое предпринимательство в большом городе современной России (на материалах исследования азербайджанской общины Санкт-Петербурга // НарКом.ru URL: http://www.narcom.ru/publ/info/522 (дата обращения: 13.10.2013).

ретения или накопления социального капитала[219].

В настоящее время в научных кругах сохраняется дискуссия о возможности взаимозаменяемости понятий «этническое предпринимательство», «предпринимательство этнических меньшинств» и «предпринимательство мигрантов».

Этническая принадлежность относится к чувству родства, групповой солидарности, общей культуры, самоидентификации с этнической группой.

Ключевым фактом определения этнического предпринимательства является культурная идентичность предпринимателя. При этом этническое предпринимательство очень близко по значению к предпринимательству меньшинств (minority entrepreneurs).

В этом случае идет речь о меньшинствах, проживающих на территории страны. Так, в США выделяют группу меньшинств, куда относятся выходцы из Латинской Америки и тихоокеанских островов, азиаты, коренные жители Аляски, американские индейцы, негры.

В отличие от этнических групп (предпринимателей) меньшинство не обязательно имеет опыт миграции и характеризуется наличием меньшего чувства солидарности с этнической группой с точки зрения исторического развития, религиозных предпочтений или языка[220].

Кроме того нередки случаи отнесения предпринимателей к этническим, несмотря на то, что они родились уже в данной стране. Такая ситуация характерна для иммигрантов второго-третьего поколения из Турции в Германии (которые зарегистрированы как иностранцы (Auslander). С другой стороны, выходцы из стран Центральной и Восточной Европы, имеющие немецкое происхождение (Aussiedler), могут получить гражданство в кратчайшие сроки и стать статистически «невидимыми»[221].

В работе Entrepreneurial diversity in a Unified Europe авторы используют термин «предпринимательство этнических меньшинств» (ethnic minority entrepreneurs), понимая под этим действующих или потенциальных предпринимателей, иммигрировавших в соответствующую страну. Иммигрантами, по мнению авторов, являются лица, которые родились за рубежом, а также их дети (второе поколение мигрантов)[222].

В США нет этнической категории предпринимателей, поэтому понятия

---

[219] Малаха В. Этничность в Большом городе // Неприкосновенный запас. 2007 № 1 (51). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2007/1/ma19.html (дата обращения: 23.11.2013).

[220] Laquita C., Blockson Ph.D. What is Minority (ethnic) Entrepreneurship? Minority Entrepreneurship (MGMT 351). 2008.

[221] Jan Rath. Ethnic entrepreneurship Concept paper. 2010. 29 p.

[222] Ethnic minority entrepreneurship / Migrant entrepreneurship entrepreneurial diversity in a unified Europe. Brussels, 2008. URL: http://ec.europa.eu/enterprise/newsroom/cf/_getdocument.cfm?doc_id=3315 (дата обращения: 12.01.2014).

«этнические предприниматели» и «предприниматели-мигранты» часто используются как взаимозаменяемые[223].

А. Левинсон представителей этнических меньшинств (кавказцы, китайцы и др.) именует «этническими предпринимателями», объясняя необходимость данной формулировки «неласковым» приемом местным населением, что приводит к необходимости быть солидарными. Это ведет к гораздо более быстрой выработке стереотипов поведения, в том числе – предпринимателя[224].

В работах многих авторов подчеркивается большое влияние этнических сетей (диаспор) на развитие этнического предпринимательства.

Исследования по истории международного бизнеса отражают роль сетей диаспоры в повышении уровня доверия и создания каналов для обмена информацией и ресурсами между ее членами, в свою очередь, снижает барьеры в торговле на больших расстояниях. Диаспоры позволяют упростить обмен информацией, капиталом и гарантировать исполнение контрактов между его членами. Большая часть развития международного рынка в течение последних двух веков была создана благодаря взаимодействию предпринимателей в системе диаспор, в том числе диаспор евреев, греков, индийцев, арабов, китайцев и др.[225]

Члены этнических групп часто оказываются в невыгодном положении по отношению к местному населению, так как у них отсутствуют языковые навыки, они чаще всего не обладают квалификацией, которая необходима для осуществления трудовой деятельности в данной стране. Более того, доступ к трудовым, финансовым ресурсам может быть также затруднен[226].

По результатам исследования опыта организации своего дела мигрантами из Китая в Канаде авторы пришли к выводу, что иммигранты нуждаются в поддержке социальных этнических сетей для развития своего бизнеса. В то же время эта поддержка не касается финансовой помощи. Для развития мелкого бизнеса мигранты ориентировались на свои небольшие сбережения или на поддержку со стороны родственников. Ни один из опрошенных мигрантов не получил финансовую помощь со стороны этнической группы. При необходимости они обращались за получением

---

[223] Radba Chaganti, Patricia G. Greene Who Are Ethnic Entrepreneurs? A Study of Entrepreneursapos; Ethnic Involvement and Business Characteristics // Journal of Small Business Management. 2002. Vol. 40, Is. 2. P. 126–143.

[224] Левинсон А. Не нация, а профессия. К разговорам об этническом предпринимательстве // «Неприкосновенный запас» 2007. № 1 (51). URL:http://magazines.russ.ru/nz/2007/1/le17.html (дата обращения: 23.11.2013).

[225] Geoffrey Jones R. Daniel Wadhwani. Entrepreneurship and Business History: Renewing the Research Agenda. 2006. 51 p.

[226] Assudani R.H. 'Ethnic Entrepreneurship: The Distinct Role of Ties' // Journal of Small Business and Entrepreneurship. 2009. N. 22 (2). Pp. 197–206.

ипотечных кредитов или государственных кредитов для малого бизнеса[227, 228].

На примере этнических предпринимателей в Великобритании исследователи показали, что большая часть предпринимателей работает на свою этногруппу. При этом важно разрабатывать стратегию диверсификации услуг предпринимателей с узко ориентированного «анклавного рынка» (enclave-markets) на основной рынок, где потребителями являются и местные жители.

В условиях жесткой конкуренции этнические предприниматели занимают экономические ниши четырьмя способами: (а) самозанятость, (б) расширение бизнеса путем перемещения вперед или назад по цепочке производства или открыв другие магазины, (в) создание и поддержка со стороны этнических торговых ассоциаций и (г) закрепление деловых отношений с другими семьями через брак. Наконец, этнические предприниматели часто нуждаются в защите со стороны правительственных чиновников, а также от конкурирующих владельцев за пределами своей этнической общности[229].

В исследовании К. Бретал и К. Алстата (Caroline B. Brettell and Kristoffer E. Alstat)[230] авторы рассматривают понятия этнической ниши («ethnic niche») и профессиональной ниши, или ниши по роду деятельности («occupational niche»). В первом случае («ethnic niche») речь идет о мигрантах, которые используют ресурс этнических сетей для создания и развития своего бизнеса. При этом результат данной предпринимательской деятельности будет ориентирован на потребителей не только из данной этнической группы, но и местного населения. Во втором случае («occupational niche»), речь идет о мигрантах-предпринимателях, работавших не по специальности (однако имевших образование), но в определенный момент времени решивших организовать свое дело. На наш взгляд, данные предприятия могут составлять конкуренцию предпринимателям из местного населения.

Л. Блоксан (Laquita C. Blockson) обращает внимание на то, что этнический предприниматель работает не только на клиента одной с ним этнической характеристикой, но и на других потребителей[231]. Отметим, что

---

[227] Transnationalism: Transnational Societies, Multicultural Contacts, and maginings of Home / Editors: Brenda Yeoh, Tong Chee Kiong, and Michael Walter Charney. Kluwer Academic Publishers. Boston, 2003. Chapter 4. Pp. 61–82.

[228] Janet W. Salaff, Arent Greve, Siu-Lun Wong, Lynn Xu Li Ping. Ethnic entrepreneurship, social networks, and the enclave. 2002.

[229] Howard E. Aldrich. Ethnicity and entrepreneurship. North Carolina, 1990. Pp. 111–135.

[230] The agency of immigrant entrepreneurs. Biographies of the Self-Employed in Ethnic and Occupational Niches of the Urban Labor market // Journal of Anthropologica1 Research. 2007. Vol. 63. Pp. 383–397.

[231] Laquita C., Blockson Ph.D. What is Minority (ethnic) Entrepreneurship? Minority Entrepreneurship (MGMT 351). 2008.

такая практика встречается, но не является единственной. Для выхода за пределы «этнического» рынка этническому предпринимателю необходимо выдерживать конкуренцию с местными предпринимателями. Выбор направления развития своего бизнеса можно назвать внутренней и внешней ориентацией этнических предпринимателей.

На примере развитых стран показано, что для предпринимателей первого и второго поколений характерна смена сфер деятельности: на первоначальном этапе этнические предприниматели тяготеют к розничной торговле, ресторанному бизнесу, сектору общественного питания, позже – расширению деятельности в сфере услуг. Территориально происходит «выход» этнических предприятий из «рабочих» этнических кварталов в пригородные территории, центральные деловые районы, что приводит к увеличению количества и качества клиентов[232].

На основе анализа публикаций по развитию этнического предпринимательства в странах ОЭСР с 2002 по 2011 гг. группой авторов показано, что перспективным направлением для научных исследований является рассмотрение условий успеха или готовность этнических предпринимателей перейти от этнического анклавного рынка к доминирующему, включающему потребителей не только из этнической группы, но и местных жителей)[233].

Нам близко мнение А.В. Тишкова в том, что при определении этнической группы, или этнической самоидентификации, присутствуют как объективные, так и субъективные критерии. Вполне вероятно, что территориально-хозяйственная, культурно-языковая или кровная родственность или другие объективные критерии не играют решающей роли. Этническая реальность предполагает наличие социальных маркеров (физический облик, хозяйственная специализация, религия, язык, одежда, пища) как признанных средств дифференциации групп, сосуществующих в широком поле социального взаимодействия[234].

По мнению В.И. Дятлова, ресурс этнической солидарности может мобилизоваться, когда это выгодно, или игнорироваться, когда такой необходимости нет. Потребность в нем может ослабевать, в частности, по мере интеграции мигранта и его потомков в принимающее общество. Часто мигранты-предприниматели не стремятся подчеркивать свою этническую идентификацию, пытаясь интегрироваться в принимающее общество. Последнее в свою очередь связано с желанием предпринимателей реализовываться в бизнесе на основе своих личных качеств, а не этнического

---

[232] Jan Rath. Ethnic entrepreneurship Concept paper. 2010. 29 p.

[233] Maxime Legros, Egide G. Karuranga, Marie-France Lebouc, Muhammad Mohiuddin. Ethnic Entrepreneurship In OECD Countries: A Systematic Review Of Performance Determinants Of Ethnic Ventures // International Business & Economics Research Journal. 2013 Vol. 12, N. 10. Pp. 1199–1216.

[234] Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследование по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

фактора. В тоже время необходимость «включения» этнического фактора зависит от отношения общества: выделяет ли оно мигранта и его этническую группу, насколько это выделение негативно и дискриминационно. Выталкивает ли оно мигрантов в собственную кастообразную группу и тем самым заставляет этнически консолидироваться, в том числе и в повседневной экономической деятельности[235].

Если рассматривать этническое предпринимательство как стратегию не только достижения экономической стабильности, но и закрепления в принимающем сообществе, то оно может рассматриваться как способ освоения территории под собственные экономические уклады, в том числе формируя механизмы проникновения, контроля и переселения. Обозначенный подход используется авторами при оценке китайского предпринимательства[236].

Мы согласны с мнением, что в развитии бизнеса этническая самоидентификация является второстепенным фактором. В основе этого лежат исторические, географические природно-ресурсные факторы, последствия которых, в конечном счете, оформляются как этнический фактор. Складываются традиции, переходящие из поколения в поколение[237].

Таким образом, этническая экономика – это характер занятости иммигрантов в принимающем обществе, ставящая своей целью обеспечить себя средствами к существованию. В широком смысле этническое предпринимательство рассматривается как организация бизнеса лицами иной национальной идентичности, нежели большинство в принимающем сообществе.

Факторы и стратегии развития этнического предпринимательства.

Многие авторы отмечают влияние структурных (рыночные условия, доступ к предпринимательству) и культурных (социальные этические сети, культурные и религиозные обязательства) факторов на развитие этнического предпринимательства. Waldinger at all.[238] сформулировал так называемую модель взаимодействия (interaction model), согласно которой решающее значение для успешной предпринимательской стратегии имеет совокупность следующих факторов: структура возможностей, которая подразумевает наличие рыночных условий, способствующих продаже то-

---

[235] Дятлов В.И. Миграции, мигранты, «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта в регионе // Демоскоп Weekly: демографический еженедельник. 2007. № 271–272. URL: http://demoscope.ru/weekly/2007/0271/ analit01.php (дата обращения: 03.11.2013).

[236] Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики / Науч. ред. Н.П. Рыжова. Иркутск: «Оттиск», 2009. С. 116.

[237] Тишков В.А. Рыночная экономика и этническая среда // Демоскоп Weekly: демографический еженедельник. 2007. № 271–272. URL: http://demoscope.ru/weekly/2007/0271/analit03.php (дата обращения: 18.06.2014).

[238] Waldinger Roger, Howard Aldrich, and Robin Ward. Ethnic Entrepreneurs: Immigrant Business in Industrial Societies / With the collaboration of Jochen Blaschke et al. Newbury Park, Calif.: Sage Publications, 1990.

варов и услуг, ориентированных на соответствующую этническую группу (coethnics); факторы предрасположенности (predispositional factors) организации этнического бизнеса за рубежом (степень стремления личности, уровень знания языка, мотивы миграции), а также ресурсы мобильности (например, этнические сети).

В более широком виде данные факторы, способствующие возникновению (или развитию) предпринимательских способностей у мигрантов, можно представить следующим образом:

– культура (исторически сложившиеся социально-культурные нормы могут оказывать влияние на реализацию предпринимательских способностей у представителей отдельных этнических групп);

– социальные сети (доступ к сплоченной социальной сети также имеет тенденцию стимулировать предпринимательство. Мигранты, как правило, образуют тесные социальные сети с соотечественниками. Эти сети могут способствовать предпринимательской деятельности путем предоставления капитала, поддержки, знаний и питания или клиентской базы. Кроме того сети могут также компенсировать тот факт, что мигранты часто не имеют контактов и понимания местных правил и культуры);

– отсутствие других вариантов работы;

– нормативно-правовая среда для предпринимательства (условия вхождения на рынок и реализации своих бизнес-идей во многом зависят от институциональных условий, сложившихся в той или иной стране. Например, некоторые европейские страны могут иметь более низкие показатели предпринимательства, чем в США, потому что законы о банкротстве означают жесткие наказания за неудачи. Например, в Германии существует закон, что любой, кто объявил о своем банкротстве, не имеет права когда-либо выступать в роли генерального директора (учредителя) другого предприятия;

– доступ к капиталу (мигранты, плохо знающие язык, нормативно-правовую базу, часто сталкиваются с дополнительными ограничениями при получении кредитов. Нередко иностранные предприниматели имеют меньше шансов для начала своего бизнеса, чем коренные жители. Не всегда у них есть возможность получить финансовую помощь от своей семьи. В большинстве случаев этнические связи могут оказать финансовую помощь для создания нового бизнеса);

– условия для начала бизнеса (у мигрантов из разных стран вероятность успеха в бизнесе может различаться из-за различных условий их иммиграции в принимающую страну (на правах беженцев или на правах трудового мигранта), из-за расовой и этнической дискриминации). По сравнению с местными предпринимателями вероятность успеха может быть выше по ряду причин: во-первых, мигранты на первоначальном этапе развития своего бизнеса концентрируются в сфере услуг, что является менее капи-

талоемким и трудоемким, чем производственная сфера, характерная для местных предпринимателей; во-вторых, мигранты будут пытаться поддерживать свой бизнес дольше просто потому, что у них нет других альтернатив своей занятости[239].

Кроме факторов создания и развития этнического бизнеса выделяют стратегии ведения этнического предпринимательства для решения стоящих перед ним проблем. Эти стратегии включают в себя:

– получение информации через личные связи;

– приобретение подготовки и повышения квалификации на рабочем месте;

– использование труда родственников и коллег;

– создание особых отношений с клиентами и предоставление специальных услуг для них;

– решение вопросов конкуренции за счет собственных навыков, физических, умственных способностей,

– поддержание этнических связей, а также укрепление связей с другими семьями через брак;

– поиск защиты у представителей власти и других руководящих лиц, не входящих в этническую сеть, с помощью взяток, используя различные политические методы, в том числе организацию акций протеста.

Применение данных стратегий этническими предпринимателями объясняется следующими причинами. Во-первых, они позволяют им использовать отличительные социокультурные ресурсы, что дает возможность компенсировать недостаток финансовых ресурсов, политической власти и наличия влиятельных контактов. Во-вторых, это помогает им преодолеть политические и экономические препятствия, с которыми они сталкиваются как социальные аутсайдеры. В результате для большинства предпринимателей эти стратегии являются ведущими[240].

Таким образом, иммигранты могут иметь одни первоначальные условия при миграции из страны исхода, однако особенности национальной политики в разных странах оказывают влияние на положение мигранта и возможности развития им предпринимательской деятельности. На развитие этнического предпринимательства оказывают влияние как объективные, так и субъективные (личные) факторы. Значимость тех или иных факторов будет зависеть от страны исхода и принимающего общества.

Согласно данным рейтинга Fortune 500 (список наиболее преуспевающих компаний) около 40% самых преуспевающих компаний США ос-

---

[239] Entrepreneurship and Migrants. OECD Centre for Entrepreneurship. 2010. 32 p. URL: http://www.oecd.org/cfe/smes/45068866.pdf (дата обращения: 05.02.2013).

[240] Waldinger Roger, Howard Aldrich, and Robin Ward. Ethnic Entrepreneurs: Immigrant Business in Industrial Societies / With the collaboration of Jochen Blaschke et al. Newbury Park, Calif.: Sage Publications, 1990.

нованы иммигрантами, на которых занято более 10 млн. человек во всем мире. Семь из десяти 10 самых известных брендов в мире принадлежат американским компаниям, основанным иммигрантами или детьми иммигрантов[241]. По оценочным данным на каждые 100 рабочих мест, занятых мигрантам, создается 262 дополнительных рабочих места, в том числе, для местного населения[242].

По данным Организации экономического сотрудничества и развития, в среднем доля мигрантов-предпринимателей незначительно отличается от соответствующего показателя среди граждан страны (12,6% и 12%, соответственно). Однако экономический эффект от этнического предпринимательства несколько ниже: при открытии мигрантом мелкой или средней фирмы создается 1,4–2,1 дополнительных рабочих мест, при показателе 1,8–2,8 для «местного» предпринимателя. Однако вклад мигрантов в развитие экономики принимающих стран неуклонно растет[243].

Д. Несторович отмечает, что при прочих равных условиях в большинстве случаев уровень самозанятости среди мигрантов выше, чем среди населения, относящегося к уроженцам данной принимающей страны. В тоже время данный показатель различается по странам. По данным 2011 г. наибольшие различия между самозанятостью местного населения и мигрантов отмечаются в Польше (18,3%), при обратном соотношении в Греции (-16,4%) (рис. 3, 4).

Мы согласны с мнением автора, что именно малые предприятия позволяют удовлетворять спрос на «индивидуальные» товары и услуги, производство которых для крупных фирм является экономически невыгодным.

Этническое предпринимательство как форма экономической адаптации мигрантов.

Одним из важных аспектов изучения этнического предпринимательства является его рассмотрение как способа закрепления (адаптации) мигрантов в принимающем сообществе. Как уже было отмечено, в настоящее время широко распространена теория аккультурации, разработанная Дж. Берри.

---

[241] The “New American” Fortune 500. A report by the Partnership for a new American economy. June 2011. P. 2. URL : http://www.renewoureconomy.org/sites/all/themes/pnae/img/new-american-fortune-500-june-2011.pdf (дата обращения: 22.08.2014).

[242] Case S. The Road to Immigration Reform. 2013. URL: http://revolution.com/revolutionary-views/post/road-immigration-reform#.U_sHBaNkHFw (дата обращения: 22.07.2013).

[243] International Migration Outlook. OECD Publishing, 2011. 452 p. URL: http://dx.doi.org/10.1787/migr_outlook-2011-en (дата обращения: 20.05.2013).

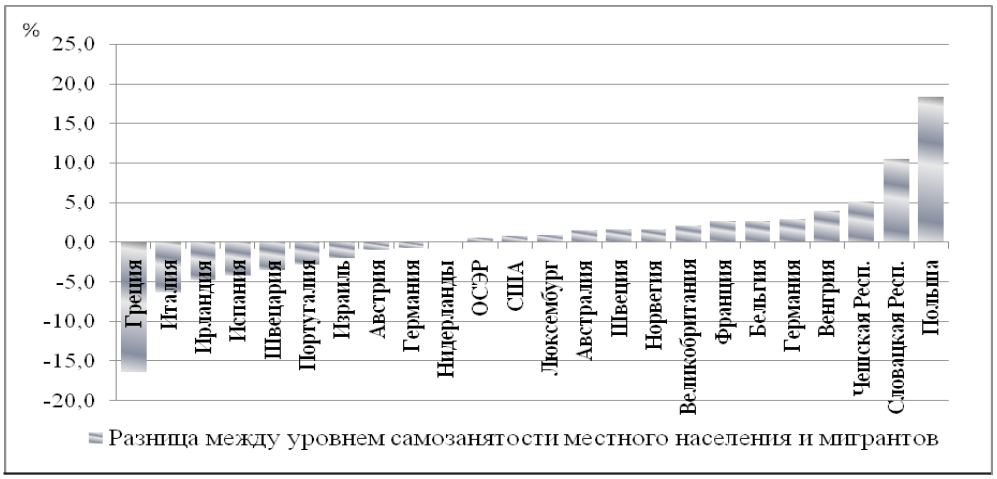

Рис. 3. Доля самозанятых среди мигрантов и местного населения стран Организации экономического сотрудничества и развития, 2007–2008 гг., %[244]

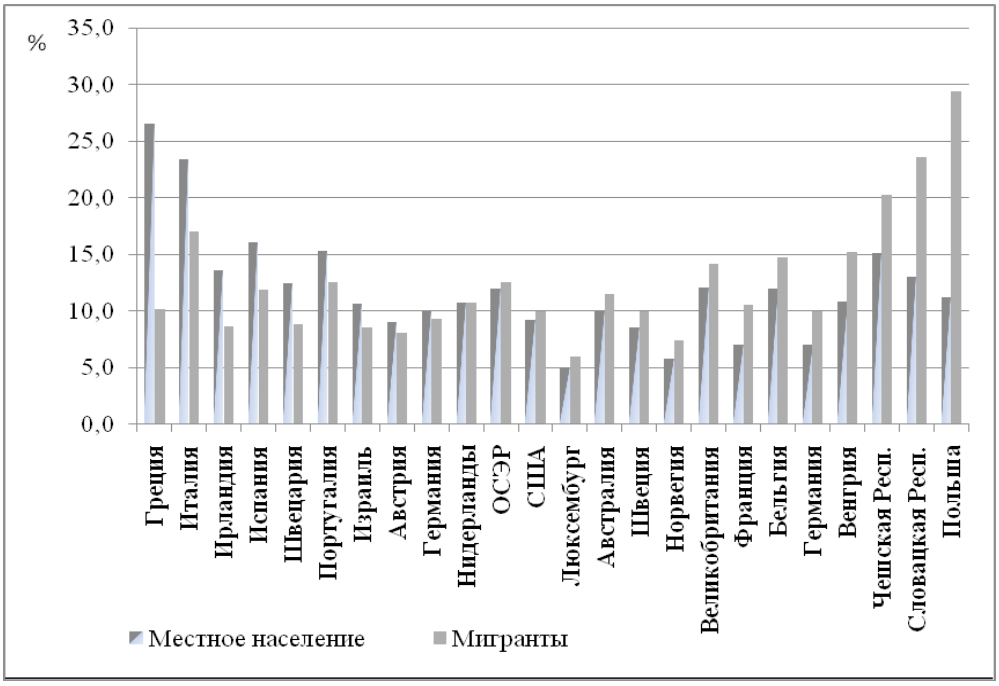

Рис. 4. Разница между уровнем самозанятости местного населения и мигрантов, %[245]

[244] International Migration Outlook. OECD, 2011. URL: http://dx.doi.org/10.1787/888932440698 (дата обращения: 20.06.2013).

[245] Own elaboration based on data from the International Migration Outlook, 2011. URL: http://dx.doi.org/10.1787/888932440698 (дата обращения: 13.01.2014).

Аккультурация – это феномен, возникающий тогда, когда группы индивидов из разных культур вступают в непосредственный и продолжительный контакт, последствиями которого являются изменения элементов оригинальной культуры одной или обеих групп[246].

В современной литературе по аккультурации проводится разделение между **социокультурной и психологической адаптацией** как конечными результатами долговременной аккультурации. В настоящее время введен третий вариант адаптации – **экономическая адаптация**. Она характеризуется наличием или отсутствием работы, удовлетворенностью ею, уровнем профессиональных достижений и благосостояния в новой культуре.

Именно самозанятость мигрантов, в первую очередь в форме этнического предпринимательства, позволяет обеспечить их экономическую адаптацию. На наш взгляд, вполне логичным продолжением является психологическая, а затем – и социокультурная адаптация этнических предпринимателей.

Здесь хотелось бы подчеркнуть, что адаптация не всегда бывает позитивным процессом. Понимая, что конечным результатом аккультурации должна быть достигнутая долговременная адаптация, характеризующаяся относительно стабильными изменениями в индивидуальном или групповом сознании в ответ на требования среды, необходимо понимать и предполагать, что адаптация может привести не только к приспособлению индивидов и среды, но и к попытке изменить среду, то есть к сопротивлению[247].

Согласно теории селективной миграции, в миграционный поток вовлекаются люди определенных личностных типов. Существуют две группы мигрантов из одной культуры: стабильные, экономически заинтересованные, которые переселяются вследствие связанных с работой причин, и нестабильные, имеющие потенциальные проблемы и мигрирующие в призрачной надежде решить их на новом месте. В силу обозначенной селективности, или, проще говоря, индивидуального подхода мигрантов, можно объяснить неоднозначную возможность становления мигрантов предпринимателями[248].

Для предпринимателя характерен ряд факторов (условий) возникновения и определенный набор стратегий существования в принимающем сообществе. Итогом благополучного ведения этнического предпринимательства будет адаптация (экономическая, психологическая, социокультурная) индивида.

---

[246] Berry J.W. Acculturation and adaptation: A general framework // In W. H. Holtzman & T.H. Bornemann. Mental health of immigrants and refugees. 1990. Pp. 90–102.

[247] Психология этнических миграций и аккультурации // Психология / Под ред. В.Н. Дружинина. СПб., М., Харьков, Минск: Издательский дом «Питер», 2001. 656 с.

[248] Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. 252 с.

Исходя из теории жизненного цикла предприятия (создание, рост, зрелость, период спада), а также обобщая результаты исследователей по этническому предпринимательству, можно предположить, что для данного вида деятельности могут быть выделены свои этапы (фазы) развития. Для каждого этапа характерны ведущие факторы его развития, а также стратегии ведения бизнеса.

I этап. Возникновение. Характерна ориентация на этнический анклав – используется труд представителей этнической группы, производимые товары или услуги поставляются для представителей данной этнической группы. На данном этапе связь с этнической группой сильна, решение финансовых, трудовых, нормативно-правовых вопросов решается благодаря ресурсам этнических связей. Размеры предприятий небольшие, возможно предоставление услуги (товара) одному клиенту. Чаще всего основным видом деятельности будет трудоемкое производство, торговля, сфера питания.

II этап. Становление, расширение. Учитывая достаточно узкий рынок сбыта в рамках этнического анклава, необходимость развития собственного предприятия, этнические предприниматели выходят за пределы этнической группы. Осуществляется работа по поиску клиентов из местного населения. Происходит расширение сферы деятельности предприятий – возможна организация ресторанного бизнеса, производство товаров.

Появившиеся контакты, в том числе с экономической элитой и представителями органов власти, позволяют более уверено расширять масштабы своего предприятия.

Здесь нужно подчеркнуть, что рост одного индивида и выход его на новый уровень развития позволяет прийти на его место другому представителю этнической группы. Это, в свою очередь, является инструментом повышения уровня самозанятости мигрантов.

III этап. Растворение. Вероятно дальнейшее отдаление мигранта от этнической группы. Теперь развитие бизнеса основано не на возможностях этнической сети, а на личных способностях предпринимателя и сложившейся системе клиентов, посредников и т.д.

Для данного этапа характерно три варианта развития предприятия: обновление (новые сферы деятельности в результате увеличения продаж и прибыли); устойчивое состояние (сохранение темпов и объемов производства); снижение (прибыль начинает падать в результате плохого управления, часто является прямым результатом падения продаж или избытка расходов).

Роль и значимость этнической самоидентификации для развития бизнеса становится минимальной. Со временем необходимость подержания участия в этнической сети снижается, так как предприниматели расширяют сферу собственных контактов, которая не ограничивается этническими

рамками, а носит в большей мере рыночный характер. Кроме того происходит социализация мигрантов, особенно их детей. В результате сила и значимость фактора этнической идентификации зависят от субъективной позиции индивида. Этническое предпринимательство выходит на конкурентный уровень с «местными» предпринимателями.

Вполне возможно, что на любом из обозначенных этапов этническое предприятие может прекратить свою деятельность. Причинами этого могут быть как субъективные, так и объективные факторы.

Таким образом, этническое предпринимательство имеет свои факторы и стратегии развития, реализация которых позволяет развиваться предприятию и формировать условия для адаптации мигрантов в принимающем сообществе. Предложенная схема жизненного цикла этнического предпринимательства, вероятнее всего, будет иметь свои особенности, исходя из этнической идентификации индивида, а также условий вхождения на рынок и развития своего дела в той или иной стране. Кроме того, мы не уверены, что даже при достижении III этапа развития своего бизнеса индивид адаптируется к среде. Развитие этнического бизнеса имеет свои «этнические» преимущества и сложности на этапе возникновения и становления. В ходе осуществления предпринимательской деятельности, при переходе к третьему этапу, представители тех или иных этнических групп создают свои социальные сети, включающие представителей разных этнических групп, а также местных жителей, что позволяет развивать свой бизнес и выйти за рамки «этнической ниши» на уровень «профессиональной ниши».

Предпринимательская деятельность мигрантов позволяет быстрее адаптироваться к принимающей среде. Самозанятость мигрантов, то есть организация этнического бизнеса, позволяет обеспечить их экономическую адаптацию, после чего происходит взаимодействие индивида с сообществом на других уровнях. Продолжением данного процесса является психологическая, а затем и социокультурная адаптация этнических предпринимателей.

2.4.4. Подходы к характеристике этнического предпринимательства в России

Для России, исходя из ее исторического опыта (распада СССР), условия и практики адаптации имеют различия для выходцев из стран СНГ и дальнего зарубежья. В 1990-е гг. сформировалось научное мнение о наличии этнических факторов, определяющих этнический тип миграционных процессов.

Петров В.Н. выделяет три факторные предпосылки этнизации миграционных процессов в России в настоящий период. Первая группа факто-

ров связана с возникновением этнических потребностей (потребность в этнической принадлежности, потребность в этнической безопасности, потребность в социальном благополучии, потребность в признанном другими и высоком этническом статусе и др.).

Совокупность объективных факторов, влияющих на формирование потребностей в миграционном движении, мотивов и миграционных установок у человека, принадлежащего к определенному этносу, образуют вторую группу.

Третья группа факторов включает комплекс личностных и социально-групповых свойств этничности, влияющих на миграционное поведение. В рамках данной группы рассматривают конкретные проявления этнической ментальности, особенности личности как носителя характерологических черт этноса, самоидентификация потенциального мигранта, чувство этнической родины.

В 1990-е гг. все миграционные потоки на постсоветском пространстве были обусловлены этническими факторами.

Мы придерживаемся мнения Петрова В.И. о том, что этнические миграционные процессы рассматриваются как «серии социальных взаимодействий акторов, для которых характерна идентичность с выраженной этнической определенностью, и происходящих под влиянием факторов, приобретающих этническое содержание, ведущих к изменениям в социально-территориальном и социальном положении отдельных представителей и групп определенных этносов»[249].

Этнические мигранты из стран СНГ после распада СССР имели больше возможностей для быстрой адаптации и реализации своих экономических интересов по следующим причинам:

– в большинстве своем они свободно владели русским языком, что снимало многие сложности в общении с местным населением;

– они имели право безвизового въезда в Россию, что упрощало порядок пребывания, регистрации и решения различных организационных вопросов[250].

Здесь отметим, что безвизовый режим въезда, действительно давал преимущество перед мигрантами из стран дальнего зарубежья, однако несогласованность в решении многих организационных вопросов создавала множество трудностей при получении разрешительных документов.

---

[249] Петров В.Н. Этнические миграционные процессы в современной России: теоретические подходы к исследованию эмпирического многообразия // Миграция и развитие (пятые Валентеевские чтения): мат-лы междунар. конф., посвященной 85-летию со дня рождения профессора Д.И. Валентея и 40-летию со дня основания кафедры народонаселения МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, 13–15 сентября 2007 г. Т. 1. М.: издательство МГУ, СП Мысль, 2007. С. 65–79.

[250] Пядухов Г.А. Этнические группы мигрантов: тенденции притока, стратегии поведения. Пенза: ПГАСА, 2003. 132 с.

В настоящее время данная система более отработана. Кроме того за прошедшие 20 лет мигранты создали определенную структуру для решения вопросов, связанных с оформлением необходимых документов: в большинстве регионов есть зарегистрированные или незарегистрированных национально-культурные общества, где могут помочь соотечественникам подготовить необходимый пакет документов.

Развитие связей с этническими соотечественниками, являющимися гражданами России и проживающими в ней, а также с национально-культурными объединениями этих соотечественников является общей стратегий для мигрантов из стран СНГ и дальнего зарубежья.

Первоначальная бедность социального капитала у мигрантов подталкивает их к более активному, по сравнению с местным населением, освоению социальных сетей и созданию новых контактов (иногда коррупционного характера), что, в конечном счете, становится социальным и экономическим преимуществом перед принимающим сообществом[251].

Для мигрантов из стран СНГ характерны отдельные формы экономической адаптации, обусловленные наличием устойчивых доверительных (родственных) связей с соотечественниками, проживающими в России:

– оперативный обмен информацией о колебаниях местной рыночной конъюнктуры и возможных действиях для получения материальной выгоды для обеих сторон;

– создание механизма поставки и реализации товаров, востребованных на рынке;

– создание небольших совместных коммерческих организаций, специализирующихся на различных видах деятельности, пользующихся спросом (торговля, производство товаров, сфера услуг)[252].

Обмен информацией о конъюнктуре на рынке и налаживание системы реализации товаров реализуется через создание этнических предприятий.

Для российской современной практики сомнительно говорить о наличии устойчивого феномена «этнического предпринимательства» в строгом смысле этого слова. В настоящее время можно говорить о ситуативной концентрации представителей определенных этнических групп мигрантов в отдельных отраслях экономики, которая внешне сходна с феноменом «этнического предпринимательства».

По данным исследования И.М. Кузнецова и В.И. Мукомеля, проведенного в 2006 г., мигранты, приезжающие в Россию, планировали реализовывать одну из трех стратегий:

---

[251] Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Формирование этнических ниш в российской экономике // Московский дом национальностей. 2011. URL: http://mdn2011.web.belti.ru/cntnt/blocksleft/menu_left/nacionalny/publikacii2/stati/im_kuzneco.html (дата обращения: 15.03.2013).

[252] Пядухов Г.А. Этнические группы мигрантов: тенденции притока, стратегии поведения. Пенза: ПГАСА, 2003. 132 с.

– ориентация на модернизированный образ жизни (желание жить «по-европейски»);

– ориентация на образование и профессиональный рост, с целью получить достойную работу;

– ориентация на заработок, чтобы обеспечить себя и родственников[253].

Диаспоры (понимаемые как этнические общности мигрантов) оказывают непосредственное влияние на адаптацию иммигрантов. Ивахнюк И.В. рассматривает три группы диаспор, сформировавшихся в России:

– «старая диаспора», состоящая из мигрантов и их детей, прибывших в Россию до 1991 г. Для данной группы характерная полная интеграция с российским обществом;

– «новая диаспора», включающая лиц, прибывших в Россию после распада СССР, получивших или желающих получить российское гражданство. Чаще всего представители данной группы выступают работодателями для вновь прибывающих мигрантов;

– этническое транснациональное сообщество. Для участников данной группы характерно обособленное проживание от «своей» диаспоры, взаимодействие с представителями стран исхода мигрантов, оказание помощи в организации трудовой деятельности прибывающим мигрантам (чаще всего на материальной основе). В данной группе происходит формирование «этнического бизнеса», который способствует встраиванию иммигрантского труда в экономику принимающего общества, а также способствует устойчивому взаимодействию между странами исхода и приема мигрантов[254].

На наш взгляд, данную группу иммигрантов сложно назвать этническими предпринимателями, так как в целом они оказывают посредническую деятельность для трех заинтересованных сторон (страна исхода, страна прибытия, иммигрант). В большей степени данная категория мигрантов будет относиться к транснациональным мигрантам, так как они в основном поживают в стране прибытия, но не желают интегрироваться, при этом сохраняют экономические, социальные, культурные связи со страной исхода.

Для России исследование вопросов формирования этнического предпринимательства характеризуется меньшей изученностью. Однако современные миграционные процессы на территории России позволяют предположить, что интерес к данной теме будет возрастать. Кроме того при из-

---

[253] Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Формирование этнических ниш в российской экономике // Московский дом национальностей. 2011. URL: http://mdn2011.web.belti.ru/cntnt/blocksleft/menu_left/nacionalny/publikacii2/stati/im_kuzneco.html (дата обращения: 15.03.2013).

[254] Ивахнюк И.В. Евразийская миграционная система: от теории к политике // Российский экономический интернет-журнал. 2008. № 1. 13 с. URL: http://www.e-rej.ru/Articles/2008/Ivakhnyuk.pdf (дата обращения: 10.09.2013).

учении данного явления возникает целый ряд вопросов. В первую очередь – кто такие этнические мигранты?

Для России в качестве этнического бизнеса можно рассматривать предпринимательскую деятельность тех представителей этнических групп, которые иммигрировали на территорию России. При этом вполне вероятно, что в настоящее время они являются гражданами РФ. Однако сохранение культурных ценностей позволяет рассматривать их как этническую группу. То есть в данной работе мы разделяем понятие этнической принадлежности и гражданской идентичности.

По мнению В.И. Ионцева и И.В. Ивахнюк, формирующиеся (или сформированные) этнические общины создают так называемый третий сектор – этнический бизнес[255].

Рязанцев С.В. отмечает, что этнические миграции и предпринимательство – это тесно связанные явления. Мигранты придают определенный социокультурный колорит предпринимательству и часто выступают в роли катализаторов его развития[256].

Дятлов В.И. использует понятие «торговых меньшинств», на формирование которых активно влияет как ситуация в принимающем обществе, так и качества и свойства, приобретаемые прибывшим населением в процессе адаптации. Умение жить в чужом мире, относительно легко переходить с одного языка на другой, готовность к освоению нового – обязательные качества членов «торговых меньшинств»[257].

Этнокультурные сети открывают мигрантам доступ к экономическим и информационным ресурсам. Представители этнического меньшинства имеют возможность объединиться на основе общей этничности и организовать совместный бизнес. Такое явление называют «этническим предпринимательством» или «этнической экономикой».

Ряд авторов отрицают влияние «объективно» присутствующей этничности на формирование экономических действий субъектов (мигрантов). В исследованиях Бредниковой О. и Паченкова О. показано, что ориентация на этничность носит ситуативный характер и не является определяющей в выборе жизненных (в том числе трудовых) стратегий. В реальной жизни, в реальном бизнесе помогают и доверяют друг другу не «co-ethnics», а мигранты, часто принадлежащие к различным этническим группам, помо-

---

[255] Ионцев В., Ивахнюк И. Модели интеграции мигрантов в современной России. CARIM-East RR 2013/12. Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013. 22 с.

[256] Рязанцев С.В. Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов // Общественные науки и современность. 2000. № 5. С. 73–86.

[257] Дятлов В. «Торговые меньшинства» Зарубежного Востока: некоторые подходы к изучению этнических конфликтов в современной России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik8/8r_diatl.htm (дата обращения: 25.03.2013).

гают друг другу «друзья», «соседи» и т. п.[258]

Воронков В.М. считает, что связь между национальностью и развитием предпринимательства отсутствует. По мнению автора, подавляющее большинство изучаемых процессов вполне могут быть объяснены без привлечения категории этничности. Особенностью процесса оценки этнических процессов в России является то, что предписанная каждому гражданину (советским) государством этничность сама по себе ни о чем не говорит при определении степени этничности социальных (экономических) сетей, образованных нынешними постсоветскими людьми[259].

Однако несмотря на различия в подходах к оценке роли этнического фактора в ведении бизнеса, сложно отрицать формирование рыночных ниш, «привлекательных» для определенных категорий мигрантов, в зависимости от страны выхода.

Таким образом, в России, в отличие от других стран, организация этнического бизнеса имеет свои особенности, обусловленные историей страны. Создание предприятий представителями других этносов происходило и в период существования Советского Союза, что оказало и оказывает до сих пор влияние на формирование этнического предпринимательства в России. Интенсивные миграционные процессы 1990-х гг. повлияли на усиление роли этнического фактора при решении вопроса экономической адаптации мигрантов в российских регионах. Объединяясь и организовывая этнический бизнес, этнические меньшинства проходят разные стадии адаптации к новому принимающему сообществу.

---

[258] Бредникова О., Паченков О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов [Электронный ресурс]. URL: http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik8/8r_bred.htm (дата обращения 17.03.2013).

[259] Воронков В. Существует ли этническая экономика? [Электронный ресурс]. URL: http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik8/8r_voronkov.htm (дата обращения 17.03.2013).

Глава 3

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ – ТИПИЧНЫЙ РЕГИОН ФОРМИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ СООБЩЕСТВ В ЧУЖЕРОДНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

3.1. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ – ТЕРРИТОРИЯ ПОСТОЯННЫХ МИГРАЦИЙ

3.1.1. Периодизация освоения Дальнего Востока России на основе динамики миграционных процессов

На Дальнем Востоке пересекались несколько потоков колонизации по видам (принудительное и добровольное переселение) и по степени продолжительности пребывания мигрантов (стационарное и сезонное). Стационарный поток был характерен для переселенцев из других районов России, сезонный – в преобладающем большинстве случаев для международной (азиатской) миграции.

В исследованиях многих авторов приводятся периодизации этапов заселения и освоения Дальнего Востока, основывающиеся на различных принципах: в рамках изучения трансформационного цикла регионального развития[260], в рамках переписей населения[261], по способу переселения[262], исходя из анализа проводимой государством демографической политики на Дальнем Востоке[263], по типам заселения территории[264], по характеру привлечения и использования иностранной рабочей силы[265].

На основе анализа динамики миграционных процессов на Дальнем

---

[260] Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная экономическая динамика. Дальний Восток / Отв. ред. В.В. Кулешов. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 304 с.

[261] Мотрич Е.Л., Кравчук С.А. Государственная политика хозяйственного освоения и заселения Дальнего Востока с конца XIX в. до середины 1980-х годов // Вестник ДВО РАН. 2006. № 6 (130). С. 120–128.

[262] Плохих С.В., Ковалева З.А. История отечества. Владивосток: ДВГУ, 2002. 169 с.

[263] Свидерская В.В. Демографическая политика Советского государства на Дальнем Востоке (60–80-е гг. XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2008. 163 с.

[264] Сидоркина З.И. Иммиграция в демографическом развитии Дальнего Востока: препринт. Владивосток: Дальнаука, 2007. 36 с.

[265] Синькевич Я.Ю. История трудовой миграции на Дальнем Востоке // Наследие предков. 2004. № 19. С. 34–43.

Востоке России с точки зрения изменения количественных и качественных показателей внутрироссийской и внешней (международной) миграции и ее влияния на демографические процессы региона с конца XIX в. по настоящее время нами предложена ее периодизация.

Переселенческое движение из европейской части России (внутрироссийская миграция) анализируется с 1861 г., когда передвижение крестьян приобрело относительно свободный характер в связи с отменой крепостного права, международные миграции – со времени подписания Айгуньского договора.

Миграционные процессы рассматривались нами по этапам в рамках следующих периодов: I период. Досоветский и ранний советский (с конца 1850-х гг. до 1926 г.); II период. Советский (с 1927 г. до 1989 г.); III период. Поздний советский и постсоветский (с 1990 г. по настоящее время).

Досоветский и ранний советский период (1850-е гг. – 1926 г.)

Подписанием Айгуньского и Пекинского договоров Россия закрепила за собой часть территории на Дальнем Востоке (Приамурье и Приморье). Именно в этот период сложились два взгляда на государственную принадлежность данных территорий. Со стороны китайских ученых в отношении политики России на Дальнем Востоке сформировалось мнение об аннексии исконно китайских земель. Российские ученые считали, что ни рассматриваемые земли, ни их население не входили в традиционные пределы Китайской империи; до освоения русскими данные земли не принадлежали ни одной из сторон[266].

Основной причиной привлечения населения из европейской части России на Дальний Восток был внеэкономический фактор, при этом формирование трудового потенциала как основы развития хозяйственного комплекса региона происходило в рамках решения общественно-политической задачи[267]. Первый государственный орган по делам Дальнего Востока, в том числе и для помощи переселенцам из Забайкалья, Особый комитет для обсуждения проблемы Амура был создан в 1849 г. В 1892 г. было организовано Южно-Уссурийское переселенческое управление с целью подчинить колонизацию Дальнего Востока строгому государственному контролю и регулированию[268].

В рамках данного периода можно выделить следующие этапы российского освоения Дальнего Востока России.

---

[266] Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и практика межгосударственных отношений. М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999. 412 с.

[267] Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная экономическая динамика. Дальний Восток / Отв. ред. В.В. Кулешов. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 304 с.

[268] Свидерская В.В. Демографическая политика Советского государства на Дальнем Востоке (60–80-е гг. XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2008. 163 с.

На ***первом этапе (1861–1881 гг.)*** заселение Приамурского и Приуссурийского края происходило медленно, что объяснялось, в том числе, отрицательным отношением правительства, боявшегося после отмены крепостного права массового отъезда крестьян из Европейской России[269]. За указанные годы в Приамурье и Приморье прибыло 16,8 тыс. переселенцев. В 1863 г. население всего Дальнего Востока составило 50 тыс. человек. В этот период введены специальные налоговые и земельные льготы для переселенцев на Дальний Восток, в результате которых к 1880 г. численность населения в регионе составила 140 тыс. человек[270].

Второй этап (1882–1913 гг.). Происходит постоянное увеличение числа переселенцев, что связано с рядом принятых мероприятий. В дополнение к существующим льготам для переселенцев введены налоговые правила, открыт регулярный морской пароходный рейс между Одессой и Владивостоком. В результате принятых мер за это десятилетие число переселенцев превысило 400 тыс. человек[271].

В связи со строительством Транссибирской железной дороги за период 1892–1901 гг. число переселенцев, занятых в ее строительстве, составило более 73 тыс. человек. По данным В.В. Оболенского, переписью 1897 г. установлено, что численность населения Дальнего Востока составила 372 тыс. человек. На наш взгляд, обозначенная численность вполне допустима из-за существовавшего миграционного оттока населения из региона.

Исходя из новых подходов в концепции аграрной переселенческой политики П.А. Столыпина произошли изменения в организации переселенческого движения, в результате с 1906 по 1910 гг. наблюдался максимальный приток мигрантов – 213 тыс. человек[272]. На начало 1911 г. численность населения Дальнего Востока составила 818,9 тыс. человек, в том числе русских и крестьян-казаков 628 тыс. человек. Основная часть населения размещалась в Приморской области (524 тыс. человек, в том числе 380,5 тыс. – русские); в Амурской области общая численность населения составила 286 тыс. человек, из которых 242 тыс. – русские, в Сахалинской области – 8,9 тыс. (русских 5,5 тыс. человек)[273].

Третий этап (1914-1926 гг.). На 1 января 1915 г. (по старому стилю)

---

[269] Брянский А.М. Крестьянское хозяйство Дальне-Восточной области в пореволюционный период. Хабаровск: Восточное областное статистическое управление, 1926. 190 с.

[270] Рыбаковский Л.Л. Демографический потенциал Дальнего Востока, его динамика и качество // Доклад на Пятый Дальневосточный междунар. форум. Хабаровск, 4–5 октября 2011 г. URL: http://rybakovsky.ru/naselenie reg1.html (дата обращения: 12.04.2012).

[271] Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная экономическая динамика. Дальний Восток / Отв. ред. В.В. Кулешов. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 304 с.

[272] Оболенский (Осинский) В.В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. 138 с.

[273] Атлас Азиатской России. СПб: Издание Переселенческого управления главного управления землеустройства и земледелия, 1914. 147 с.

население Дальнего Востока достигло 969 тыс. человек. На общую численность повлияли обратные миграционные потоки: с 1896 по 1914 гг. численность осевших переселенцев составила 348 тыс. человек[274] (учету подвергались крестьяне-переселенцы, принудительно переселяемые и ссыльные, но не учитывались горожане, промышленные рабочие и «нелегальные переселенцы»). Две войны (Первая мировая и Гражданская) негативно сказались на миграционных процессах и численности населения на Дальнем Востоке в конце первого периода. По данным городской и сельскохозяйственной переписи 1923 г. численность населения по Дальнему Востоку составила 1572,7 тыс. человек, в том числе в Приморской губернии (без острова Сахалин) 643,3 тыс. человек, Амурской губернии – 392,2 тыс.[275] К середине декабря 1926 г. численность населения снизилась до 1278 тыс. человек[276]. Однако в целом с 1863 по 1926 гг. численность населения Дальнего Востока возросла в 25 раз.

Важно обратить внимание на особенности процесса колонизации в первый период. В справочной книге для переселенцев в Амурскую область уточняется, что «…нелегко добраться до Амура, а еще труднее здесь устроиться: жизнь дорога, хозяйство ведется иное, – не так, как в России, в обработке земля тяжела, да и климат другой». Вместе с тем авторы справочника утверждали, что здесь можно было заработать и стать зажиточным. «Переселенцу нужно помнить всегда, что в первое время на Амуре его ожидает тяжелый труд и лишения, да и денег не мало надо будет потратить при устройстве…», однако «…не было примера, чтобы человек трудящийся, трезвый и хорошо работающий после трех-четырех лет жизни на Амуре не сделался бы зажиточным хозяином»[277]. К сожалению, часто русский крестьянин-переселенец оказывался совершенно неприспособленным к дальневосточной природе и требованиям к ведению здесь сельского хозяйства.

В то же время в Приморском и Уссурийском краях, Амурской области проживало многочисленное китайское, корейское и маньчжурское население. Первая группа китайцев по контракту (150 человек) была привезена в середине 1870-х годов[278]. До 1885 г. на Дальнем Востоке на одного русско-

---

[274] Оболенский (Осинский) В.В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. 138 с.

[275] Брянский А.М. Крестьянское хозяйство Дальне-Восточной области в пореволюционный период. Хабаровск: Восточное областное статистическое управление, 1926. 190 с.

[276] Всесоюзная перепись населения 1926 г. РСФСР и ее регионы // Демоскоп Weekly: демографический еженедельник. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_26.php?reg=453 (дата обращения: 12.11.2012).

[277] Амур. Справочная книжка Амурской области для переселенцев. Благовещенск: Типография т-ва Д.О. Мокин и Ко, 1899. 93 с.

[278] Аносов А.В. Миграционная компонента развития Дальнего Востока России. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2009. 233 с.

го приходилось 1,43 иностранных подданных (китайцев, корейцев). Однако к концу 1880-х гг. в результате это соотношение составило 1 к 0,8[279]. Вероятно, причинами данных изменений послужили более интенсивный приток русских переселенцев, а также введение с 1885 г. более строгого учета китайских подданных.

Подчеркнем, до 1868 г. (то есть до «манзовской войны», связанной с вооруженными столкновениями между русскими переселенцами и манзами – оседлыми китайцами, постоянно проживавшими в Уссурийском крае) русские власти не проводили оценку китайских мигрантов и не учитывали их присутствие при разработке мероприятий по дальнейшему развитию региона. Начиная с 1876 г. принимается ряд решений о регулировании деятельности китайских подданных на территории Дальнего Востока. В 1885 г. введены особые правила, которые применялись русской администрацией в отношении китайских подданных вплоть до начала Первой мировой войны при отсутствии иммиграционного закона.

Колонизация северо-восточных окраин Китая шла крайне активно. Развернувшаяся компания по заселению приграничных территорий в первую очередь была обусловлена политическими, геостратегическими, военными мотивами. С 1881 г. началось расселение китайцев между Хунчуном и Нингутой по линии, противолежащей русской границе. С 1887 по 1895 гг. численность населения Хэйлунцзянской провинции увеличилась с 408 тыс. до 1,5 млн. человек. Очевидно, что при наличии чрезвычайно острой проблемы недостатка рабочих рук на русской территории Манчжурия стала поставщиком сюда китайских отходников[280]. В начале XX в. колонизационная политика Китая была не менее интенсивной. Нужно отметить, что строительство КВЖД стало подарком китайским крестьянам, позволившим резко ускорить процесс колонизации Маньчжурии[281].

Трудовые иммигранты оказали большое влияние на развитие российского сельского хозяйства. Технологические преимущества китайцев и корейцев были очевидны и обусловлены использованием приемов земледельческой культуры, доставшихся им от предков, проживавших на территории с подобными природно-климатическими условиями не одно поколение. «Желтым соседям нет надобности приспосабливаться к особенностям климата и другим условиям наполняемой ими страны, при этом переселенцам Приамурского края приходится потратить много сил и энер-

---

[279] Елисеев А.В. Отчет о поездке на Дальний Восток. Читано в общем собрании И.Р.Г.О. 2 мая 1890 г. 16 с.

[280] Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток, 2009. 380 с.

[281] Татценко К.В. Тенденции экономического взаимодействия Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Владивосток: Дальнаука, 2006. 216 с.

гии, прежде чем укорениться в новой малоизведанной обстановке»[282]. В Амурской области очень эффективно земледелием занимались корейцы. Выращивая просо, пшеницу, ячмень, овес, кукурузу, горох, картофель и др., они получали огромные урожаи, в четыре раза больше, чем у русских переселенцев[283].

Как результат неприемлемости русской сельскохозяйственной культуры и невозможности конкуренции с китайцами и корейцами происходило повсеместное превращение хлеборобов-крестьян в землевладельцев, живущих за счет ренты. Самим обрабатывать землю по-русски было невозможно, а привлекать для работ китайцев – невыгодно с военной, геополитической точки зрения. Единственно возможным вариантом была сдача земли в аренду[284]. При этом русские крестьяне получали прибыль от разницы между выплачиваемой ими арендной платой казне или частным лицам в размере 2,5 руб. и суммой, получаемой от китайцев за аренду земли (5 руб. 63 коп.)[285].

На данном этапе прогрессирующее распространение китайской и корейской аренды и в связи с этим забрасывание крестьянами и казаками собственного хозяйства можно рассматривать как *культурное поражение русской колонизации Дальнего Востока*[286].

Цифры о численности китайцев в начале XX в. разнятся. Максимальная численность китайского населения на Дальнем Востоке, рассчитанная на основе средней потребности в продуктах на одного китайца, составила не менее 325 тыс. человек[287]. Признавая важность труда мигрантов, российское правительство и общественность испытывали опасения относительно возрастающей зависимости отдельных отраслей хозяйства Дальнего Востока от иностранных рабочих. Опасения относились в первую очередь к китайцам.

Подводя итоги заселения Дальнего Востока в данный период, можно говорить, что русская колонизация в основном опиралась на вооруженную силу, однако уже было очевидно, что «…опора эта имеет свои пределы и хозяйственному росту соседей край должен противопоставить собствен-

---

[282] Амур. Справочная книжка Амурской области для переселенцев. Благовещенск: Типография т-ва Д.О. Мокин и Ко, 1899. С. 7.

[283] Амур. Справочная книжка Амурской области для переселенцев. Благовещенск: Типография т-ва Д.О. Мокин и Ко, 1899. 93 с.

[284] Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб.: Библиотека «Общественной пользы», 1905. 82 с.

[285] Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток, 2009. 380 с.

[286] Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб.: Библиотека «Общественной пользы», 1905. 82 с.

[287] Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток, 2009. 380 с.

ный хозяйственный рост»[288]. При этом *русское население в целом не смогло адаптироваться к новым природным, экономическим, технологическим условиям, в итоге ожидаемые результаты освоения Дальнего Востока не были достигнуты*.

Советский период (1927–1989 гг.)

Освоение Дальнего Востока России в данный период, так же как и ранее, ориентировалось в первую очередь на решение геополитических, а не экономических задач. Временные рамки этапов переселенческого движения во второй период освоения Дальнего Востока (с 1927 по 1989 гг.) обозначены годами проведения всесоюзных переписей населения, они позволяют не только получить необходимые статистические данные, но и проследить динамику демографических процессов.

Четвертый этап (1927–1939 гг.). В это время рабочая сила остается наиболее дефицитным ресурсом в регионе. Миграционная политика была ориентирована на увеличение числа лиц трудоспособных и репродуктивных возрастов, а также на перемещение специалистов, исходя из проводимой ускоренной модернизации индустриального сектора экономики Дальнего Востока[289]. Государство широко применяло внеэкономические методы: проблема нехватки рабочей силы в значительной степени решалась с помощью принудительного переселения.

Работы по освоению территории, добыче золота, руд и угля, а также развитию инфраструктуры выполнялись в основном использовавшимися «Дальстроем» в качестве рабочей силы вольнонаемными работниками, а после подчинения его НКВД в 1938 г. – заключенными различных исправительно-трудовых лагерей, разбросанных по огромной территории, подчиненной тресту[290]. Лагерные и производственные объекты Главного управления строительства Дальнего Севера (Главдальстрой, Дальстрой) находились на Колыме. Заключенные использовались на добыче золота и олова. На начало 1938 г. числилось 83 855, а на конец – 117 630 заключенных[291].

Привлеченное население из российских районов имело высокую миграционную подвижность, слабую приживаемость. Основная причина заключалась в том, что на Дальний Восток «приходили переселенцы, непод-

---

[288] Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб.: Библиотека «Общественной пользы», 1905. С. 38–39.

[289] Головин С.А. Изменение социальной структуры населения Дальнего Востока СССР: 1923–1939 годы: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2008. 42 с.

[290] Дальстрой // Википедия: свободная энциклопедия. 2012. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B9 (дата обращения 08.02.2013).

[291] Цаплин В. Архивные материалы о числе заключенных в конце 30-х годов // СКЕПСИС: научно-просветительский журнал. 1991. URL: http://scepsis.ru/library/id_491.html (дата обращения: 15.01.2013).

готовленные по характеру условий жизни на прежней родине к борьбе с совершенно другими, более тяжелыми, условиями водворения на новом месте», а также то, что здесь «жизнь дорогая, хозяйство ведется иное, не так, как в России… да и климат другой: бесснежные долгие зимы, короткое дождливое лето… дороги плохие…»[292]. Однако, несмотря на обозначенные трудности, по данным переписи 1937 г., на Дальнем Востоке проживало уже 1977,2 тыс. человек. По данным переписи 1939 г. численность населения на Дальнем Востоке составила 2366,5 тыс. человек[293].

В 1930-е гг. в связи с обострением советско-китайских отношений и сменой экономического и политического курса произошло значительное сокращение численности китайских рабочих. В 1937–1939 гг. китайская община на Дальнем Востоке была почти ликвидирована. Активное использование труда китайцев возобновилось в конце 1980-х гг.[294] Многие из оставшихся в СССР китайцев пострадали от репрессий сталинского периода. По данным всесоюзной переписи населения 1959 г. в Сибири и на Дальнем Востоке проживало не более 26 тыс. китайцев[295]. Корейцы, проживающие на территории Дальнего Востока, в 1937 г. были депортированы в Казахстан и Среднюю Азию (Узбекистан, Кыргызстан). Официальное обоснование выбора обозначенных территорий было связано с высоким мастерством корейцев в рисоводстве. Корейцами, переселившимися с Дальнего Востока в Казахстан, была организована «Корейская сельскохозяйственная трудовая артель «Казахский рис».

Пятый этап (1940-1970 гг.). На данном этапе зафиксирована положительная демографическая динамика: численность населения Дальнего Востока увеличилась на 60% (при среднероссийском росте 8,4%).

В свою очередь Великая Отечественная война внесла коррективы в демографическое развитие региона. Непосредственно военный и послевоенный период сыграл негативную роль в формировании демографического потенциала региона: по данным ЦСУ СССР, в 1940-е гг. естественный прирост населения Дальнего Востока РСФСР (вместе с Сахалином) составил 640 тыс. человек, но общий прирост за 1940–1949 гг. составил менее 280 тыс. чел. Следовательно, сальдо миграции в течение рассматриваемо-

---

[292] Амур. Справочная книжка Амурской области для переселенцев. Благовещенск: Типография т-ва Д.О. Мокин и Ко, 1899. 93 с.

[293] Всесоюзная перепись населения 1939 г. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп Weekly: демографический еженедельник. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg =15 (дата обращения: 26.02.2013).

[294] Дацышен В.Г. Гастарбайтеры на востоке России: масштабы явления, перспективы и проблемы // «Мост через Амур». Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: сб. матлов междунар. исследовательского семинара / Под ред. В.И. Дятлова. М., Иркутск: Наталис, 2004. С. 49–61.

[295] Свидерская В.В. Демографическая политика Советского государства на Дальнем Востоке (60–80-е гг. XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2008. 163 с.

го десятилетия было отрицательным: на 360 тыс. чел. больше уехало, чем заселилось. Исключением был Сахалин, который интенсивно заселялся в конце 1940-х годов, что было связано с объявлением 2 февраля 1946 г. Южного Сахалина и Курильских островов советской территорией и активно проводимой агитационной работой по привлечению на данные территории переселенцев. В результате наличия двух крупных встречных людских потоков в 1947–1948 гг. (с Южного Сахалина и Курильских островов уезжали десятки тысяч репатриируемых японцев, с материка на острова ехали десятки тысяч советских переселенцев), к началу 1950 г. в Сахалинской области проживало 458,6 тыс. человек, абсолютное большинство которых являлись советскими гражданами[296].

В середине 1945 г. общая численность населения Дальнего Востока составила 2475 тыс. человек. В это время для населения Дальнего Востока государством были установлены льготы и надбавки к заработной плате, кроме того различные министерства и ведомства вводили свои льготы. Несмотря на часто неудовлетворительную работу с переселенцами на местах, что приводило к массовому оттоку населения, численность населения по переписи 1959 г. составила 4834,1 тыс. человек, при этом миграция обеспечивала более 50% прироста населения[297].

Кроме того с началом войны плановое массовое заселение региона прекратилось, численность населения резко сократилась из-за гибели огромного количества дальневосточников на фронте[298]. Если за время между переписями 1939 и 1959 гг. общая численность населения увеличилась на 2467,6 тыс. человек, в том числе за счет миграции на 50%, за десять лет с 1960 по 1970 гг. из числа прибывших на постоянное место жительства на Дальний Восток остались всего 400 тыс. человек.

В рассматриваемый период иностранные граждане не так активно, как ранее, привлекались в регион. По данным переписи населения 1959 г. в Сибири и на Дальнем Востоке проживало не более 26 тыс. китайцев[299]. Несмотря на проводимую ограничительную политику с 1945 г. иностранные рабочие из КНДР направлялись в удаленные от границы районы Дальнего Востока (северные территории Хабаровского края, Сахалинскую и Мага-

---

[296] Бурыкин А.Н. Проблемы формирования постоянного населения Сахалинской области // Наука, образование, общество: электрон. журн. 2005. № 3. URL: http://journal.sakhgu.ru/archive2.php?div=1 (дата обращения 26.03.2013).

[297] Мотрич Е.Л., Кравчук С.А. Государственная политика хозяйственного освоения и заселения Дальнего Востока с конца XIX в. до середины 1980-х годов // Вестник ДВО РАН. 2006. № 6 (130). С. 120–128.

[298] Арефьева И.А. Демографический потенциал Дальнего Востока РСФСР в 1941–1945-е гг. и участие женщин в миграционных процессах // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 4 (57). С. 106–113.

[299] Сидоркина З.И. Иммиграция в демографическом развитии Дальнего Востока: препринт. Владивосток: Дальнаука, 2007. 36 с.

данскую область) и были заняты в сельском хозяйстве, лесной и рыбообрабатывающей отраслях[300]. Ввиду того что на такие тяжелые и непрестижные работы было мало желающих, первоначально северокорейские власти направляли туда своих заключенных. Это вызывало протесты со стороны советских местных властей, поэтому в дальнейшем власти Северной Кореи стали принудительно посылать квалифицированных рабочих[301].

На ***шестом этапе (1971–1989 гг.)*** к организованной миграции добавился поток самостоятельных переселенцев, которые составили 50% от числа въехавших. В целом продолжился процесс снижения интенсивности переселения, однако темпы увеличения численности населения за счет как естественного, так и миграционного прироста оставались высокими в сравнении с общероссийскими показателями[302].

Численность населения, по данным переписи 1979 г., составила 6846,1 тыс. человек.

Число иммигрантов в это время было незначительным. В 1974 г. число корейских рабочих в Хабаровском крае превысило 13 тыс. человек, основная их часть была занята на лесозаготовительных предприятиях. В 1975, 1977 и 1985 гг. был подписан ряд соглашений о расширении площадей лесозаготовок на территории советского Дальнего Востока. По этим соглашениям советская сторона предоставляла технику и отводила участки леса под вырубку, а КНДР – свою рабочую силу. На территории Верхнебуреинского района были расселены северокорейские рабочие, они жили в закрытых поселках по законам своей страны[303].

В 1980-е гг. вопросами закрепления населения и обеспечения его воспроизводства уже не занимались. Существовавшая система льгот, надбавок и материального стимулирования не способствовала решению задачи стабилизации миграционных процессов и закреплению населения[304]. Данный этап был последним, когда наблюдался высокий темп роста населения: в 1989 г. численность населения составила 7940,7 тыс. человек.

В течение 1987–1990 гг. население продолжало прибывать на Дальний Восток исходя из существовавшего ранее имиджа привлекательного ре-

---

[300] Друзяка А.В. Исторический опыт государственного регулирования внешней миграции на юге Дальнего Востока России (1858–2008 гг.). Благовещенск: Издательство БГПУ, 2010. 290 с.

[301] Забровская Л.В. КНДР-Россия-РК: обмен трудовыми ресурсами // Демоскоп Weekly: демографический еженедельник. 2008. № 333–334. URL: http://demoscope.ru/weekly/2008/0333/analit04.php (дата обращения: 08.02.2013).

[302] Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная экономическая динамика. Дальний Восток / Отв. ред. В.В. Кулешов. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 304 с.

[303] Забровская Л.В. КНДР-Россия-РК: обмен трудовыми ресурсами // Демоскоп Weekly: демографический еженедельник. 2008. № 333–334. URL: http://demoscope.ru/weekly/2008/0333/analit04.php (дата обращения: 08.02.2013).

[304] Плохих С.В., Ковалева З.А. История отечества. Владивосток: ДВГУ, 2002. 169 с.

гиона с высоким уровнем доходов[305]. Однако с 1987 г. происходит резкое уменьшение положительного миграционного сальдо. Доля миграции в динамике общей численности населения региона составляла менее 30%.

В августе 1987 г. была принята долгосрочная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г. В ней ставилась задача экономического развития региона в отличие от обозначаемых ранее военно-стратегических задач[306].

Смена целевых установок не оказала положительного влияния на динамику миграционных процессов. Население ощущало негативные перемены и уже начинало реализовывать свои миграционные настроения.

Таким образом, несмотря на высокую миграционную подвижность, слабую приживаемость населения Дальнего Востока России, именно в советский период произошло формирование основной части постоянного населения региона. В это время были распространены самостоятельные и принудительные потоки миграции. Проблема дефицита рабочей силы решалась с помощью привлечения трудовых ресурсов из центральных регионов страны и союзных республик, использования труда китайских и корейских рабочих, применения труда заключенных различных исправительно-трудовых лагерей.

Поздний советский и постсоветский период (с 1990 г.)

Седьмой этап (с 1990 г. по настоящее время). На начало 1991 г. численность населения Дальнего Востока достигла максимального показателя за всю историю его освоения – 8064 тыс. человек.

Если в 1990-е гг. для России в целом миграция стала важной составляющей положительной динамики населения, компенсируя естественную убыль более чем на 50%[307], то на Дальнем Востоке сложилась противоположная ситуация: с началом экономических и политических преобразований в стране сальдо миграции приобрело отрицательное значение.

С 1993 по 2010 г. его величина постепенно сокращалась – с 102,6 тыс. до 27,4 тыс. человек. В 1993–2000 гг. миграционный отток обусловливал, по нашим расчетам, 85–90% общего уменьшения численности населения региона, а в 2001–2010 гг. – 65%. По коэффициенту общего (-3,0) и миграционного (-2,8) прироста на 1000 чел. в 2011 г. регион занимал соответ-

---

[305] Ващук А.С. Миграционная политика России в конце XX – начале XXI: надежды на управленцев и реалии сельской глубинки юга Дальнего Востока // Вестник ДВО РАН. 2012. № 4. С. 24–31.

[306] Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная экономическая динамика. Дальний Восток / Отв. ред. В.В. Кулешов. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 304 с.

[307] Демографический фактор в социально-экономическом развитии региона (на примере Пермской области) / Под ред. В.А. Ионцева. М.: ТЕИС, 2004. 256 с.

ственно восьмое и седьмое место среди федеральных округов[308]. Численность населения на 1 января 2012 г. составила 6265,9 тыс. человек.

Международная миграция на современном этапе рассматривается в рамках двух потоков – трудовая и постоянная миграция.

Трудовая миграция в настоящее время является необходимым условием функционирования экономики Дальнего Востока. На наш взгляд, датой начала постсоветского периода в международных миграционных процессах следует считать 1989 г., а именно визит М.С. Горбачева в КНР. Сравнительный анализ численности иностранной рабочей силы (ИРС) в Дальневосточном и других федеральных округах РФ за 2010 г. показывает, что при средней абсолютной численности трудовых мигрантов среди всех федеральных округов по относительным показателям Дальневосточный округ (ДФО) занимает одно из лидирующих мест, в том числе первое место по интенсивности привлечения иностранных работников (в расчете на 1000 населения) и по доле ИРС в численности занятых (рис. 5).

В 2010 г. на четыре южных субъекта ДФО (Хабаровский и Приморский края, Амурская и Сахалинская области) пришлось 74,5% общего числа трудовых мигрантов округа. Большая часть иностранных трудовых мигрантов в рассматриваемых субъектах занята в строительстве, сельском и лесном хозяйстве, оптовой и розничной торговле, ремонте автомобилей и т. п.[309, 310, 311, 312]. Основные страны выбытия трудовых мигрантов в округе – КНР, КНДР, Узбекистан, Украина, среди которых лидирующие позиции занимает КНР.

На рубеже XX–XXI вв. наиболее активно обсуждается вопрос необходимости и безопасности привлечения китайских трудовых мигрантов на Дальний Восток России, один из аспектов – конкуренция местного населения и иностранных рабочих на рынке труда. В целом мы согласны с мнением Е.Л. Мотрич о том, что китайские трудовые мигранты практически не конкурируют с резидентами региона на российском рынке труда[313]. В то же время существует конкуренция с местным населением преимущественно в тех отраслях, где велика доля недокументированной занятости, к

---

[308] Численность и миграция населения Российской Федерации в 2012 г.: стат. бюллетень. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2013. 146 с.

[309] Амурский статистический ежегодник 2011: стат. сб. Благовещенск: Амурстат, 2011. 592 с.

[310] Миграция населения Приморского края: стат. бюллетень с аналитической запиской. Владивосток: Приморскстат, 2011. 84 с.

[311] Труд и занятость в Сахалинской области (2005–2009 гг.): стат. сб. Южно-Сахалинск: Сахалинстат, 2010. 127 с.

[312] Труд и занятость в Хабаровском крае: стат. сб. Хабаровск: Хабаровскстат, 2011. 156 с.

[313] Мотрич Е.Л. Миграция как фактор развития Дальнего Востока // Центр миграционных исследований. 2007. URL: http://www.migrocenter.ru/publ/konfer/ekaterinburg/m_ekaterinburg07.php (дата обращения 12.04.2012).

ним относятся строительство и рыночная торговля[314]. А.Г. Ларин отмечает, что нездоровая конкуренция между коренным населением и китайскими мигрантами возникает в сфере труда, где китайские рабочие-иммигранты работают за низкую заработную плату, что в значительной мере связано с нелегальной формой их трудоустройства[315].

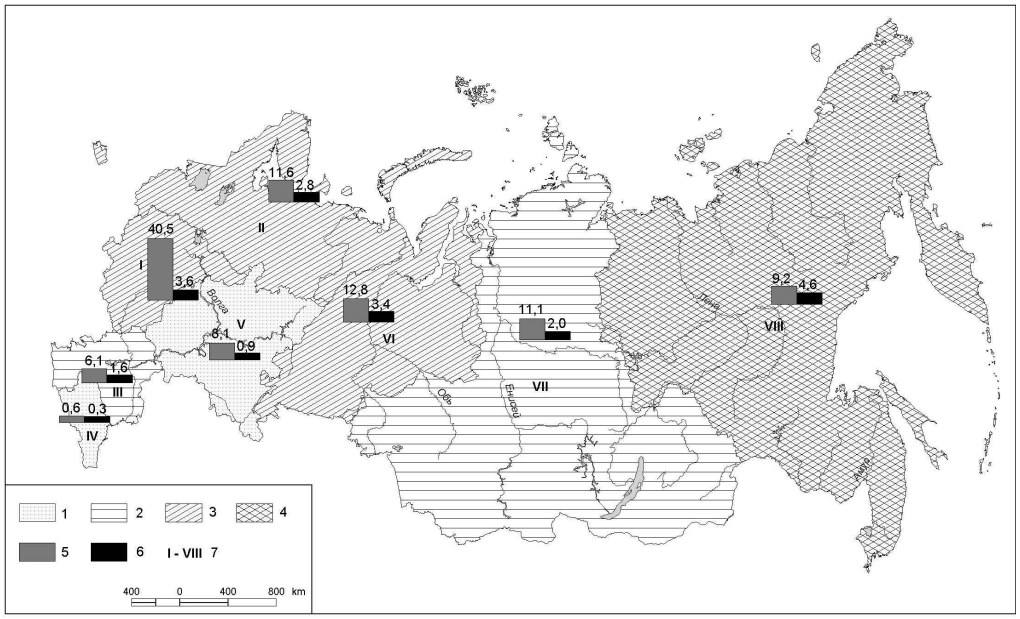

Рис. 5. Количественные показатели иностранной рабочей силы (ИРС) по федеральным округам России, 2010 г.[316]

1–4 – численность иностранной рабочей силы на 1 тыс. жителей, чел.: 1) 1–4,5; 2) 4,5–9,4; 3) 9,4–17,3; 4) 17,3–24; 5 – доля федерального округа от численности иностранной рабочей силы в стране, %; 6 – доля иностранной рабочей силы от численности занятых, %; 7 – федеральные округа: I – Центральный, II – Северо-Западный, III – Южный, IV – Северо-Кавказский, V – Приволжский, VI – Уральский, VII – Сибирский, VIII – Дальневосточный.

Не менее актуален вопрос оценки и учета нелегальной миграции. Из-за невозможности точного учета нелегальных мигрантов данные об их численности на Дальнем Востоке в большинстве случаев имеют экспертный

[314] Тарасова Е.В. Миграционные процессы в Алтайском крае и задачи региональной политики // Национальная идентичность России и демографический кризис: мат-лы II Всеросс. научн. конф. Москва, 15 ноября 2007 г. М.: Научный эксперт, 2008. С. 296.

[315] Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.

[316] Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. М.: Росстат, 2011. 990 с.

характер. По мнению одних экспертов, на каждого оформленного мигранта приходится десять нелегально трудящихся[317]. Другие исследователи считают, что «…в ряде регионов китайцы составляют от четверти до половины реального населения»[318], «одну треть населения г. Уссурийска составляют китайцы и корейцы китайского происхождения»[319]. Более скромная оценка численности нелегальных китайских мигрантов на Дальнем Востоке ориентируется на 200 тыс. человек[320].

Относительно Китая очевидны две основные причины миграции китайцев на север: демографическое давление и безработица на северо-востоке КНР, с одной стороны, и возможность быстро заработать на бизнесе с Россией и в России – с другой. При этом вторая причина является более важной[321].

Приоритет экономических причин в миграции китайцев в России отмечался исследователями еще в начале XX в. Так, И. Левитов отмечал, что «единственная забота всякого китайца – это скопить небольшую сумму денег и золота и возвратиться домой; для этого они готовы производить любую работу на каком угодно поприще, не гнушаясь ничем»[322].

Обращает внимание осторожное отношение самих дальневосточников к вопросу о привлечении китайцев, на постоянную или временную основу. Более лояльно к этой ситуации и перспективе увеличения числа китайцев на Дальнем Востоке России относятся представители центральных регионов.

Так, еще в середине 2000-х гг. власти Дальнего Востока высказывались против миграции китайцев: вице-губернатор Сахалинской области И. Малахов предлагал восстановить приграничную зону всех островов, входящих в состав области; по мнению бывшего мэра Владивостока В. Черепкова, с экономической точки зрения китайцы «захватили Приморье на 30-40%».

С другой стороны, некоторые исследователи (Ж. Зайончковская, А. Антонов и др.) считают, что процесс переселения китайцев в Россию неизбежен; он не представляет политической угрозы, и поэтому нет необходимо-

---

[317] Сидоркина З.И. Иммиграция в демографическом развитии Дальнего Востока: препринт. Владивосток: Дальнаука, 2007. 36 с.

[318] Гильбо Е. Перспективы китаизации России // «Новый Петербургъ»: электрон. газета. № 38 (625). 25.09.2003 URL: http://www.xpomo.com/ruskolan/liter/china.htm (дата обращения 20.02.2012).

[319] Рождественский А. Будет ли Дальний Восток китайским? КНР продолжает мирную «экспансию на Север». 2008. URL: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1213967580 (дата обращения: 30.05.2012).

[320] Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.

[321] Гун Лян Хуа. Глобализация – доминирующий фактор международной трудовой миграции. М.: МАКС Пресс, 2008. 88 с.

[322] Левитов И. Желтая раса. СПб.: Типография инженера Г.А. Бернштейна. 1900. 49 с.

сти чинить препятствия их переселению и настраивать нации друг против друга.

По оценкам американского журнала «The Wall Street Journal», Россия могла бы предоставить часть территории Дальнего Востока китайцам, способствуя, таким образом, развитию этого региона и восстановив его привлекательность для россиян. Основанием для подобного утверждения является огромная разница в плотности населения России (особенно на Дальнем Востоке) и Китая, а также численность и работоспособность китайцев[323].

На наш взгляд, расширение сотрудничества с Китаем, в том числе и в рамках трудовой миграции является объективным современным процессом. Однако важно учитывать социально-экономическую ситуацию в российских регионах.

Южные субъекты Дальневосточного региона характеризуются разным уровнем состояния экономической и социальной сферы, исходя из этого важно рассматривать возможные варианты развития территорий с учетом привлечения иностранной рабочей силы, анализируя количественные показатели, отраслевую специфику регионов и сфер занятости гастарбайтеров[324].

В тоже время мы придерживаемся точки зрения акад. П.А. Минакира, подчеркивающего, что переход к новому этапу экономического развития Дальнего Востока неизбежен. При всей важности и полезности использования открывающихся при этом перспектив следует учитывать, что философия и содержание китайских и российских программ территориального развития разные и Китай имеет здесь преимущество с точки зрения предметности, конкретности и системности подходов и действий. Кроме того, ориентируясь на привлечение иностранной рабочей силы, следует обеспечить бесспорные социальные преимущества на рынке труда для населения самого Дальнего Востока[325].

Особую значимость вопрос привлечения иностранной рабочей силы приобретает в связи с принятой в 2009 г. Стратегией национальной безопасности. В Стратегии подчеркивается, что силы обеспечения национальной безопасности во взаимодействии с институтами гражданского общества нацелены на обеспечение баланса интересов коренного населения и трудовых мигрантов с учетом их этнических, языковых, культурных и конфессиональных различий, включая совершенствование миграционного

---

[323] Преображенская Н.М. Философские аспекты миграционных процессов // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2004. № 6. С. 76–90.

[324] Мищук С.Н. Внутренняя и международная миграция на российском Дальнем Востоке в середине XIX в. – начале XXI в. // Известия РАН. Серия географическая. 2013. С. 33–42.

[325] Минакир П.А. Россия-Китай на Дальнем Востоке: мнимые страхи и реальные угрозы // Пространственная экономика. 2009. № 3 (19). С. 7–19.

учета, а также на обоснованное территориальное распределение трудовых мигрантов, исходя из потребностей регионов в трудовых ресурсах[326].

Начиная с 2011 г. учет иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на территории России, ведется по числу выданных разрешений на работу для иностранных граждан и для лиц без гражданства, прибывших в визовом и безвизовом порядке въезда, а также по числу выданных патентов на осуществление трудовой деятельности у физических лиц – для иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывших в порядке, не требующем получения визы. Таким образом, численность трудовых мигрантов из Китая можно оценить по числу выданных разрешений на работу (табл. 15). На ДВ в 2011 г. приходилось 7,8%, в 2012 г. – 7,1% от общего числа иностранных граждан, имевших разрешение на работу[327] .

Таблица 15

Распределение численности иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу в России[328]

Типы стран-исхода иностранных граждан	Численность иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу			
	2011 г.		2012 г.	
	тыс. человек	% от общей численности	тыс. человек	% от общей численности
Всего, в том числе	1027,9	100	1148,7	100
СНГ	858,9	83,6	968,6	84,3
ДЗ	153,2	14,9	168,9	14,7
Китай	69,5	6,8	76,9	6,7

По данным УФМС России по Хабаровскому краю, доля разрешений на работу иностранным гражданам, прибывшим в безвизовом порядке за период с 2011 по 2013 гг., составила 40,2%, что значительно ниже общероссийского показателя. Доля оформленных разрешений на работу гражданам Китая в 2012 г. составила 33%, в 2013 г. – 38,2%.

Среди дальневосточных субъектов лидирующее положение по доле оформленных разрешений на работу гражданам Китая занимают Приморский и Хабаровский края, Еврейская автономная и Амурская области. В 2012 г. данный показатель достиг 91%, в 2013 г. – 91,7%. Среди дальневосточных регионов в ЕАО сохраняется высокая доля китайских трудовых мигрантов в общей численности привлеченной рабочей силы.

Учитывая динамику современных демографических процессов вну-

---

[326] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]. 2009. URL: http://archive.kremlin.ru/text/docs/2009/05/216229.shtml (дата обращения: 30.04.2009).

[327] Труд и занятость в России. 2013: стат.сб. М.: Росстат, 2013. 661 с.

[328] Составлено по: Россия в цифрах. 2013: Крат. стат. сб. М.: Росстат, 2013. 573 с.

три Китая, связанных с оттоком населения из сельской местности, в том числе из приграничных с Россией регионов, в крупные города с целью заработка, возможно возникновение недостатка трудовых ресурсов из Китая в приграничных дальневосточных регионах. В 2013 г. трудоспособное население Китая сократилось на 2,44 млн. человек. По прогнозу, в первой половине 2014 г. только в Пекине появится 556 тыс. вакансий, в то время как предложение на рынке труда составит лишь 218 тыс. человек[329].

На наш взгляд, обозначенная ситуация на рынке труда Дальнего Востока будет усугубляться. Существовавшая зависимость от китайских трудовых мигрантов привела к снижению числа квалифицированных специалистов технических специальностей среди местного населения. Китайские трудовые мигранты частично замещаются мигрантами из стран СНГ и других стран дальнего зарубежья (КНДР, Вьетнам).

Для анализа восприятия международных трудовых мигрантов в южных субъектах Дальнего Востока (Хабаровский и Приморский края, Амурская и Еврейская автономная области) нами проведен контент-анализ ведущих СМИ данных регионов. Использовался следующий набор ключевых фраз: мигрант, Китай (в вариациях – Китай, китайцы, китайский бизнес), иностранный бизнес, иностранцы, страны СНГ, ближнее зарубежье, гастарбайтеры, Средняя Азия, диаспоры.

В общей сложности в процессе исследования было проанализировано 208 официальных публикаций, в которых встречаются ключевые слова. Территориально распределение публикационной активности выглядит следующим образом: Хабаровский край – 76 публикаций (AmurMedia – 38, «Хабаровские Вести» – 38); Еврейская автономная область – 17 публикаций; Амурская область – 24 официальных публикации, более 6,5 тыс. статей в категории «Блог» и «Форум»; Приморский край – 91 публикация.

Анализ отобранных материалов по эмоциональной окраске, позволяет сделать вывод, что подавляющее большинство статей носит в большей степени негативный характер, что связано с нарушением миграционного законодательства как со стороны иностранных граждан, пребывающих на территории России, так и фирмами, функционирующими в рассматриваемых регионах и привлекающими иностранную рабочую силу. Отмечается наличие экономических и уголовных нарушений, преступлений, совершенными иностранными предприятиями; с негативным влиянием иностранных граждан (рабочих) на экологию, условия жизни, безопасность территории.

Чернышев И.Е. на основе результатов исследования средств массовой информации в Амурской области делает вывод о недостаточном участие амурской прессы в развитии российско-китайского межкультурного диало-

---

[329] Полурос Т. Нация надеется на молодых // Российская газета. 2013. № 72 (6344). С. А15.

га, так как большинство СМИ области работают с китайским материалом лишь при необходимости оперативно отреагировать на произошедшие события. Таким образом, автор отмечает слабое понимание амурскими СМИ своей социальной ответственности в формировании социокультурных и экономических отношений, геополитических тенденций[330].

В целом привлечение иностранных трудовых мигрантов в российские регионы оценивается как необходимое направление для развития экономики Дальнего Востока. Можно предположить, что при соблюдении нормативно-правовой базы, регулирующей практику привлечения иностранных граждан для работы в РФ, оценка данной категории мигрантов в местных средствах массовой информации будет более позитивной[331].

Исходя из целей нашей работы, важно подчеркнуть, что вопрос интеграции китайских мигрантов в дальневосточный социум не возникает в средствах массовой информации. Вероятно, это объясняется преобладанием экономических интересов в российско-китайских отношениях, что не вызывает необходимости обсуждать вопросы интеграции данной категории мигрантов. Кроме того число граждан Китая, получивших разрешение на временное проживание или вид на жительство, на территории Дальнего Востока России незначительно.

Широко распространена идея, что необходимость привлечения трудовых мигрантов обусловлена нехваткой местной рабочей силы. Мы согласны с мнением А.Д. Орлова о том, что «нехватка трудовых ресурсов в той или иной сфере… это вопрос структуры экономики и эффективности системы общественного разделения труда»[332]. Необходимо модернизировать производство, тем самым снижая потребность в трудовых ресурсах и повышая производительность труда.

Отсутствие системного подхода в социально-экономическом развитии Дальнего Востока России, в том числе в сфере привлечения трудовых мигрантов, приводит к убыткам. Причем их несут не предприниматели, которые продают ресурсы (металл, лес, рыбу) или используют труд нелегальных мигрантов, а государство. После долгого перерыва российская экономическая позиция вновь оказалась слабой[333]. На современном этапе

---

[330] Чернышев И.Е. СМИ приграничного региона: становление и особенности функционирования (на примере Дальневосточного федерального округа): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2009. 26 с.

[331] Мищук С.Н. Особенности международной трудовой миграции из Китая в Россию (на примере Дальневосточного федерального округа) // Экономика региона. 2014. № 2. С. 194–202.

[332] Орлов А.Д. Гипериммиграция: миф о «нехватке рабочих рук» и объективные принципы выбора миграционно-демографической стратегии РФ // Национальная идентичность России и демографический кризис: мат-лы II Всерос. научн. конф. Москва, 15 ноября 2007 г. М.: Научный эксперт, 2008. С. 197.

[333] Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.

необходимо концентрировать усилия на установлении двусторонних отношений, реализация которых приведет к позитивным результатам для обеих сторон.

3.1.2. Миграция населения на Дальний Восток из стран СНГ

Современные миграционные процессы на Дальнем Востоке характеризуются устойчивой динамикой роста иммигрантов из стран СНГ. Можно выделить три причины этой положительной динамики.

1. Законодательные изменения в части учета мигрантов, прибывающих в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы.

По данным статистики с 2007 г. отмечается рост числа иностранных граждан, регистрируемых в рамках общей миграции, прибывших на ДВ на постоянное место жительства (получивших РВП или вид на жительство). В значительной мере рост объясняется «легализацией» проживавших на территории России на незаконных основаниях. Официальная регистрация данной части иностранных граждан связана с введением упрощенного порядка их трудоустройства, а также усилением ответственности за нарушения порядка привлечения к трудовой деятельности в РФ иностранных граждан и лиц без гражданства[334, 335, 336]. За нарушение правил въезда, пребывания, миграционного учета, уклонение от выезда, несоответствие заявленной цели въезда в РФ, за осуществление трудовой деятельности в РФ без разрешения на работу иностранным гражданам грозит наложение административного штрафа в размере от 2 до 5 тыс. рублей с административным выдворением за пределы РФ или без такового (ст. 18.10 КоАП РФ). Незаконное привлечение к трудовой деятельности иностранного гражданина при отсутствии у него разрешения на работу является основанием для привлечения российского работодателя к административной ответственности – штраф в размере от 2 до 5 тыс. рублей для граждан, от 25 до 50 тыс. рублей для должностных лиц и от 250 до 800 тыс. рублей (либо административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток) для юридических лиц (ч. 1 ст. 18.15 КоАП РФ).

---

[334] Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ // Консультант Плюс. 2002. URL: http://www.consultant.ru/popular/pravovepolozhenie-inostrannyh-grazhdan-v-rf/ (дата обращения: 18.02.2013).

[335] Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18.07.2006 N 109-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // КонсультантПлюс. 2006. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156942/ (дата обращения: 18.02.2013).

[336] Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и о признании утратившими силу отдельных положений Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 18.07.2006 №110-ФЗ // КонсультантПлюс. 2006. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base= LAW;n=156767 (дата обращения: 18.02.2013).

С изменениями в правилах учета связан и рост почти в три раза числа мигрантов за 2010–2011 гг. С 2011 г. в качестве долгосрочных мигрантов стали учитывать лиц, зарегистрированных по месту пребывания на срок 9 месяцев и более (ранее этот срок составлял год и более).

2. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (далее – Программа, Государственная программа, Госпрограмма), создает «привилегированную» категорию мигрантов из стран ближнего зарубежья[337].

Согласно Концепции Государственной миграционной политики РФ до 2025 г.[338], к 2021 г. будет приостановлен миграционный отток населения из районов Сибири и Дальнего Востока, а к 2026 г. – обеспечен миграционный приток населения в данные регионы. Одним из механизмов достижения поставленной задачи является реализация Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Данная Программа была утверждена Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637. Однако первый Федеральный закон (№ 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»), рассматривающий тему соотечественников в России, был принят 24 мая 1999 г. В настоящее время правовое обеспечение Программы представлено двумя Международными договорами Российской Федерации, четырьмя Федеральными законами, шестью актами Президента Российской Федерации, семнадцатью актами Правительства Российской Федерации и тремя ведомственными актами.

Реализация Программы направлена на «стимулирование и организацию процесса добровольного переселения соотечественников в Россию, компенсацию естественной убыли населения в стране в целом и в ее отдельных регионах за счет привлечения переселенцев на постоянное место жительства в Российскую Федерацию»[339]. Программой установлены две категории территорий вселения, на которые могут приехать участники Программы: территории приоритетного заселения и территории, не относящиеся к территориям приоритетного заселения.

---

[337] Ионцев В., Ивахнюк И. Модели интеграции мигрантов в современной России. CARIM-East RR 2013/12, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013. 22 с.

[338] Концепция Государственной миграционной политики Российской федерации на период до 2025 г. // Федеральная миграционная служба. 16 с. URL: http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/07c/kgmp.pdf (дата обращения: 10.06.2013).

[339] Правовое обеспечение Государственной Программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом // Федеральная миграционная служба. 2013. URL: http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/ (дата обращения: 18.02.2013).

В 2013 г. Правительством РФ было согласовано 45 проектов региональных программ переселения, в том числе в Центральном федеральном округе десять субъектов, в Северо-западном федеральном округе – семь, в Южном федеральном округе – один, в Приволжском и Уральском федеральных округах – по шесть субъектов в каждом округе, Сибирском федеральном округе – восемь. Семь из девяти дальневосточных субъектов входят в список участников данной Программы и относятся к территориям приоритетного заселения[340].

С начала реализации Программы по состоянию на 1 января 2014 г. поставлено на учет в территориальных органах ФМС России почти 149 тыс. участников Программы и членов их семей.

В 2013 г., как и в предыдущие годы, в географии прибывших соотечественников лидируют Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Молдавия, Украина и другие страны[341].

В ДФО данная Программа реализовалась до конца 2012 г. в шести субъектах: Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская и Сахалинская области, Еврейская автономная область. С принятием Указа Президента Российской Федерации от 14 сентября 2012 г. № 1289 Государственная программа приобрела бессрочный характер.

На начало 2013 г. на ДВ всего зарегистрировано 8,4 тыс. участников Программы и членов их семей, что составило 7,3% от числа участников Программы по России (рис. 6)[342].

По регионам ДВ наибольшее число соотечественников зарегистрировано в Приморском крае, второе место занимает Хабаровский край, третье – Амурская область. Это результат более высокого уровня их социально-экономического развития, а также более ранних сроков их вступления в Программу.

На начало 2014 г. число участников Программы и членов их семей в ДФО составило 9,4 тыс. человек или 6,3% от числа участников Программы по России.

---

[340] Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения субъектов Российской Федерации в IV квартале 2013 г. // Федеральная миграционная служба. 2014. 14 с. URL: http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/monitoring/ (дата обращения: 05.03.2014).

[341] Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения субъектов Российской Федерации в IV квартале 2013 г. // Федеральная миграционная служба. 2014. 14 с. URL: http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/monitoring/ (дата обращения: 05.03.2014).

[342] Численность и миграция населения Российской Федерации в 2012 г.: стат. бюллетень. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2013. 146 с.

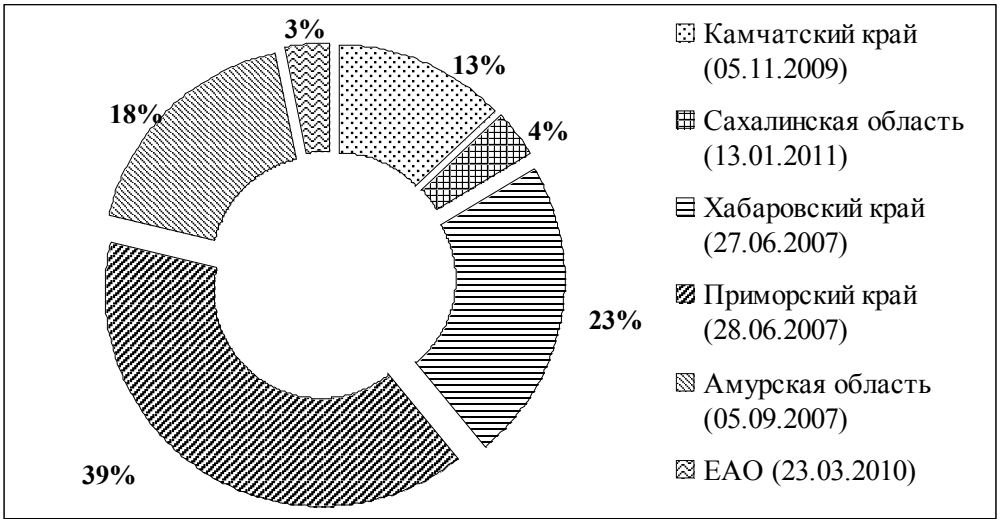

Рис. 6. Распределение общего числа участников Программы по регионам ДВ, на начало 2013 г. (в скобках указана дата начала реализации Программы)

За весь период действия данной Программы на ДВ прибыло из-за рубежа 42% от общего числа «соотечественников». За 10 месяцев 2013 г. в регионе поставлено на учет 1004 участника Программы и членов их семей. По данным ФМС РФ в 2013 г. лишь 2,9% соотечественников прибыли по Программе в дальневосточные субъекты от их общего числа по России. Это значительно ниже уровня 2012 г. – 7,7%[343, 344].

В 2013 г. отмечалось снижение числа участников Программы, что связано с завершением сроков ее реализации в 2012 г. и организационными вопросами (разработка, обсуждение, принятие) в отношении новых региональных Программ. В четырех субъектах ДФО (Камчатский, Приморский, Хабаровский края и Магаданская область) в течение октября-декабря 2013 г. согласована и утверждена новая Программа на 2013–2017 гг. Ожидается, что после принятия региональных Программ количество участников из стран СНГ возрастет.

Степень эффективности Программы в ДФО в первые годы ее реализации была крайне низкой. В 2007 г. при плане в 683 участника приехало лишь два. Начиная с 2011 г. отмечается увеличение доли соотечественников, переселившихся в регионы ДВ России. По данным ФСМ РФ, в 2010 г.

[343] Доклад о реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, в 2012 году ФМС РВ. М., 2013. 50 с.

[344] Доклад о реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, в 2013 году ФМС РВ. М., 2014. 58 с.

в дальневосточные регионы переселялся каждый 19-й соотечественник, то в 2011 г. – каждый 10-й, что составляет 9,9% от общего числа соотечественников, переселившихся в РФ в 2011 г.[345]

В 2012 г. данный показатель несколько ниже – в IV квартале 2012 г. он составил 7,7%. В 2013 г. доля участников Программы и членов их семей, прибывших на Дальний Восток снизилась, минимальный показатель был отмечен в III квартале – 2,3%, максимальный – во II и IV кварталах, по 3,1%[346].

В октябре 2013 г. распоряжением Правительства Российской Федерации утверждены критерии оценки эффективности реализации данной Государственной программы, которые рассматриваются в рамках четырех категорий:

– критерий, характеризующий уровень участия субъектов Российской Федерации в реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, то есть количество субъектов РФ, участвующих в Программе;

– критерии, характеризующие эффективность информационного обеспечения потенциальных и фактических участников Государственной программы;

– критерии, характеризующие эффективность мер по адаптации и интеграции соотечественников;

– критерии, характеризующие уровень удовлетворенности соотечественников условиями, создаваемыми для их приема и адаптации в субъектах Российской Федерации[347].

3. С 01.07.2010 началось осуществление предпринимательской деятельности иностранными гражданами, прибывшими на территорию РФ в порядке, не требующем оформление визы, из стран СНГ, на основании патента. По данным территориальных органов ФМС России на Дальнем Востоке к концу 2010 г. выдано около 7,5 тыс. патентов, в основном в Хабаровском крае, Сахалинской области и Республике Саха (Якутия). В ито-

---

[345] Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения субъектов РФ в 2011 г. // Федеральная миграционная служба. 2012. 17 с. URL: http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/monitoring/ (дата обращения: 25.03.2013).

[346] Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения субъектов Российской Федерации в IV квартале 2013 г. // Федеральная миграционная служба. 2014. 14 с. URL: http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/monitoring/ (дата обращения: 05.03.2014).

[347] Распоряжение Правительства Российской Федерации «Критерии оценки эффективности реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» от 24 октября 2013 г. № 1947-р.

ге с начала реализации мероприятий по оформлению и выдаче патентов в округе выдано более 114 тыс. патентов, из которых на начало 2013 г. действительными были около 43 тыс. патентов. Распределение выданных патентов в дальневосточных регионах нарастающим итогом с 01.07.2010 по 31.12.2012 позволяет выделить лидирующие страны исхода мигрантов: Узбекистан (53%), Киргизия (19%), Таджикистан (14%).

Значительная часть мигрантов использует приобретение патентов как способ законного нахождения на территории России, однако трудовую деятельность они осуществляют чаще всего не на физических, а на юридических лиц. Это приводит к снижению объемов налогов в бюджет РФ, собираемых с юридических лиц, использующих труд иностранных граждан.

Таким образом, в настоящее время можно говорить о возникновении новых путей расширения миграционного взаимодействия российских регионов (в том числе и ДВ) и стран СНГ. Но это не всегда связано с увеличением числа мигрантов. Зачастую изменения в законодательной базе вели к «легализация» уже присутствующих здесь. Например, изменение подходов в статистическом учете мигрантов не меняет их реальную численность.

При реализации Программы не все ее участники непосредственно прибывают из-за рубежа. Так, на начало 2013 г. из общего числа участников Программы, лишь 42% непосредственно прибыли из-за рубежа. В действительности увеличение населения округа за счет мигрантов составило порядка 3,4 тыс. человек. Есть спорное мнение, что многие участники Программы приезжают исключительно для получения российского гражданства. Получив его, они отправляются на родину, имея при этом возможность вернуться в любой момент в Россию на заработки[348].

В ДФО кроме трудовой деятельности на основе патентов немалую роль играет внешняя трудовая миграция на основе разрешений на трудовую деятельность. В 2012 г. в округе почти 40% разрешений на работу было оформлено прибывшим в безвизовом порядке. При этом в среднем по России данный показатель составил 79,9%. Доля разрешений на работу, оформленных гражданам КНР, в ДФО – 33%. Результаты опроса по Хабаровскому краю, проведенного сотрудниками ИЭИ ДВО РАН в 2012 г., показали, что несмотря на возрастающую численность трудовых мигрантов в обществе преобладает нейтральное отношение к ним. Существующие негативные оценки исследователи объясняют недостаточным уровнем проводимой работы с населением по «внедрению толерантности в массо-

[348] Ващук А.С. Миграционная политика России в конце XX – начале XXI: надежды на управленцев и реалии сельской глубинки юга Дальнего Востока // Вестник ДВО РАН. 2012. № 4. С. 24–31.

вое сознание» принимающего сообщества[349].

Таким образом, за период с 1987 по 2013 гг. миграционное сальдо на Дальнем Востоке России составило -798,6 тыс. человек. Происходит увеличение числа иммигрантов из стран ближнего зарубежья. Трудовая миграция играет более значимую роль по сравнению с предыдущим периодом. Основными странами – поставщиками трудовых мигрантов служат КНР, КНДР, Узбекистан, Украина.

Текущий период является «продолжением» досоветского и раннего советского (до 1926 г.) периода, тенденции которого были прерваны авторитарными установками и подходами в управлении миграционными процессами в советские времена. Использование труда иностранных работников не новое явление для данного макрорегиона, однако в отличие от досоветского периода в последние два десятилетия северо-восточные территории Китая интенсивно развиваются, в то время как в социально-экономической сфере российских регионов наблюдаются негативные тенденции. Новым направлением в миграционных процессах региона является формирование двух противоположных миграционных потоков: отрицательное сальдо миграции Дальнего Востока в рамках внутрироссийской миграции и положительное сальдо миграции региона со странами СНГ.

Со стороны дальневосточного социума в целом преобладает нейтральное отношение к мигрантам. Существующие негативные оценки связаны с нарушением законодательства в экономической и экологической сферах. Степень недовольства на ДВ ниже, чем в центральных регионах России, что обусловлено меньшим числом мигрантов на территории дальневосточных субъектов. В значительной степени уровень враждебности по отношению к мигрантам зависит не только от их численности, но и функциональности: если мигранты занимают невостребованные ниши и создают положительный эффект для развития региона, то принимающее сообщество воспринимает их терпимо.

3.1.3. Присутствие мигрантов на Дальнем Востоке России: итоги общероссийских и региональных опросов

По данным рейтинга межэтнической напряженности в регионах России, пять из девяти дальневосточных субъектов (Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ, Магаданская и Амурская область, Республика Саха (Якутия)) характеризуются очень низким уровнем межэтнической напряженности, Приморский и Камчатский край – низ-

[349] Мотрич Е.Л. Мигранты на российском Дальнем Востоке и оценка их взаимоотношений с местным населением // ДВОПП: Дальневосточное отделение промышленников и предпринимателей. 2013. URL: http://www.dvop.ru/index.php/incomingmail/829-2013-02-20-05-43-48 (дата обращения: 20.12.2013).

ким уровнем, Хабаровский край – средним уровнем. В Хабаровском крае большинство конфликтных ситуаций сосредоточено в краевом центре. Все конфликтные ситуации можно рассматривать в рамках двух групп: онлайн-экстремизм, связанный с размещением в социальных сетях материалов, признанных судом экстремистскими, а также межнациональные драки (в основном с участием азербайджанцев). По мнению авторов исследования, прогноз межэтнической напряженности в крае негативный из-за нестабильной демографической и экономической ситуации[350].

В рамках масштабного опроса, проведенного в октябре 2011 г. ФОМ, представлены результаты по ряду вопросов в отношении местного населения к мигрантам. Опрос проводился в 1364 населенных пунктах 49 субъектов РФ. Всего опрошено 24 500 респондентов, в каждом субъекте РФ по 500 респондентов. Среди дальневосточных регионов были выбраны Амурская область, Хабаровский и Приморский край.

Мы рассмотрели отношение респондентов субъектов ДВ и в целом по стране по трем группам вопросов:

1. Мнение и отношение местных жителей к культурным различиям с мигрантами[351].

2. О месте и роли мигрантов на российском рынке труда[352].

3. Мнение местных жителей о правах мигрантов и готовности «принимать их в своих городах»[353].

В результате сопоставления данных между регионами Дальнего Востока и общероссийскими показателями нами были сделаны следующие выводы.

1. Большинство респондентов как в России, так и на Дальнем Востоке, соглашаются с тем, что мигранты имеют различия по своей культуре и привычкам от принимающих сообществ. Этот факт создает трудности, в первую очередь, для самих мигрантов, нежели для местных жителей. В тоже время доля респондентов на Дальнем Востоке, отметивших возникновение сложностей для местного населения составила от 22% до 30% (рис. 7).

Общероссийский показатель превысил дальневосточный уровень, составив 35%. Данные отличия, на наш взгляд, обусловлены, относительно

---

[350] Гроздья гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. Осень 2013-весна 2014 года / Центр изучения национальных конфликтов. 2014. С. 38. URL: http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/ (дата обращения 15.06.2012).

[351] Условия и цена интеграции мигрантов. [Электронный ресурс]. 06.06.2012. URL: http://fom.ru/Obraz-zhizni/10465 (дата обращения 15.06.2012).

[352] Мигранты и рынок труда. [Электронный ресурс]. 14.06.2012. URL: http://fom.ru/Ekonomika/10484 (дата обращения 15.06.2012).

[353] Российские регионы: мера гостеприимства. [Электронный ресурс]. 31.05.2012. URL: http://fom.ru/Obraz-zhizni/10458 (дата обращения 15.06.2012).

небольшой численностью мигрантов на Дальнем Востоке.

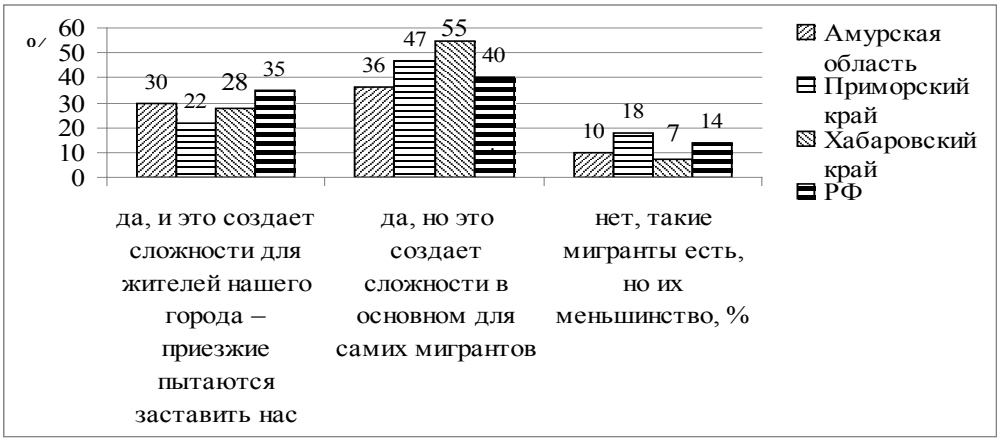

Рис. 7. Ответы на вопрос « Согласны ли вы с тем, что большинство мигрантов отличаются по своей культуре и привычкам от местных жителей?», 2011 г., %

Результаты ответов об образе жизни мигрантов подтверждают предыдущие выводы. В целом по России доля респондентов, согласных с точкой зрения, что в образе жизни мигрантов есть особенности, с которыми местным жителям трудно мириться, превышает дальневосточные показатели. Среди субъектов Дальнего Востока в Амурской области более половины респондентов (54%) согласились с данным утверждением, в Приморском крае доля соответствующих ответов составила лишь 46% (рис. 8).

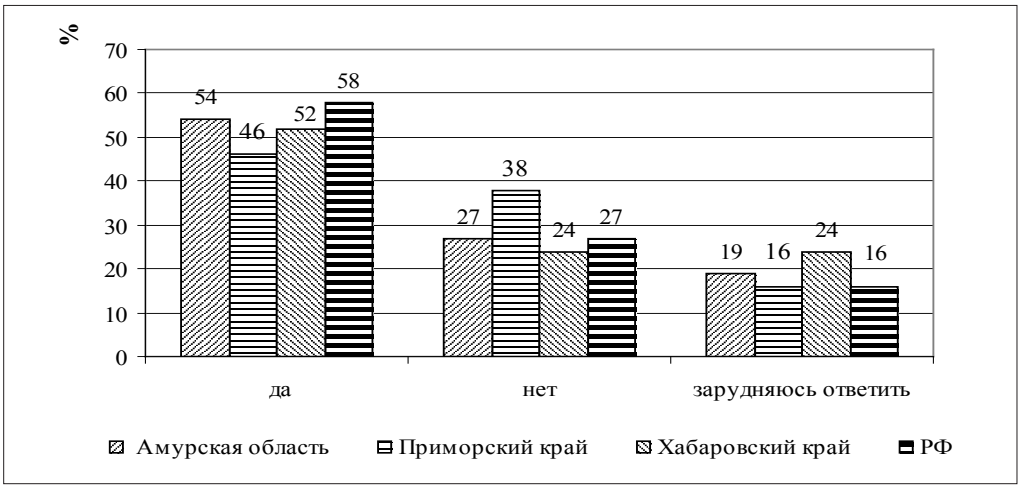

Рис. 8. Отношение респондентов к суждению: «В образе жизни мигрантов есть особенности, с которыми жителям моего города (посёлка, села) трудно примириться»? 2011 г., %

На наш взгляд, достаточно любопытен тот факт, что в Приморском крае получены минимальные результаты среди регионов Дальнего Востока по степени «неудобств», создаваемых мигрантами принимающему сообществу. В период проведения опроса (2011 г.) продолжалось строительство объектов к саммиту АТЭС, где привлекалось большее число трудовых мигрантов, однако, результаты опроса не отражают обострение отношения к мигрантам в рассматриваемом субъекте.

В тоже время преобладает мнение о возможности мигрантами сохранять свои традиции, но только в частной жизни и в рамках закона (рис. 9).

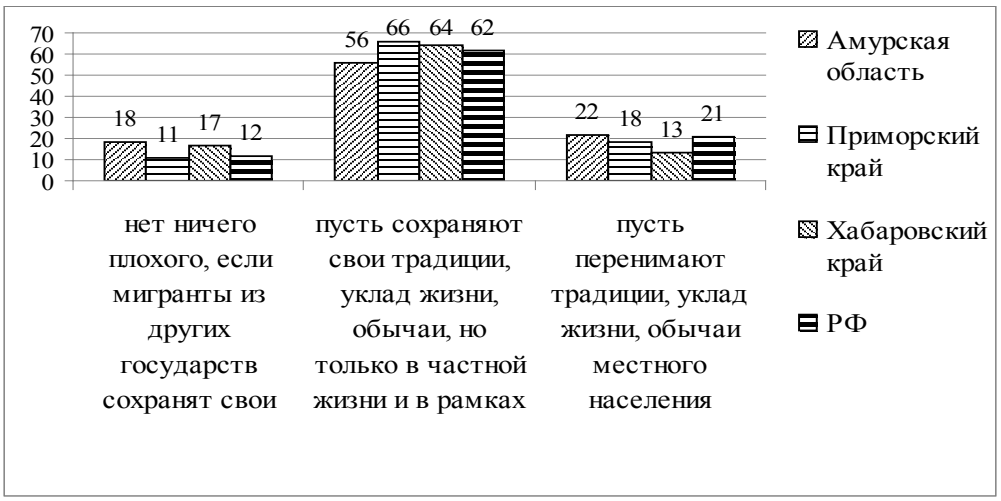

Рис. 9. Ответы на вопрос «Как вы относитесь к тому, чтобы мигранты сохраняли свои традиции, уклад жизни, обычаи?», 2011 г., %

2. В отношении конкуренции на рынке труда отрицательные и положительные ответы практически равны. Более высокий уровень конкуренции характерен для Росси в целом, нежели в дальневосточных субъектах, где доля подтвердивших ее наличие составила 44–47% при общероссийском уровне 50% (рис. 10).

Основная причина привлечения мигрантов, по мнению респондентов, связана с более низкой стоимостью их труда. В Амурской области значимость данного утверждения несколько ниже, чем в других регионах Дальнего Востока и в целом по России (рис. 11). На наш взгляд, это может быть обусловлено преобладанием здесь трудовых мигрантов из Китая, оформление которых требует подготовки ряда документов, а также финансовых затрат.

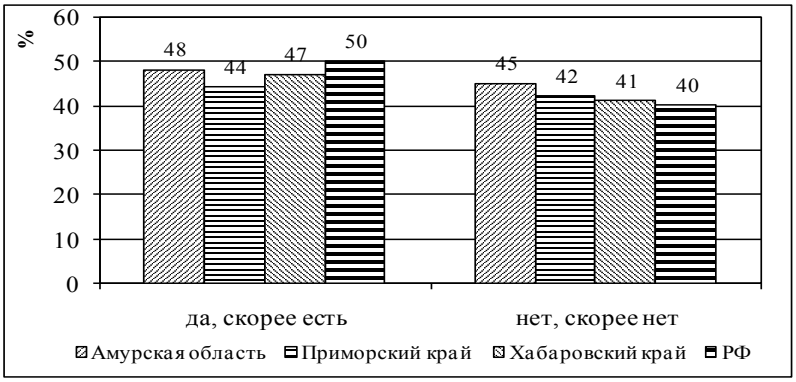

Рис. 10. Ответ на утверждение «В вашем регионе мигранты заполняют рабочие места и жителям региона не остается работы», 2011 г., %

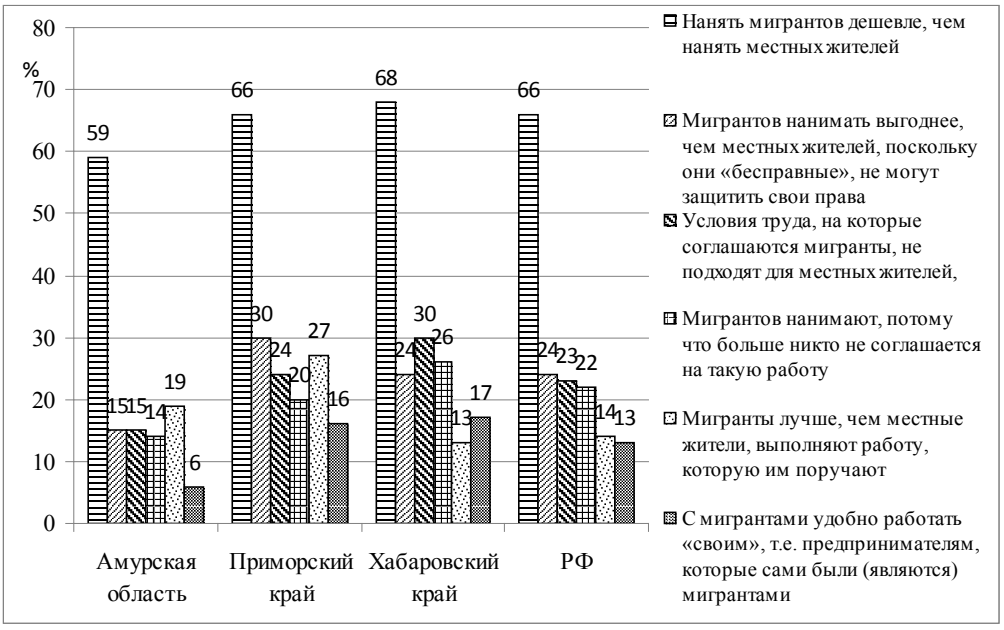

Рис. 11. Ответы на вопрос «Как вам кажется, по каким основным причинам в вашем населенном пункте используется труд мигрантов?(возможно несколько вариантов ответов), 2011 г., %

Выбор респондентами варианта «С мигрантами удобно работать «своим», т.е. предпринимателям, которые сами (являются) мигрантами» отражает возможное наличие этнического предпринимательства в рассматриваемых субъектах. Максимальное число респондентов выбрали данный вариант ответа в Хабаровском и Приморском краях, которые характеризу-

ются наибольшей численностью мигрантов среди дальневосточных субъектов.

3. Если в вопросах культурного взаимодействия и влияния мигрантов на рынок труда принимающих регионов ситуация в дальневосточных регионах сопоставима с общероссийской ситуацией, то в рамках вопросов о взаимодействии и интеграции ответы не всегда совпадали. Жители Амурской области и Хабаровского края более толерантно относятся к возможности постоянного проживания в их населенном пункте детей и внуков мигрантов (Амурская область – 61% числа опрошенных положительно ответили на такую возможность, в Хабаровском крае – 52% при среднероссийском показателе 45%). Доля отрицательных ответов на данный вопрос по России (41%) выше, чем на Дальнем Востоке. Минимальная доля отрицательных ответов зафиксирована в Амурской области (28%) (рис. 12).

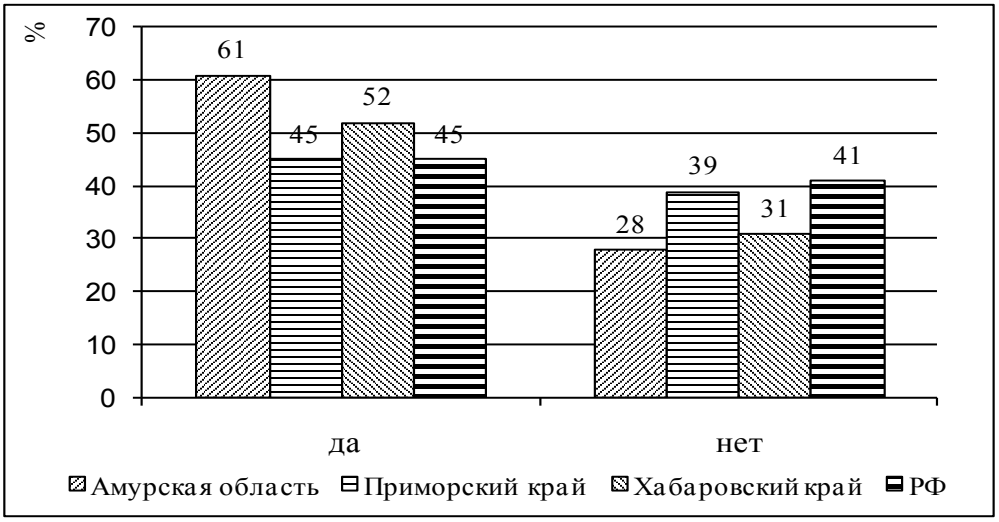

Рис. 12. Отношение респондентов к суждению: «Я не против, чтобы дети и внуки мигрантов стали постоянными жителями моего города (посёлка, села)»? 2011 г., %

Несмотря на достаточно миролюбивый настрой в отношении мигрантов в целом, при постановке вопроса о возможности проживания рядом с местными жителями семей мигрантов из стран Юго-Восточной Азии, Средней Азии или Закавказья, доля отрицательных ответов возросла. Доля несогласных проживать рядом с мигрантами в Амурской области и Приморском крае колебалась от 50% до 59% (в зависимости от типа стран исхода мигрантов), в Хабаровском крае – 45–53%, при среднем показателе по России 53–58%.

Обращает внимание тот факт, что наибольшее число отрицательных ответов касалось мигрантов из стран Юго-Восточной Азии, минимальное – из стран Закавказья (рис. 13–15). Данный результат позволяет сделать вывод о сохраняющемся лидерстве стран Юго-Восточной Азии (в первую очередь, Китая) как потенциальной угрозе российским территориям.

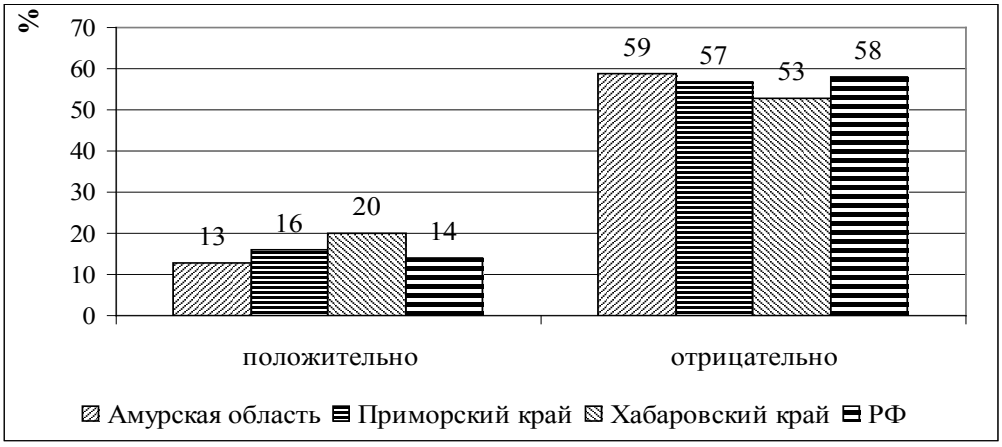

Рис. 13. Ответ на вопрос «Как бы вы отнеслись к тому, чтобы рядом с вами поселилась самая обычная семья мигрантов из Юго-Восточной Азии?», 2011 г., %

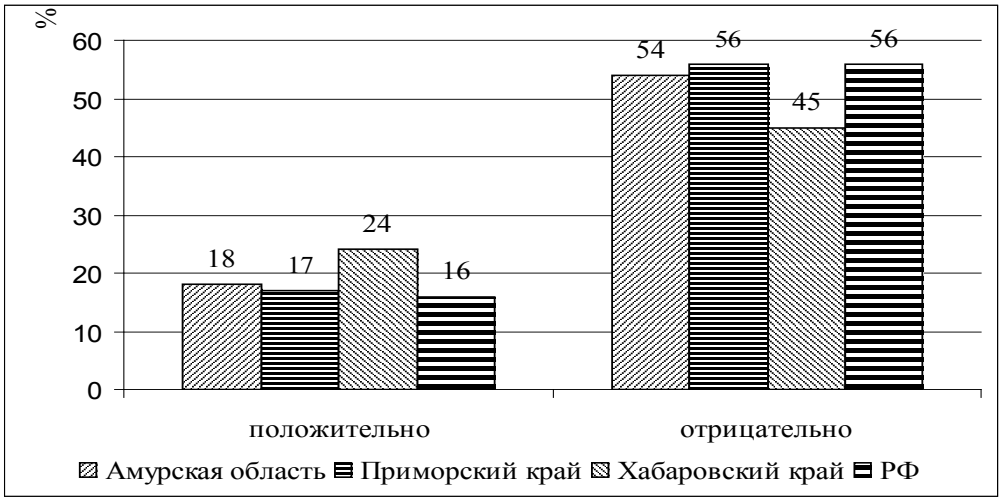

Рис. 14. Ответ на вопрос «Как бы вы отнеслись к тому, чтобы рядом с вами поселилась самая обычная семья мигрантов из Средней Азии?», 2011 г., %

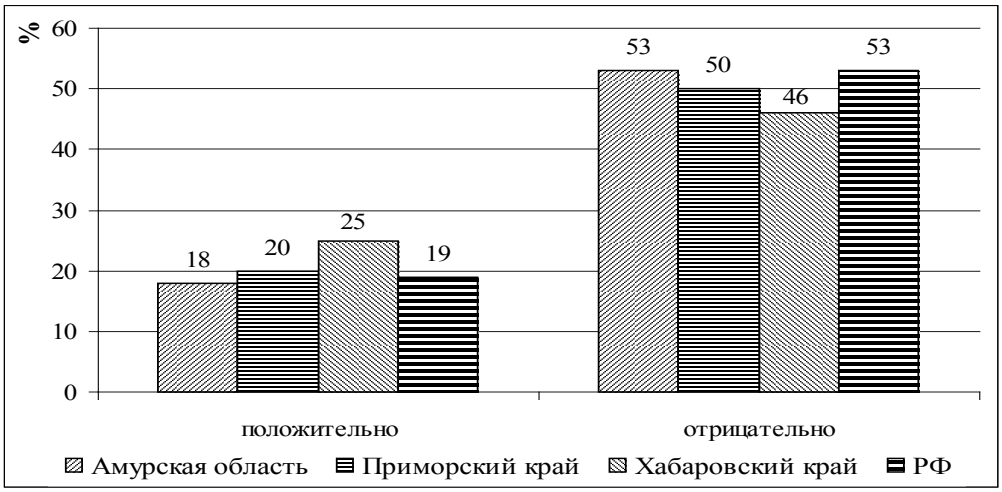

Рис. 15. Ответ на вопрос «Как бы вы отнеслись к тому, чтобы рядом с вами поселилась самая обычная семья мигрантов из Закавказья?», 2011 г., %

Итоги и выводы общероссийского опроса 2011 г. подтверждаются исследованиями региональных специалистов.

По результатам опроса, проведенного в 2006 г. в Приморском крае в рамках межрегионального проекта МИОНа «Будущее России: взгляд из центра и регионов», специалисты Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН отмечают более высокий уровень мигрантофобских настроений у населения (67,2% респондентов против приглашения трудовых мигрантов). Число респондентов, согласных с мнением о том, что мигранты отнимают рабочие места у местного населения (57,9%) превышает показатель по краю по аналогичному вопросу, в рамках обследований ФОМ 2011 г. (44%)[354].

В июле 2014 г. опрос специалистами Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН жителей г. Владивостока показал относительно равные доли респондентов, положительно и отрицательно ответивших на вопрос о том, что мигранты отнимают рабочие места у местных жителей (49% и 40%, соответственно).

На основании результатов длительного (15 лет) изучения отношения дальневосточников к нахождению иностранцев на Дальнем Востоке России, Ларин В.Л. и Ларина Л.Л. отмечают ряд факторов, влияющих на восприятие мигрантов: характер и длительность пребывания, восприятие респондентами страны исхода, эмоциональный настрой.

Летом 2012 г. был проведен опрос жителей и экспертов Приморско-

[354] Ермак Г.Г. Социальные идентичности населения Приморского края // Этническая идентичность и конфликт идентичностей. Владивосток: Дальнаука, 2007. С. 26–27.

го края и Хабаровска[355]. В отношении временных мигрантов (студентов, рабочих, туристов, предпринимателей) отрицательно высказались лишь 3% опрошенных. Обращает внимание рост доли положительных ответов респондентов о пребывании на территории России предпринимателей из других стран: в 2003 г. доля положительных ответов составила 42%, в 2012 г. – 65%[356]. Однако более половины опрошенных (51%) отрицательно высказывались о возможности постоянного присутствия мигрантов.

В разрезе стран наибольшие опасения вызывает вероятность постоянного проживания мигрантов из КНР, государств Средней Азии и республик Кавказа (рис. 16).

Рис. 16. Ответы на вопрос, составляет ли угрозу для безопасности России увеличение числа граждан иностранных государств на Дальнем Востоке, 2012 г., %[357]

По результатам экспертного опроса, проведенного сотрудниками Института экономических исследований ДВО РАН в 2012 г., взаимоотношения местного населения с мигрантами разных национальностей характеризуются в целом как нейтральные. Однако около 25% респондентов

[355] Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Внешнее влияние и иностранное присутствие в Тихоокеанской России в восприятии ее жителей (по итогам опроса общественного мнения) // Россия и АТР. 2012. № 4 (78). С. 16–28.

[356] Там же. С. 20.

[357] Там же. С. 22.

отметили негативное отношение к китайцам[358].

В Амурской области результаты социологического исследования (общий массив опрошенных после выбраковки составил 7444 человека) по теме «Оценка населением эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Амурской области», проведенного в первом квартале 2014 г. министерством внутренней и информационной политики Амурской области, отражают удовлетворенность населения состоянием межнациональных отношений (74%), не испытывают неприязнь к мигрантам, проживающим на территории муниципального образования, 79% респондентов[359].

С целью выявления роли китайских мигрантов в социально-экономическом развитии Еврейской автономной области, в 2009 г. нами проведены экспертные интервью. Более подробно его результаты представлены в следующей главе. Основные выводы проведенного нами исследования сводились признанию экспертами значимости Китая (инвестиций, трудовых ресурсов) в развитии области. Существующие негативные оценки были связаны с нарушением законодательства в экономической и экологической сферах[360].

Степень недовольства на ДВ ниже, чем в центральных регионах России, что обусловлено меньшим числом мигрантов на территории дальневосточных субъектов. В значительной степени уровень враждебности по отношению к мигрантам зависит не только от их численности, но и функциональности: если мигранты занимают невостребованные ниши и создают положительный эффект для развития региона, то принимающее сообщество воспринимает их терпимо.

Таким образом, количественные исследования миграционных процессов на Дальнем Востоке отражают рост числа мигрантов. Межэтнические отношения в целом характеризуются низким уровнем напряженности. Негативные оценки взаимодействия с мигрантами возникают при возможности личного контакта с ними (проживание рядом). Относительно высокий уровень межэтнической напряженности в Хабаровском и Приморском краях объясняется более высокой концентрацией здесь мигрантов, что обусловлено более высоким уровнем их социально-экономического развития и возможностью мигрантам найти себе работу.

---

[358] Мотрич Е.Л. Мигранты на российском Дальнем Востоке и оценка их взаимоотношений с местным населением // ДВОПП: Дальневосточное отделение промышленников и предпринимателей. 2013. URL: http://www.dvop.ru/index.php/incomingmail/829-2013-02-20-05-43-48 (дата обращения: 20.12.2013).

[359] Отчет по результатам социологического исследования уровня удовлетворенности населения состоянием межнациональных отношений на территории Амурской области. 2014. 4 с.

[360] Мищук С.Н. Международная трудовая миграция в регионе: мнение власти // Современные проблемы регионального развития: мат-лы III Междунар. конф. Биробиджан, 2010. С. 187–188.

Несмотря на относительную благополучность межэтнического взаимодействия, при сохранении современных тенденций в миграционной сфере можно предположить усиление значимости этнического фактора в развитии Дальнего Востока России, что подтверждает необходимость проведения работ по включению мигрантов в различные сферы жизнедеятельности принимающего сообщества рассматриваемой территории.

3.2. ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЭТНИЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ (РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКИХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

3.2.1. Анализ предпосылок и условий развития этнического предпринимательства на Дальнем Востоке России

Активные миграционные процессы приводят к постепенной трансформации этнической структуры региона, изменению ситуации на рынке труда, возникновению новых социальных, политических направлений и т.д. В результате этничность будет определяться не «вещественными» маркерами, установленными как изнутри данной группы индивидов, так и извне, а общностью представлений о различных исторических, экономических, политических, культурологических и иных ценностей.

Несмотря на то что основная доля внешних и внутренних миграционных потоков ориентирована на европейскую часть России, дальневосточный регион также испытывает влияние миграции на его социально-экономическое развитие. В настоящее время представлены подробные исследования миграционных процессов в регионе[361, 362, 363, 364], в том числе оценка восприятия международных мигрантов населением Дальнего Востока[365, 366], роль международных трудовых мигрантов на рынке труда региона[367], формирование трансграничных предпринимательских практик на

[361] Друзяка А.В. Исторический опыт государственного регулирования внешней миграции на юге Дальнего Востока России (1858–2008 гг.). Благовещенск: Издательство БГПУ, 2010. 290 с.

[362] Мотрич Е.Л. Трансформация миграционных связей Дальнего Востока России со странами ближнего и дальнего зарубежья // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 74–95.

[363] Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: «Наука», 1990. 168 с.

[364] Сидоркина З.И. Иммиграция в демографическом развитии Дальнего Востока: препринт. Владивосток: Дальнаука, 2007. 36 с.

[365] Бляхер Л.Е. Государство и несистемные сети «желтороссии», или Заполнение «пустого пространства» // Полития. 2010. № 2 (57). С. 52–79.

[366] Дятлов В.И. Китайцы в Сибири и на Дальнем Востоке: хорошо это или плохо для России? // Азия и Африка сегодня. 2003. № 4.

[367] Шкуркин А.М. Иммиграционный потенциал труда Российского Дальнего Востока (китайцы на рынке труда Дальневосточного региона). Хабаровск: ДВГУПС, 2007. 167 с.

примере регионов юга Дальнего Востока России[368, 369]. Однако тема взаимосвязи международных миграционных потоков и развития этнического предпринимательства на Дальнем Востоке исследована недостаточно.

Особенностью этнического бизнеса в настоящее время на ДВ РФ являются достаточно большие размеры предприятий. Для китайцев характерно закрепление в ряде отраслей – строительство, производство, ресторанный бизнес, оптовая торговля.

Кроме того если для большинства экономически развитых стран этнические предприниматели ориентируются на потребности своей этнической общины и позже расширяют круг клиентов, включая и местных жителей, то на Дальнем Востоке России ситуация была противоположной.

Учитывая, что для Дальнего Востока России характерно наличие двух международных миграционных потоков (из стран дальнего зарубежья и стран ближнего зарубежья), то и характер развития этнического предпринимательства из этих двух групп стран имеет свои отличия.

Прежде чем переходить к анализу отраслевой и «территориальной» структуры этнического бизнеса на ДВ РФ, остановимся на теоретических аспектах.

Мы определили, что этническое предпринимательство – это набор связей и закономерностей взаимодействия людей, разделяющих общее национальное происхождение или опыт миграции. При этом в развитых странах происходит учет доли самозанятых мигрантов по отношению к доле самозанятых среди местного населения. Учесть этнических предпринимателей возможно при регистрации их как иностранных граждан. В случае если мигранты в достаточно короткий срок получают гражданство страны прибытия, что и происходит в рассматриваемом регионе (в результате реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом)[370], то данная категория «этнических предпринимателей» становится невидимой для статистики. Оценку их роли в принимающем сообществе в данных условиях можно проводить, лишь используя «неформализованные» методы исследования (опросы, наблюдения, и т.д.).

Таким образом, для Дальнего Востока характерно наличие двух групп этнических мигрантов – из стран дальнего зарубежья, которые в большин-

---

[368] Журавская Т.Н. «Китайский» торговый центр vs. «китайский» рынок: что изменилось со времени запрета на торговлю иностранцев на розничных рынках (на примере Амурской области) // Полития. 2012. № 4. С. 104–123.

[369] Рыжова Н.П. Феномен этнического предпринимательства: западная традиция и российское прочтение // Новые российские гуманитарные исследования. 2008. URL: http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php?aid=77 (дата обращения: 10.05.2013).

[370] Мищук С.Н., Аносова С.В. Миграционная ситуация как отражение социально-экономических процессов в Еврейской автономной области // Уровень жизни. 2013. № 1 (179). С. 47–54.

стве случаев не получают российского гражданства и могут быть статистически учтены при анализе. Вторая группа – предприниматели, прибывшие на Дальний Восток из стран СНГ и получившие гражданство РФ или ожидающие его получения.

В начале 1990-х гг. рынки стали притягательным центром для возрастающего потока иммигрантов из ближнего и дальнего зарубежья. Если вначале это было их рабочим местом, то позже они стали площадками реализации экономических амбиций. Концентрация мигрантов и их деловой активности на рынках сделала их в глазах окружающих «этническими» – «китайскими», «азербайджанскими», «кавказскими» или «среднеазиатскими». В тоже время рынки превратились в социальный организм, сгусток сетей социальных связей, инструмент самоорганизации и социального контроля[371].

Анализ роли этнических предпринимателей в динамике показателей экономического развития российских регионов осложняется тем, что непосредственно долю этнических предпринимателей и долю самозанятых среди иммигрантов (Ethnic Minority Self-Employment) официальная российская статистика не учитывает.

Рассмотрим более подробно особенности организации бизнеса на Дальнем Востоке России каждой из отмеченных групп.

1. Этнические предприниматели из КНР. Организовывая свое дело, китайцы в большинстве случаев ориентировались на оптово-розничную торговлю товарами народного потребления и продуктами питания (в первую очередь, фруктами и овощами), сельское хозяйство. Данные товары были в первую очередь ориентированы на местных жителей. Сложившаяся товарная структура обусловлена в значительной мере объективными условиями: начало этапа активного развития российско-китайских экономических отношений пришлось на период российских реформ, характеризовавшимся спадом экономического производства в стране (и особенно товаров обрабатывающей промышленности). В агропромышленном комплексе произошел развал сложившейся ранее структуры производства, заготовки и хранения, переработки сельскохозяйственной продукции. В связи с падением уровня и качества жизни сельское население массово мигрировало в городские населенные пункты. Произошла трансформация функций сельской местности. Например, в Еврейской автономной области (ЕАО) к концу XX века общее количество населенных пунктов уменьшилось до 113, при максимальном значении в 1940 г. – 354 населенных пункта[372].

---

[371] Дятлов В.И. Китайцы в Сибири и на Дальнем Востоке: хорошо это или плохо для России? // Азия и Африка сегодня. 2003. № 4.

[372] Гаева И.В., Комарова Т.М., Неверова Г.П., Фетисов Д.М. Геодемографическая обстановка на территории Еврейской автономной области: ретроспективный анализ и прогноз // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 6. С. 54–67.

Аналогичная ситуация отмечалась в большинстве других российских субъектов. Как результат произошло сокращение объемов собственного производства сельскохозяйственной продукции. Не менее острой была проблема реализации произведенной населением продукции. К сожалению, ранее существовавшая система сбора у населения сельскохозяйственной продукции, переработки и заготовки ее для продажи в зимний период (так называемая система заготконтор) в регионах в постсоветский период (с 1991 г.) прекратила свое существование.

В промышленности одно за другим закрывались (или значительно сокращали объемы производства) предприятия легкой и пищевой промышленности, машиностроения (табл. 16).

Таблица 16

Динамика объёма промышленного производства в РФ и ДВ, 1992–2012 гг. (1991 г. – 100%)[373]

Регион	1992 г.	1995 г.	1998 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.
Российская Федерация	84,0	54,2	48,2	57,0	74,8	83,8	90,0
Дальний Восток	85,1	50,2	43,4	50,8	61,5	98,9	110,7

В сложившейся ситуации появление на рынке китайских предпринимателей оказалась, можно сказать, спасением для жителей Дальнего Востока России.

Позже китайский бизнес стал расширять свое влияние на сферу общественного питания, строительство, производство. Несмотря на значительное влияние китайского бизнеса на экономику дальневосточных регионов, национальная структура населения данных субъектов не претерпела существенного воздействия со стороны китайцев. Это связано с преобладанием экономических интересов мигрантов, для которых основной задачей было получение рабочего места и повышение своего уровня жизни. Для Китая на тот момент времени возникла необходимость снижения напряжения на внутреннем рынке труда, а также расширение рынка сбыта своей (на тот момент дешевой) продукции продовольственного и промышленного значения. Так называемая демографическая экспансия не играла значимой роли, так как получение гражданства России для граждан КНР было (и остается) достаточно длительным процессом.

В то же время организация бизнеса китайцами имеет поддержку со стороны своих земляков (необязательно проживающих на территории России). Кроме того сравнение сложившейся системы кредитов для юридических лиц в России и КНР отражает безусловное преимущество китайцев в развитии своего бизнеса.

---

[373] Аносова С.В. Специализация промышленности Еврейской автономной области в период рыночных преобразований // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 319–324.

В результате на территории российских регионов встречаются практики создания совместных российско-китайских предприятий на основе кредитов, взятых китайскими партнерами в КНР. Безусловно, граждане Китая благополучно организуют самостоятельный бизнес в России, используя доступные кредиты. Таким образом, китайское предпринимательство имеет своего рода официальную финансовую поддержку со стороны Китая для развития в российских регионах.

Еще одним немаловажным элементом является так называемый институт подставных лиц, позволяющий обходить существующие ограничения для нерезидентов, уклоняться от уплаты налогов. Со временем данный механизм позволяет интегрироваться в принимающее сообщество через влиятельные круги[374]. Данные явления отражают процесс врастания, интеграции китайского бизнеса в социально-экономическую ткань российского общества. Сделки подобного рода осуществляются в больших масштабах и сопровождаются тесными деловыми контактами с представителями местной деловой и административной элиты[375].

Таким образом, для китайских предпринимателей характерен процесс частичной адаптации, проявляющийся в приспособлении к нормам и правилам принимающего социума, в первую очередь, в экономической сфере, в меньшей степени – в социокультурной.

2. Этнические предприниматели из стран СНГ. Условия анализа роли второй группы этнических предпринимателей – из стран СНГ и Балтии – требуют другого подхода, что связано с их миграционной стратегией. В отличие от китайцев, мигранты из бывших союзных республик приезжали с целью закрепления в российских регионах на основании разрешения на временное проживание или вида на жительство, в том числе и с дальнейшим получением гражданства. Как результат, с 1989 по 2010 гг. происходит изменение национальной структуры населения ДВ России в сторону увеличения доли отдельных этнических групп из бывших союзных республик.

За период с 1989 по 2002 гг. доля русских в населении Дальнего Востока увеличилась с 79,8% до 81,74%, что связано с более интенсивным оттоком украинцев, белорусов, доля которых уменьшилась с 7,8% до 4,2% и с 1,3% до 0,7%, соответственно.

По данным Всероссийской переписи 2002 г. и 2010 г. доля русского

---

[374] Дятлов В. Китайцы в Иркутске: некоторые характеристики ситуации 1998–1999 гг. // Перспективы Дальневосточного региона: китайский фактор: мат-лы Московского центра Карнеги. М., 1999. С. 86–89.

[375] Богаевская А.Н. Китайская миграция на Дальний Восток России. Владивостокский центр исследования организованной преступности. 2002. URL: http://www.crime.vl.ru/index.php?p=1345&more=1&tb=1&pb=1 (дата обращения: 08.04.2014).

населения в целом по ДВ снизилась с 81,74% до 78,88%[376].

За межпереписной период с 1989 по 2010 гг. отмечается уменьшение доли украинцев и белорусов, а также татар. Исключением является ЕАО, где доля данных народов за отмеченный период возросла (доля татар – на 0,5%, доля белорусов – на 0,41%).

Во всех регионах отмечается рост доли корейцев, узбеков, армян и китайцев. Единственное исключение – снижение доли узбеков в Амурской области на 0,05%. Проведенный анализ показал, что основной отток узбеков из данного региона отмечался за период с 1989 по 2002 гг. (-0,11%) при положительном приросте на 0,06% с 2002 по 2010 гг.

Обращает внимание рост доли китайского населения в регионах, при максимальном значении показателя в Хабаровском крае (0,25%) и Приморском крае (0,14%). В Хабаровском крае на протяжении двух межпереписных периодов увеличивалась доля китайцев на 0,23% и 0,02% соответственно в периоды 1989–2002 гг. и 2002–2010 гг.). В Приморском крае доля китайцев возросла в первый рассматриваемый период на 0,18% при снижении показателя с 2002 по 2010 гг. на 0,04%. Снижение доли китайцев в отдельные межпереписные периоды также отмечалось в Амурской области: если с 1989 по 2002 гг. их доля увеличилась на 0,1%, то к 2010 г. она сократилась на 0,03%, снизившись до 0,07% (табл. 17).

Таблица 17

Изменение структуры национального состава населения регионов ДВ России 1989 по 2010 гг., % (выборочно)

Регион ДВ	Русские	Украинцы	Татары	Белорусы	Корейцы	Узбеки	Армяне	Азербайджанцы	Китайцы
Приморский край	-1,24	-5,65	-0,36	-0,67	0,59	0,31	0,19	0,07	0,14
Хабаровский край	2,01	-4,22	-0,39	-0,77	0,14	0,04	0,11	-0,02	0,25
Амурская область	7,5	-4,74	-0,46	-1,21	0,17	-0,05	0,22	-0,24	0,07
Сахалинская область	0,64	-4,07	-0,53	-1,01	0,07	0,19	0,14	0,1	0,0
Камчатский край	-2,6	-5,54	-0,5	-0,98	0,02	0,07	0,03	0,15	0,0
ЕАО	8,23	-4,64	0,5	0,41	0,2	0,08	0,18	0,37	0,05
Республика Саха (Якутия)	-13,4	-4,93	-0,75	-0,64	0,01	0,28	0,29	0,05	0,07
Магаданская область	6,29	-8,62	-0,6	-1,19	0,12	0,33	0,16	0,36	0,15
ЧАО	-19,19	-11,12	-0,51	-1,08	0,0	0,16	0,21	0,21	0,0

Источник: Составлено автором по данным demoscop.ru.

[376] Мищук С.Н. Миграция и национальный состав населения на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI вв. // Известия ИГУ. Серия: Политология. Религиоведение. 2013. № 2.2. С. 210–221.

Общая структура национального состава населения регионов ДВ по данным 2010 г. представлена в таблице 18.

Таблица 18

Национальная структура населения субъектов ДФО по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., % (выборочно)[377, 378]

Национальность	Приморский край	Хабаровский край	Сахалинская область	Камчатский край	ЕАО	Амурская область	Республика Саха (Якутия)	Магаданская область	ЧАО
Русские	85,66	88,05	82,29	78,43	90,73	94,33	36,90	81,49	46,61
Украинцы	2,55	1,99	2,44	3,57	2,76	2,00	2,12	6,28	5,68
Корейцы	0,96	0,60	5,02	0,43	0,20	0,21	0,15	0,12	0,00
Татары	0,54	0,58	0,98	0,74	0,50	0,41	0,85	0,90	0,89
Узбеки	0,46	0,24	0,30	0,20	0,08	0,14	0,35	0,33	0,16
Белорусы	0,30	0,36	0,60	0,58	0,41	0,50	0,26	0,71	0,71
Армяне	0,30	0,22	0,25	0,23	0,18	0,48	0,39	0,16	0,21
Азербайджанцы	0,20	0,27	0,23	0,39	0,37	0,34	0,21	0,36	0,21
Киргизы	0,07	0,05	0,35	0,08	0,04	0,00	0,52	0,00	0,00
Китайцы	0,15	0,29	0,00	0,00	0,05	0,09	0,10	0,15	0,00

В случае с организацией бизнеса представителями СНГ можно говорить непосредственно об этническом предпринимательстве (этнических нишах), учитывая наличие этнических связей и их влияние на развитие экономических отношений. Наиболее интегрирована в местное сообщество на Дальнем Востоке армянская диаспора. Многие из армян, проживающие на ДВ, приехали сюда в 1990-е гг., в результате чего при смене паспортов они получили гражданство России на общих основаниях. Это дало им возможность на одинаковых условиях с местными жителями заниматься бизнесом, принимать участие политических процессах. В тоже время помощь «земляков-армян» создавала благоприятные условия для развития предпринимательства. В настоящее время армяне активно занимаются строительным бизнесом (они являются владельцами кампаний, нанимая на строительные работы представителей различных государств), имеют ювелирные мастерские.

---

[377] Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп Weekly: демографический еженедельник. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php (дата обращения: 20.06.2013).

[378] Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации // Демоскоп Weekly: демографический еженедельник. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php (дата обращения: 20.06.2013).

Ермак Г.Г.[379] отмечает, что существующая концентрация отдельных этнических групп в некоторых профессиях и секторах экономики Приморского края связана в большей степени с особенностями адаптации мигрантов в новой для них социально-экономической среде, а не с присущей им этнической специализацией. Значительная часть армян приехала в Приморский край до 1991 г., они не испытывали тех трудностей, которые были у мигрантов последующих этапов. Мигранты-армяне заняли свою нишу в сфере услуг, торговле, строительстве, ресторанном бизнесе (фактическая монополия кафе на трассе Владивосток – Хабаровск), здравоохранении.

Формирование азербайджанской этнической общины в данном регионе происходило в несколько этапов: до 1990-х гг. – за счет демобилизованных после прохождения воинской службы и приехавших на учебу азербайджанцев. Многие из них получили высшее образование и имели возможность продвигаться по службе. В 1995–1999 гг. в основном прибывали мужчины до 35 лет со средним или неполным средним образованием. Из-за отсутствия прописки они искали временную работу, которую чаще можно было получить в торговле или сфере услуг, используя земляческие связи или организовав свое дело. Далее, как правило, накопив необходимый стартовый капитал, освоив язык, иммигранты открывали свой бизнес. Сегодня предприниматели-азербайджанцы играют заметную роль в экономике края. Высок процент азербайджанских предпринимателей в оптово-розничной торговле (алкоголь, продукты питания, овощи и фрукты). В целом виды деятельности не являются новыми, а в большей степени соответствуют их специфике, имеющей большую историю.

Довольно широко распространена торговая деятельность среди таджиков, узбеков. Интересен тот факт, что эти предприниматели не всегда занимаются доставкой фруктов-овощей из регионов Центральной Азии, а зачастую покупают их на оптовых базах, куда продукцию привозят китайцы (соответственно, из Китая).

Мигранты из Средней Азии занимаются не только торговой деятельностью. Они занимают большую долю среди занятых в сфере ЖКХ, строительстве, производстве (хлебопекарни).

Обратим внимание, что в отличие от классического понимания этнического предпринимательства, широко распространенного за рубежом, при котором зачастую потребителями товаров или услуг данного бизнеса являются только члены этнической группы, результаты деятельности предпринимателей Средней Азии ориентированы на всех жителей, независимо от их этнической принадлежности.

Если оценивать характер помощи предпринимателям со стороны эт-

[379] Ермак Г.Г. Этническое предпринимательств в Приморье [Электронный ресурс]. 2010. URL: http://gerka88.ucoz.org/blog/ehtnicheskoe_ predprinimatelstvo_v_primore/2010-06-27-12 (дата обращения: 17.03.2013).

нических организаций, то можно отметить, что в преобладающем большинстве случаев диаспоры не оказывают финансовой помощи предпринимателям. Однако при необходимости этнические предприниматели могут обратиться за содействием к своим землякам. При этом финансовая поддержка не будет безвозмездной. В тоже время широко оказывается помощь своим соотечественникам при решении правовых и организационных вопросов. В регионах ДВ создаются региональные общественные этнические объединения. Например, Хабаровская краевая общественная организация по защите прав и свобод «Союз Узбекистана» создана специально для того, чтобы обеспечить гражданам Узбекистана комфортное пребывание в России в рамках правового поля РФ. Кроме того организация предоставляет информацию о режиме пребывания на территории РФ иностранных граждан, порядке их регистрации, а также получении вида на жительство.

Основной целью общественной организации узбеков и уроженцев Узбекистана «Адолат», зарегистрированной в Приморском крае 1.09.2011, является помощь в оформлении документов при регистрации, обеспечение юридической защиты прибывших граждан Узбекистана. В перспективе планируется создание адаптационного центра для граждан Узбекистана[380].

В Уставе Союза армян России (САР) отмечено, что данный Союз является «неправительственным общественным объединением граждан и юридических лиц – общественных объединений на основе общности интересов по сохранению национальной самобытности, развитию языка, образования и культуры армян, проживающих в Российской Федерации»[381].

Таким образом, этническое предпринимательство на ДВ России не является анклавным явлением, ориентированным лишь на «узкий круг» этнического меньшинства. Для Дальнего Востока характерно формирование двух видов этнического предпринимательства: созданного выходцами из стран дальнего зарубежья (в основном из Китая) и иммигрантами из стран СНГ. В первом случае отмечалась финансовая поддержка при организации бизнеса (в первую очередь со стороны имеющейся системы кредитования в КНР). В случае с иммигрантами из СНГ поддержка касалась социального капитала (трудовые этнические ресурсы), помощи в решении организационных вопросов.

Созданные этнические предприятия ориентируются на потребителей

---

[380] Приморская общественная организация узбеков «Адолат» открыла офис во Владивостоке // PrimaMedia.ru: новости. 2013. URL: http://primamedia.ru/news/economics/13.02.2012/191022/primorskaya-obschestvennaya-organizatsiya-uzbekov-quot-adolat-quot-otkrila-ofis-.html (дата обращения: 24.06.2013).

[381] Устав Общероссийской общественной организации «Союз армян России» // Хабаровское региональное отделение САР. URL: http://www.khabsar.ru/%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2/tabid/79/Default.aspx (дата обращения: 26.06.2013).

разных этнических групп. На наш взгляд, создание «закрытых этнических» товаров или услуг на ДВ осложняется узким рынком сбыта такой продукции. Несмотря на высокие темпы миграционного прироста из стран СНГ, иммигранты проживают достаточно разрозненно, что не дает возможности ориентироваться лишь на данный «этнический» спрос.

Миграция из стран СНГ носит характер не только трудовой, но и постоянной, что обусловливает особенности процесса интеграции данной категории мигрантов в принимающее сообщество. В отличие от мигрантов из Китая, граждане стран СНГ вынуждены быть более включенными не только в экономические, но и в социально-культурные связи с местным сообществом (например, в сфере образования, медицины, социальных услуг и других). Если у данной категории предпринимателей не встречаются практики использования института подставных лиц, то взаимодействие с административным ресурсом регионального и федерального уровня отмечается и считается необходимым для нормального функционирования своего бизнеса. Таким образом, для мигрантов из СНГ характерен также частичный уровень адаптации в принимающее сообщество, однако степень и масштаб этого взаимодействия шире, нежели у мигрантов из Китая.

3.2.2.Организация этнического предпринимательства на Дальнем Востоке России в XXI веке: результаты экспертного опроса

Среди иммигрантов уровень самозанятости в мировой практике выше, чем среди местного населения. Одна из возможных форм самозанятости мигрантов – предпринимательская деятельность. Исходя из данных таблицы, в наиболее привлекательных для мигрантов регионах ДФО уровень безработицы более низкий по сравнению с другими субъектами региона (табл. 19). Данный факт вполне объясним, так как наиболее привлекательны для мигрантов те регионы, которые характеризуются более высокими показателями социально-экономического развития, а также широкими возможностями на рынке труда.

В 2013 г. нами проведен экспертный опрос этнических предпринимателей, осуществляющих свою деятельность в южных субъектах ДВ России.

Цель исследования заключалась в выявлении роли этнического предпринимательства в процессе адаптации мигрантов в принимающих сообществах южных регионов Дальнего Востока России. Обозначенная цель включала ряд задач: анализ степени влияния этнических сетей и институциональных условий на развитие этнического предпринимательства, наличие конкуренции на рынке труда между местным населением и иммигрантами, взаимодействие иммигрантов и этнических сообществ, выявление необходимых условий для адаптации иммигрантов в принимающем сообществе.

Таблица 19

Динамика уровня общей безработицы по Российской Федерации и субъектам Дальневосточного федерального округа, %[382, 383]

Регион	1992	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012*
Российская Федерация	5,2	9,4	10,6	7,2	6,8	6,1	6,3	8,4	7,5	6,6	5,4
Дальневосточный федеральный округ	5,2	10,4	12,6	7,9	7,5	6,7	7,9	9,4	8,7	7,4	6,4
Республика Саха (Якутия)	3,3	7,3	11,2	8,9	9,5	7,6	9,0	8,7	8,8	8,8	8,0
Камчатский край	5,8	7,2	16,3	9,5	9,1	9,8	8,9	7,7	7,1	6,3	5,2
Приморский край	5,2	9,9	12,3	8,0	8,0	7,0	7,5	9,8	9,7	8,1	6,7
Хабаровский край	5,6	11,4	12,2	5,7	6,0	5,9	8,7	10,5	9,1	6,8	5,4
Амурская область	4,7	13,2	13,7	10,3	8,2	6,4	5,1	8,7	6,9	6,1	5,3
Магаданская область	6,3	9,8	11,0	7,0	5,4	5,7	7,3	6,6	5,7	4,5	3,3
Сахалинская область	7,1	11,5	13,2	7,6	4,6	4,7	8,1	10,0	9,3	8,2	7,7
Еврейская автономная область	6,4	16,2	15,0	7,9	9,8	9,7	10,1	8,5	9,4	8,8	9,4
Чукотский автономный округ	1,9	...	10,3	4,4	3,7	3,6	4,7	4,4	4,1	5,4	4,3

*Примечание: *2012 г. – по данным выборочных обследований населения по проблемам занятости, в среднем в октябре-декабре.*

В силу того что на процесс адаптации большое влияние оказывает история миграции каждого респондента (биография мигранта), в исследовании большое внимание уделялось анализу факторов, способствующих перемене места жительства и причины выбора респондентом определенного региона прибытия, его отношения к социальной, культурной среде

[382] Труд и занятость в Амурской области в 2011 году: стат. сб. Благовещенск: Амурстат, 2012. 134 с.
[383] Основные показатели социально-экономического положения регионов ДФО в 2012 году: Стат. бюллетень. Хабаровск: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, 2013. Ч. I. 58 с.

принимающего сообщества.

Исследование основывалось на серии проблемно ориентированных интервью с предпринимателями, являвшимися представителями различных этнических общин южных регионов ДФО. Опираясь на предложенную Воронковым В. и Освальд И. типологию мигрантов в зависимости от их удаленности от этнических общин[384], информантов отнесли к различным типам: «элита», формальные члены общин и не связанные с деятельностью общин. Этническая принадлежность определялась самими респондентами. Обращает внимание, что лишь несколько человек не сразу смогли определить свою этническую принадлежность, так как достаточно долгое время проживают в России.

В интервью затрагивались вопросы существования этнических сетей в регионах проживания респондентов, влияние этнических сетей на предпринимательскую деятельность. Место для разговора определялось респондентами, и чаще всего они предлагали свой офис. Исходя из того что содержание вопросов для интервью было лишь основным направлением для беседы, ее продолжительность и структура с каждым предпринимателем была оригинальной и отличалась от других. Выбор респондентов осуществлялся по принципу снежного кома, что являлось единственно возможным способом выхода на доверительную беседу.

Интервью проводились в рамках трех блоков вопросов: 1) личность респондента и история его миграции в регион; 2) экономические и правовые условия организации жизни и деятельности мигрантов; 3) социокультурное пространство и социальное самочувствие мигрантов.

Было проведено 21 интервью, общая продолжительность которых составила 15 часов 13 минут. Среди респондентов были азербайджанцы (5 человек), таджики (3 человека), армяне (4), китайцы (4), узбек (1), киргиз из Узбекистана (1), украинка из Латвии (1), румын из Украины (1), русский (1). Выбор респондентов осуществлялся на основе рекомендаций знакомых нам людей, имеющих в сфере своих контактов этнических предпринимателей (метод снежного кома).

В опросе участвовали мигранты первого (непосредственно иммигрировали в Россию) и второго поколения (родились в России, но хотя бы один из родителей иммигрировал в Россию).

Виды деятельности предпринимателей были различные (ввиду того что предприниматели иногда занимались несколькими направлениями, то их общее количество больше, чем общее число самих предпринимателей): строительство (11 человек), торговля (9), сфера услуг (6), производство продуктов питания (4), производство товаров промышленного назначения

[384] Воронков В., Освальд И. Введение. Постсоветские этничности // Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга / Под ред. В. Воронкова, И. Освальд. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 6–36.

(2). Восемь респондентов из 21 занимаются двумя и более видами деятельности.

Обращает внимание преобладание строительной сферы. Это в значительной мере связано с объективными процессами: подавляющее большинство предпринимателей отметило, что «сейчас все деньги у государства», то есть большинство фирм работает по договорам с бюджетными проектами. Другие виды деятельности (услуги, производство промышленных и продовольственных товаров) требуют личных финансовых вложений, часто на долгосрочный период, что не является привлекательным для предпринимателей.

Сразу отметим, что большинство респондентов на момент опроса являлись гражданами России, поэтому мы называем их мигрантами условно. Это используется лишь для того, чтобы подчеркнуть их связь со странами исхода и наличие опыта иммиграции.

Причины выбора Дальнего Востока, первоначальные условия предпринимательства.

Привлекательность регионов для мигрантов может быть обусловлена рядом факторов: природно-климатический, институциональные (взаимодействие с органами власти, поддержка со стороны властных структур), психологические (эмоциональные) и субъективные (личные).

По результатам интервью можно сказать, что причины приезда в рассматриваемые регионы носили личностный характер. Респонденты приезжали к родственникам. «Никто на воздух не едет» (таджик, 38 лет, Хабаровский край), ехали с целью поступить в вуз. Причинами отъезда из страны служила экономическая и политическая ситуация в стране исхода (война в Таджикистане, Азербайджане), ухудшение социально-экономической ситуации (в Армении, Киргизии, Узбекистане).

Если говорить об условиях создания и ведения бизнеса, то подчеркивается, что в настоящее время стало значительно сложнее: увеличилась конкуренция, снизилась прибыль (если раньше прибыль была 200%, то сейчас менее 20%). Многие сферы заняты, и сейчас мигранту открывать и развивать свой бизнес будет достаточно сложно. «Сейчас очень тяжело, потому что убытка. Раньше была проблема из-за милиции, документы. Почему так? Мы не понимали, что требуют. Каждый день проверка… А сейчас нет. Сейчас порядок. Но сейчас работа – это другое. Тяжело. Прибыли нет. Трудно» (китаянка, 39 лет, российское гражданство, Хабаровский край). «Пока был в Москве, торговал с братом. Он здесь жил. Я ему отправлял жвачку, шторы, зубную пасту, а он здесь продавал. На этом мы большие деньги заработали. Нам сейчас такое и не снилось: 2 руб. выручки на 1 руб. затрат, а сейчас – 5–6%» (азербайджанец, 38 лет, российское гражданство, ЕАО). Обозначенная ситуация не является спецификой этнического бизнеса, условия вхождения и закрепления на рынке изменились в

целом и касаются всех предпринимателей.

Современные условия организации предпринимательской деятельности респондентов в большей степени связаны с решением множества вопросов, основными из которых являются: условия получения квот на международных трудовых мигрантов, специфика трудовых мигрантов, прибывающих из стран СНГ, ухудшение трудового потенциала местных жителей.

Институциональные условия. Квоты.

В то же время, если оценивать институциональные условия функционирования и развития бизнеса, отмечается улучшение ситуации в сравнении с прошлыми годами. Сегодня большинство процедур четко прописаны в нормативно-правовых актах, чего не было 20 лет назад. «Раньше еще никто не понимал это. Я это учила в Китае. Как контракты делаем, как работаем, как деньги переводим. Здесь такое очень мало. Таможня сама не знала, как работать. Не знали, как пошлину платить – наличными страшно. Раньше никто не понимал, как работать. Но, потихоньку, нормально» (китаянка, 39 лет, российское гражданство, Хабаровский край).

Существующая система получения квот и разрешений, работа по патентам вызывает недовольство у респондентов. «Нет такого – кто хочет, тому дают квоту. Пошел, написал заявление – это раньше. Сейчас решается все через деньги» (армянин, 47 лет, Хабаровский край). «Проблемы? Миграционная служба. Везде так, наверное. Деньги зарабатывать на чужих горбах» (азербайджанец, 52 года, Амурская область).

«Очень многие становятся нелегалами. Это больная тема… Людям навязывают покупать патенты, так как не хватает квот. Работодателям нужны рабочие руки, квот нет. Но работу же делать надо?! И берут людей без документов. И потом страдает и компания и человек… Эти патенты продаются.

– То есть?

– Ну, оформление, услуги. У нас миграционная служба этим очень плохо занимается. Там есть служба, которая этим занимается, а при ней много посредников. Вот и получается, что всё это трудно. Стоимость патента 10,5 тыс. Это полуофициально. Сразу. А потом 1 тыс. рублей каждый месяц» (армянин, 41 год, Приморский край).

«Те квоты, которые существуют, их не хватает. Они служат предметом торга. Те, кто их распределяет, тот ими и торгует. Все как обычно. Вокруг ФМС расплодилось много фирм, которые за деньги могут организовать квоту» (русский, 40 лет, Приморский край).

При этом можно отметить, что у более крупных фирм, уже зарекомендовавших себя на местном рынке вопрос с получением решается проще. «Есть проблемы. Мы доказываем. У нас 5–6 компаний, мы подаем. У нас хорошие отношения с администрацией области. Нас знают как хорошую

компанию уже 10 лет. Да, здесь мы, но и то проблемы. Очень много друзей звонят: «Помогите!» А что помочь? А как мы поможем? У нас эта проблема решена авторитетом компании и личными отношениями с правительством. Как бы работаем» (армянин, 32 года, Амурская область). «Для нас квоты выделяют. Мы уже давно на рынке, налоги платим. 15 лет. Стабильная крупная фирма, и нам квота дают» (китаянка, 43 года, Амурская область).

С другой стороны, вопросы легального оформления мигрантов не особо волнуют небольшие фирмы. Предприниматели или заключают контракт с частным лицом, которое в свою очередь нанимает трудовых мигрантов и выполняет работу, или просто используют труд мигрантов, не оформленных у них.

«В ФМС свои законы. Подстраиваемся. Чтоб закон не нарушать, а всё остальное сами решаем. Мы просто договариваемся: «Вот вам в месяц сотку…». И всё. Нормально так. И меньше налогов платишь. Ну как бы миграционная служба не лезет туда.

– А они (ФМС) об этом знают?

– Да мне без разницы (смеется). Пусть знают» (армянин, 37 лет, Амурская область).

«Я же рассуждаю тупо, как предприниматель. Мне нужен дешевый рабочий труд, с минимальными временными и организационными и прочими затратами. Именно так я и поступаю. Я никогда не вдавался в тонкости официального оформления трудовых мигрантов.

– А проблемы с ФМС?

– Ну мы же в России живем, не в США. Здесь это решается» (русский, 40 лет, Приморский край).

В целом, ситуация с выполнением миграционного законодательства в части оформления трудовых мигрантов оценивается как проблематичная и требующая постоянных дополнительных временных, финансовых и организационных затрат. При этом совершенно не имеет значения национальная принадлежность предпринимателя. Любопытно, что амнистия нелегалов, то есть оформление их согласно миграционному законодательству и возможность их нанимать официально, не представляют интереса для предпринимателей, которые используют труд нелегалов. Данная тактика объясняется финансовыми интересами. «Я как предприниматель что с этого получу? Я-то их не оформляю на работу не потому, что у них нет документов, а просто потому, что количество проблем, с этим связанных, возрастет: отчеты, постоянные проверки, какие-то ежемесячные выплаты. То есть головная боль с организацией труда мигрантов не стоит тех плюсов, которые я получаю взамен, потому что уровень зарплаты ориентировочно такой же, как у резидентов» (русский, 40 лет, Приморский край).

Крайне важным является человеческий фактор. Не всегда проблемы с

получением гражданства связаны с объективными факторами. Представители органов исполнительной власти (в первую очередь, ФМС) могут создавать трудности для мигрантов. При этом возникающие проблемы решаются личными связями с начальниками более высокого ранга. Мы не беремся оценивать, кто здесь прав – исполнитель на местах, который не принимает необходимые документы из-за определенных неточностей или других проблем объективного или субъективного характера, или люди более высокого уровня, которые положительно решают эти проблемы, возможно, нарушая определенные нормативные положения.

«Она мне сказала: «Я тебе гражданство не дам!». Спасибо хорошим людям сверху. Пошла на прием, и мне сказали: «Не переживай!» Завтра к 9:00 она меня встречает, клянусь, и у меня даже печать и прописка была поставлена. Никто не поверил» (азербайджанка, 45 лет, ЕАО).

«Мы когда сами гражданство получали, нам очень трудно было. Мы просили через М., чтобы нам помогали и потом дали нам гражданство. А сейчас, благодаря Л., отношение стало другим. По-человечески. Не только с нами. Всех наций» (таджик, 50 лет, ЕАО).

Подбор кадров.

Подбор кадров в настоящее время для большинства предпринимателей является одной из острых проблем. Работодатели готовы брать местное население, однако отсутствие культуры труда, *несоблюдение трудового распорядка* местным населением вынуждает приглашать мигрантов. Подчеркнем, что здесь речь идет о рабочих, а не специалистах средней и высшей квалификации. В настоящее время предпринимателям совершенно невыгодно привозить неквалифицированных мигрантов («Неси, подай, пошел на фиг, не мешай» – армянин, 41 год, Хабаровский край). Если их официально оформлять на работу, то они обходятся фирме очень дорого. В этом случае работодатель старается найти рабочих из местных. «Нам трудно найти рабочих. Для китайцев зарплата маленькая, если не на 100% выше, чем в Китае – не поедут. Мы даем 20 тыс., например, еще налоговая, питание, общежитие, за билет, разрешение, квоту еще. Дорого. Мы приглашаем, люди хорошие. Официантка мы не приглашаем. Вот повар хороший – да… Рабочие плохой не нужны. Хорошие не хотят. Русских нет. Мы заявку давали в центр занятости. Нету. У нас постоянно объявление про рабочие. И интернет. Везде» (китаянка, 39 лет, российское гражданство, Хабаровский край).

«Есть мнение, что мигранты отбирают работу у местных. Ну это как бы лукавят. Потому что наши не хотят работать. А мигранты приезжают и работают. Они голодные. Они не гуляют» (армянин, 32 года, Амурская область).

«Очень проблематично с русскими. Особенно низкое звено. Рабочий состав – это вообще тяжело. По барабану всё. Хочет – напьется, хочет –

выйдет на работу. Если бы не было таких проблем у местных, мне было бы намного легче и дешевле работать с местными» (армянин, 41 год, Приморский край).

В «защиту» местного населения нужно сказать, что не все предприниматели негативно высказывались об их качестве работы. Есть примеры, когда берут только русских. «У нас работают русские. У нас зарплата выше средней, хорошая зарплата, и они работают. Можно, конечно, найти рабочих в два, три раза дешевле… Но мне надо, чтобы я объяснил грузчику, куда что положить, и он это сделал правильно… Но на стройке у нас работали узбеки, таджики. У них там был бригадир, и он ими руководил…» (кореец, 33 года, Приморский край).

В то же время достаточно острой остается проблема незнания мигрантами языка. Это не приводит к каким-либо сложностям в работе, так как у каждой группы рабочих есть бригадиры, которые непосредственно общаются с работодателем и решают все возникающие вопросы. Данная ситуация характерная для китайцев, вьетнамцев, а также мигрантов из Средней Азии. Исключение – это мигранты, работающие в регионе 5 и более лет: они уже могут говорить по-русски на минимальном бытовом уровне. Незнание языка, а также культуры принимающего сообщества может приводить к недопониманию и возникновению конфликтных ситуаций. У наших предпринимателей, к счастью, не случались конфликтные ситуации, но определенные трудности возникают.

«Я поставил задачу, чтобы у меня хотя бы прорабы и мастера старшие были местные. А то приходишь на объект – одни азиаты. У меня мастер был, а у него бригада одних азиатов попалась. Он в обед всех мастеров доставал: «Поговорите со мной, а то я с ума сойду!»» (армянин, 32 года, Амурская область).

Знание языка рассматривается как необходимость для получения хорошей работы, в том числе и открытия своего бизнеса. «Надо знать язык. Если не знаешь, получится, как по найму. Сказали: «Туда. Сюда». А зная язык, можешь сам думать» (китаец, 37 лет, ЕАО). «Я приезжаю в Таджикистан, говорю своим: «Учите русский язык. Вы на таджикском с кем сможете разговаривать? Едете в Россию – учите русский!»» (таджик, 45 лет, ЕАО).

Предприниматели подчеркивают изменение в поведении мигрантов, а также смену приоритетов в выборе видов деятельности. Это касается как китайцев, так и мигрантов из Средней Азии. Однако если в отношении китайских мигрантов прослеживается проблема их привлечения в российские регионы, что обусловлено повышением уровня жизни и, соответственно, возросшими потребностями по заработной плате в России. Ситуация с представителями Средней Азии иная: наряду с потребностью повышать им заработную плату, изменяется отношение к работодателю,

происходит выбор более привлекательных и менее трудоемких видов деятельности.

«Раньше сюда ехать – можно зарабатывать. А теперь… Ну можно. Накопить, на полгода ехать, потому что здесь всё равно меньше тратится. Я знаю эта цифра. Они меньше чем за 40 тыс. сюда не едут, потому что там могут столько заработать» (китаец, 37 лет, ЕАО).

«Есть и мигранты, которые приехали, а через день его выгнать можно. Таких много. С гражданами Узбекистана часто проблемы» (армянин, 38 лет, Приморский край).

«Те, что у меня были пять лет назад, и сейчас – большая разница. Они гораздо более уверенные, они знают свои права.

– Даже нелегальные так себя ведут?

– Конечно. А что им стоит «накатать на меня телегу» с указанием имен, дат, должностей и подписаться? Всё они знают. Они очень остро реагируют на обиды в связи с невыплатой зарплат. Если три года назад можно было найти человека, который будет работать за 10–13 тыс. рублей, то теперь никто об этом и разговаривать не хочет. Они сейчас если чем-то недовольны, идут ко мне, руководителю! Это когда было?! Не открывают дверь ногой, конечно. Но не боятся прийти и сказать» (русский, 40 лет, Приморский край).

«Они сейчас работать как раньше не хотят. Они покупают машину и работают таксистами. Выйдите в час-два ночи, сходите в какое-нибудь питейное заведение и потом выйдите на улицу.

– И что?

– И будут стоять такси с узбеками» (кореец, 32 года. Приморский край).

Перспективы.

Применение труда мигрантов и трансформация их поведения в настоящее время уже выливается во вполне реальные проблемы: в связи с использованием специалистов из-за рубежа произошла деградация кадров среди местного населения. Инженерные, технические специальности не считаются привлекательными для молодежи, при том что поколение специалистов, трудившихся до 1990-х гг., уже почти выработало свой ресурс. В результате местное население (в большей массе) не готово, не может работать в качестве узких специалистов технических специальностей.

«Сейчас в области 2–3 бригады каменщиков, которые как кочевники. Но китайцы искусственно убили профессию каменщиков. Сейчас нет специалистов. В строительной компании, в любой отрасли они других выжили. Убили полностью строительную группу – нет сварщиков, каменщиков. У нас одни экономисты и юристы» (армянин, 32 года, Амурская область).

Кроме того их количество постоянно увеличивается, что приводит к напряжению и недовольству в обществе. В настоящее время, принятая Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселе-

нию в Российскую Федерацию соотечественников значительно упростила возможность переезда в регион и получения гражданства. Количество мигрантов из Средней Азии увеличивается. Происходит формирование этнических групп, которые могут заниматься и преступной деятельностью.

«Они закрепляются как любые этнические группы, там появляются какие-то лидеры, общности, организованные преступности. То есть они набирают силу и вес. Серьезно. Они сейчас совсем другие» (русский, 40 лет, Приморский край).

Предприниматели видят решение данной проблемы в обучении мигрантов языку и основам знаний культуры, истории России. «Их надо научить. Хотя бы правильному разговору, и чтобы они не говорили : «У нас в Армении, или Грузии, или в Таджикистане…» Нет. Он должен уважать местную культуру. И плюс нести свое. Покажи, что ты достойный, можешь сказать что-то! Чтобы они смотрели сначала себе в огород, а потом в чужой» (армянин, 32 года, Амурская область).

Возникновение обозначенных проблем во многом связано с позицией региональных или местных органов власти. События в октябре 2013 г. в Бирюлеве и принятые решения администрации г. Москвы подтверждают это: проблемы мигрантов не всегда только федерального уровня. Очень многое решает человеческий фактор, умение работать на местах.

«Я вам больше скажу. В Находке нет мигрантов в ЖКХ, транспортной сфере – там работают русские. И чистый город. Есть, конечно, кавказцы… Я хочу сказать, что ситуация с мигрантами зависит от администрации» (кореец, 32 года, Приморский край).

Несмотря на обозначенные проблемы мигранты-предприниматели оценивают ситуацию в обществе положительно. Отмечают спокойное отношение местного населения к «людям других национальностей», возможность здесь жить, «спокойно ходить по улицам». При этом определенное беспокойство всё же отмечается в беседе с предпринимателями Хабаровского и Приморского краев, что, на наш взгляд, обусловлено большей численностью трудовых мигрантов в регионе. ЕАО, в связи с небольшим внутренним рынком, не является привлекательным регионом как для предпринимателей, так и для наемных мигрантов с экономической точки зрения. В то же время эмоционально именно ЕАО вызывает позитивную оценку у предпринимателей-мигрантов из-за отношения местного населения к приезжим, к трудовым мигрантам. В Амурской области сложилось мнение, что весь бизнес укрупнили и отдали китайцам и это, в свою очередь, не дает возможности развиваться предпринимателям среднего звена. Многие предприниматели Амурской области работают совместно с китайскими партнерами, что финансово более выгодно, чем ведение собственного бизнеса.

Взаимодействие с диаспорами.

В результате исследования мы пришли к выводу, что диаспоры и этнические предприниматели в большинстве случаев существуют независимо друг от друга. Возможно некоторое соучастие предпринимателей в решении финансовых, организационных вопросов, однако в целом респонденты придерживались позиции, что диаспора не может (и не должна) помогать предпринимателям в решении их проблем.

Чаще всего основа этнической общности была образована вокруг церкви (армяне в Приморском крае, разные этнические группы в ЕАО), что отражает специфику данных этнических групп и направление их деятельности: оказание помощи вновь прибывшим членам общины, решение вопросов с жильем и работой, поддержка в сложных жизненных ситуациях и т. п.). Помощь чаще всего бывает не финансовой, а организационной, что является крайне важным для иммигрантов, прибывших в новое место.

В ходе исследования нами рассмотрена степень участия представителей этнических групп в деятельности диаспор на юге Дальнего Востока России.

Уточним, под диаспорой мы понимаем сообщество людей, имеющих одинаковую этническую идентичность и обладающих опытом миграции за пределы своей родины.

В первую очередь отметим, что диаспоры как формализованные сообщества людей, прибывших из других стран, в той или иной форме существуют во всех рассматриваемых нами регионах Дальнего Востока и у всех этнических групп. В то же время степень взаимодействия и зависимости этнических предпринимателей от диаспор различна.

Наиболее распространенная диаспора во всех рассматриваемых регионах – *армянская*. В диаспорах есть лидеры, кроме того отмечается их взаимодействие между регионами. В тоже время не все армяне-предприниматели взаимодействуют с диаспорой. Это связано с желанием самореализоваться независимо от национальной принадлежности, быть как все. «Я лично не общался. Я не преклоняюсь, что я армянин и у меня что-то должно быть лучше» (армянин, 37 лет, Амурская область). «Диаспора больше мешает. Лучше бывает промолчать, что ты из диаспоры, а они наоборот начинают кричать… А бывает, когда обращение идет как от диаспоры, я говорю: «Не надо! Я сам!»» (армянин, 32 года, Амурская область).

В Приморском крае армяне взаимодействуют через церковь. «В основном все обращаются в церковь. У нас отец Ашот или сам помогает, или просит кого-то. Мероприятия все: праздники, траурные мероприятия – всё через церковь. Культура, язык, религия всегда были около церкви» (армянин, 38 лет, Приморский край).

В Хабаровском крае также происходит взаимодействие армян. «С земляками хочешь не хочешь – надо общаться, так как были вопросы, которые

сам не решишь. Сколько у тебя круг общения, столько ты имеешь информации… Есть специальная организация – учат русскому языку, но в бизнесе они не помогают» (армянин, 47 лет, Хабаровский край).

Азербайджанская диаспора также существует в регионах. Однако респондентами указывается на значительное сокращение прибывающих на Дальний Восток азербайджанцев в последние годы, что связано улучшением ситуации в Азербайджане, а также возможностью уехать трудовым мигрантам в Турцию. «Если азербайджанцу надо поработать, то он поедет в Турцию или в Европу» (азербайджанец, 50 лет, Приморский край). «В последний раз мой родственник приехал лет 20 назад. Больше никто не едет. Здесь трудно, хотя мы уже освоились» (азербайджанец, 52 года, Амурская область).

«Я здесь не буду жить. Мне тут не нравится. Как приехала к мужу, с тех пор и хочу отсюда уехать» (азербайджанка, 41 год, Амурская область).

В целом можно отметить, что с азербайджанским землячеством этнические предприниматели взаимодействуют нечасто. В большей степени к ним обращаются для финансовой поддержки тех или иных мероприятий. «Диаспора… от нее и холодно ни жарко. Чтобы надо мной кто-то стоял. У меня один закон. Закон не нарушаю, а зачем диаспора нужна?» (азербайджанец, 52 года, Амурская область).

«Диаспора есть, но я ей не помогаю и они не обращаются» (азербайджанец, 25 лет, Амурская область).

Отметим, что несмотря на существующие мнения есть намерения официального оформления общины в отдельных регионах, что дает возможность предположить, что данная диаспора будет стремиться поддерживать этнические связи.

Диаспора корейцев активно действует в Уссурийске, Артёме. Во Владивостоке этнические связи слабее. Интересно, что тесные этнические связи характерны для корейцев старших поколений. Для более молодых эти отношения уже не имеют большого значения. «Мы уже более обрусевшие. Если молодой кореец какой-то подойдет, обратится за помощью – я не помогу. Это там – бабушки в Уссурийске, там – да. Могут попросить – там чей-то брат, родственник, чтобы взять его на работу» (кореец, 32 года, Приморский край).

Внутренние связи *китайцев* довольно сильны и активно развиваются. Предприниматели-китайцы в большей степени подчеркивают, что этнические связи имеют значение при решении вопросов, не касающихся бизнеса. В бизнесе играют роль другие факторы.

«Совет дадим. А как там люди, которые не могут уехать домой с таможни, то найдем место жить, покушать. По-человечески. Это просто. Тем более мы там, на таможне, тоже строим. А если бизнес – это каждому по уму» (китаянка, 43 года, Амурская область).

Однако при необходимости, китайское землячество поддерживает и в финансовых вопросах.

«А насчет связей… Предположим, я скажу китайцу, что мне за товар надо 2 млн. рублей. Он через два дня принесет мне в сумке эти 2 млн. Он соберет со всех китайцев, запишет, кому сколько должен, чтобы потом в Китае отдать…» (кореец, 32 года, Приморский край).

Высказывается мнение о формировании мест компактного проживания китайцев во Владивостоке.

«– А какова ситуация с китайцами? У них играют роль этнические связи?

– Конечно. У них вон Чайна-таун.

– Чайна-таун?

– Есть большой центр «Китай-город», туда приходят все товары после растоможки из Суйфэньхэ, это торговый центр, там где-то они и живут. Они живут анклавно» (кореец, 32 года, Приморский край).

Достаточно тесные этнические связи у таджиков. Так же, как и в других диаспорах, есть глава, который помогает решать в большинстве случаев бытовые вопросы: подготовка документов для оформления вновь прибывших, организация различных мероприятий.

«Лично я хотел это для того, чтобы людей собрать всех поближе. Там бывают разные: и наркоманы, и которые пьют, как ни один русский. Есть люди, которые хорошо могут работать, а их кидают. Прошли те времена, когда надо идти воевать. С оружием бить. Это создано, чтобы любой человек, который пришел, их регистрировать. Для органов очень хорошо. Знают где кто. И еще. Мне неприятно, что я таджик, и говорят, что таджики героин продают. Это обидно, потому что я 16 лет вкалывал, а какой-то урод везет… Есть поговорка «В семье не без урода». У меня 5 детей. Я не хочу, чтобы они (граждане России!), и какой-то ублюдок приехал и вмешивал их в эти дела» (таджик, 37 лет, Хабаровский край).

Этнические связи в ЕАО, в силу небольшой территории, завязаны на родственных отношениях значительно больше, чем в других регионах («Да у вас же там, в ЕАО, все друг другу родственники. Не сын, так брат. Или племянник» (таджик, 37 лет, Хабаровский край).

По результатам интервью не прослеживается явная взаимосвязь времени проживания в регионе и степени вовлеченности в этническую общину. Для Дальнего Востока характерна небольшая доля мигрантов, игнорирующих этническую общность, с которой они себя соотносят. В большинстве случаев это относится к мигрантам, прибывшим недавно и относительно быстро организовавших свое дело без обращений к возможным этническим ресурсам. Более многочисленной является группа предпринимателей, которые соотносят себя с этнической общностью, но не принимают активного участия в ее деятельности. По необходимости они могут ока-

зывать помощь (в виде финансовых пожертвований, предоставления рабочего места вновь прибывшим мигрантам и т. п.). Однако в большинстве случаев данная категория предпринимателей организует свой бизнес без использования «этнического фактора». Небольшая доля респондентов принимает активное участие в жизни диаспоры. Чаще всего более старшее поколение поддерживает более тесные связи, контакты с членами своей общины, взаимодействуют в органами власти на предмет решения отдельных вопросов, важных для членов их этнической организации. Обращает внимание тот факт, что незначительное число респондентов поддержали идеи об их более активном участии в жизни диаспоры, что объяснялось большой занятостью при ведении своей предпринимательской деятельности.

Мигранты, в большинстве случаев, идентифицируют себя с местом проживания, следуют правилам поведения и культурным нормам, характерным для места пребывания, в той степени, которая необходима не только для осуществления предпринимательской деятельности, но и взаимодействия с окружающим социумом.

Если говорить о статусе предпринимателей-мигрантов, то они в целом имеют то же положение в обществе, что и предприниматели из «местных». Статус мигранта определяется не столько его предпринимательской деятельностью, сколько теми связями и положением, которое он занимает в обществе. Они стремятся поддерживать отношения с органами власти, что позволяет решать ряд вопросов по приобретению гражданства, оформлению необходимых документов и т. п. Кроме того такое положение дает возможность лоббировать свои интересы.

Большинство предпринимателей рассматривают себя своими на территории Дальнего Востока России, называют ее Родиной, а место своего рождения – исторической Родиной. В целом нельзя сказать, что респонденты культивируют и всячески подчеркивают свою этническую принадлежность. В бизнесе данный фактор не оказывает решающего значения, поэтому здесь все играют по одинаковым правилам. («Ну, партнер и партнер. Это неправильно, что ты – русский, а я – китаец» (китаец, 37 лет, ЕАО). В то же время у них сохраняется ощущение чужака. Растворения в российском обществе не происходит. Молодое поколение более спокойно реагирует на этнические связи и их значение. В том числе более толерантно относится к особенностям взаимодействия отдельных национальностей (армяне и таджики). «Мне все равно кто. Я вон хожу в армянский ресторан с друзьями. Хороший ресторан. Мне отец говорит: «Чтоб тебя там не было!» Это у них какой-то конфликт, а у меня друзья разные» (азербайджанец, 25 лет, Амурская область).

В настоящее время большое значение приобретает деятельность неправительственных организаций мигрантов (НПО), дополняющая функ-

ции государственных структур, регулирующих миграционные процессы. НПО взаимодействуют непосредственно с мигрантами, что позволяет обозначить наиболее актуальные вопросы, оперативно их решать, и в целом благодаря этому процесс перемещения и организации мигрантов в стране приема осуществляются на цивилизованном уровне[385].

В рамках содействия адаптации и интеграции мигрантов, формирования конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом в Амурской области в 2012 г. зарегистрировано 9 общественных объединений, представляющих национальные сообщества из стран СНГ, с пятью из которых налажено тесное взаимодействие. Таджикская, корейская и китайская общины действуют без регистрации. Таджикская диаспора имеет своего председателя, который регулярно принимает участие во всех мероприятиях, проводимых УФМС[386].

В Приморском крае действует Совет Ассамблеи народов Приморья, который проводит совместные заседания с действующей рабочей группой по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений. В ходе данных заседаний проходит обсуждение проблем и перспектив в сфере межнациональных отношений в крае, выработка новых подходов и форм эффективного взаимодействия органов власти, общественных институтов, вузовского и экспертного сообществ[387].

В Хабаровском крае в целях содействия адаптации и интеграции мигрантов, формирования конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом Управление федеральной миграционной службы сотрудничает с 7 национальными объединениями (из них 6 – действующие в качестве юридических лиц, 1 – землячество)[388].

В Еврейской автономной области действует одна зарегистрированная мусульманская организация «Махалля «Ахли Тарикат»», объединяющая более 500 человек. Руководитель (имам) данной организации С.Х. Расулов с марта 2012 г. является членом Общественно-консультативного совета при ОФМС России по Еврейской автономной области, принимает участие в его работе, доведении и обсуждении изменений в миграционном законо-

---

[385] Метелев И.С. Миграция, цивилизация, адаптация (концептуальная связь понятий). Омск: ИП Скорнякова Е.В., 2012. 164 с.

[386] Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Управления федеральной миграционной службы по Амурской области на 2012 год и плановый период 2013–2015 годов. Благовещенск: УФМС России по Амурской области, 2013. 114 с.

[387] Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Управления федеральной миграционной службы по Приморскому краю на 2013 год и плановый период 2014 и 2015 годов. Владивосток: УФМС России Приморскому краю, 2013. 82 с.

[388] Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Управления федеральной миграционной службы по Хабаровскому краю на 2012 год и плановый период 2013–2015 годы. Хабаровск: УФМС России Хабаровскому краю, 2013. 94 с.

дательстве Российской Федерации[389]. Кроме мусульманской организации в области действуют незарегистрированные общества азербайджанцев, армян, корейцев.

Таким образом, стратегии мигрантов в отношении бизнес-практик первоначально строятся на родственных связях. Впоследствии мигранты выбирают более жизнеспособный и прибыльный вид деятельности, при этом нет каких-либо ограничений в выборе вида бизнеса. Закрепления отдельных видов деятельности за определенными этническими группами нет. Большинство мигрантов за время своей предпринимательской деятельности (в среднем это 10–15 лет) меняли виды бизнеса. Это могла быть торговля (рыбой), а потом строительство. Причина смены вида бизнеса – его нерентабельность. «В мире нет ничего постоянного. В 1990-е годы быстро все менялось. Было выгодно рыбой торговать, возить ее из Владивостока. Потом транспортные выросли, и всё» (армянин, 38 лет, Приморский край).

Одним из следствий длительного привлечения трудовых мигрантов в дальневосточные регионы является нехватка местных специалистов технических специальностей (электриков, каменщиков). Происходит профессиональная деградация населения российских территорий. В краткосрочной перспективе применение труда мигрантов оказывает положительное воздействие на развитие экономики того или иного российского региона, однако это далеко не аналог интенсивного развития экономики региона. Не развивается социальная сфера – технические специальности перестали быть престижными, образовательные технические учреждения всё меньше выпускают специалистов данного профиля. Постепенно местное население выбирает иждивенческую модель поведения: лучше ничего не делать, чем идти на низкую заработную плату. Таким образом происходит адаптация как предпринимателей к условиям развития бизнеса, так и части местного населения к участию мигрантов в экономических отношениях.

Для предпринимателей не имеет значения их этническая принадлежность. Данная категория играет роль на первом этапе вхождения в новое принимающее сообщество, где необходима поддержка родственников при поиске места проживания, места работы, оформления необходимых документов. По прошествии некоторого времени мигранты начинают решать свои проблемы самостоятельно и обращаются к землякам уже не за помощью, а с целью пообщаться со своими, отметить национальные праздники. Здесь подчеркнем, что все предприниматели-мигранты празднуют и российские праздники. «Мы в России работаем. Мы всегда вместе (люди из фирмы – автор). Мы же друзья. Если вы хотите создать свое место, то уважайте традиции, культуру. Если ты им дал уважением, то и у вас работа

[389] Доклад о результатах и основных направлениях деятельности ОФМС России по Еврейской автономной области на 2013 год и плановый период 2014–2015 годы. Биробиджан: ОФМС России по Еврейской автономной области, 2013. 81 с.

будет. Если вы по-китайски хотите жить, то и живите в Китае» (китаянка, 43 года, Амурская область). То есть происходит интеграция данных предпринимателей в экономическую, социальную, культурную сферы принимающего социума.

Процессы интеграции будут затрагивать не только сферу бизнеса, но и административные ресурсы. В настоящее время официальная статистика использует данные по мигрантам из зарубежных стран, однако никто не учитывает тех, кто уже получил гражданство. Именно данная категория мигрантов будет составлять основную конкуренцию местному населению: вчерашние мигранты в своей массе готовы более качественно работать. Если вначале это может касаться низших звеньев экономики, то позже данная практика вполне может распространиться и на более квалифицированные рабочие места. Усугубляет ситуацию сохраняющийся отток населения из дальневосточных регионов. Образовательный уровень и квалификация населения Дальнего Востока из года в год снижаются, так как высококвалифицированные специалисты уезжают в другие регионы России или за рубеж.

Возможность привлекать специалистов технического профиля из других стран создает иллюзию, что экономика региона развивается, ситуация стабильна. Однако практика привлечения трудовых мигрантов приводит к исчезновению квалифицированных специалистов по отдельным специальностям среди местного населения, возникает полная зависимость российских регионов от трудовых иммигрантов.

Если в 1990-е гг. на Дальнем Востоке активно и горячо обсуждалась проблема «желтой опасности» со стороны Китая, то сегодня говорят об оттоке населения из российских регионов. В будущем возможно возникновение вопросов в сфере взаимодействия мигрантов с местным населением, конкуренции за места в детских садах, школах и т. д.

Этническое предпринимательство позволяет мигрантам более активно сотрудничать с представителями принимающего сообщества. Активные контакты в рамках решения экономических вопросов расширяют круг общения предпринимателя, вызывают необходимость следовать правилам поведения и культурным нормам, характерным для нового места проживания. Кроме того неограниченный этническими признаками рынок сбыта производимой продукции (или оказываемых услуг) позволяет активизировать адаптационные процессы не только со стороны самого предпринимателя, но и представителей местного сообщества, для которых со временем наличие данного товара становится нормой. Взаимодействие мигрантов и принимающего социума в экономической сфере не вызывает противоречий и конфликтных ситуаций у обеих сторон, однако дальнейшее (социально-экономическое) включение «чужих» является более длительным процессом. В значительной степени скорость и степень адаптации мигран-

тов зависит от их заинтересованности. Для этнических предпринимателей в большинстве случаев соответствует «активный» тип адаптации, в противоположность которым – «пассивная» адаптация у женщин-мигрантов.

3.3. ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)

3.3.1. Периодизация миграционных процессов в Еврейской автономной области

Вопросы освоения и развития территории Еврейской автономной области (ЕАО), динамика ее социально-экономического и культурного развития широко освещаются в работах многих авторов, однако комплексная оценка миграционных процессов на территории области, включающая все виды миграции, подробно рассмотрена лишь в рамках современного периода (с 1991 г. по настоящее время). Развитие производительных сил и, как следствие, экономики ЕАО на протяжение всего периода ее освоения сдерживалось нехваткой рабочей силы. Одним из возможных способов решения данной проблемы являлся (и является) рост численности населения за счет миграционного прироста.

Исходя из этого нами проведен анализ динамики миграционных процессов на территории ЕАО с начала освоения ее современной территории в 1858 г. по настоящее время. Основной задачей рассматривалось выявление роли миграционных процессов в формировании производительных сил ЕАО и степени адаптации мигрантов к новому региону. Под производительными силами мы рассматриваем средства воздействия общества на природу, применяемые для производства благ, удовлетворяющих общественные потребности. Включают средства производства (орудия труда, технику и технологию, инженерные сооружения и др.) и людей (трудящихся), которые приводят их в действие[390].

Информация о численности населения ЕАО и динамике миграционных процессов на ее территории встречается в отдельных источниках начиная с начала XX века. Наиболее достоверная информация о численности населения области представлена в результатах переписи населения 1926 г. (36 тыс. человек). Однако более полная информация о динамике прибывшего и выбывшего населения на территорию современной ЕАО представлена с середины XX века.

Максимальное число прибывших переселенцев отмечалось в 1970-е гг.

---

[390] Философский словарь [Электронный ресурс]. 2008. URL: http://www.psyoffice.ru/6-1070-proizvoditelnye-sily-i-proizvodstvenye-otnoshenija.html (дата обращения: 30.11.2012).

(максимальное число прибывшего населения зарегистрировано в 1971 г. – более 24 тыс. человек). Однако обращает внимание динамика выбывшего населения: наибольшее число зафиксировано в 1969 г. – более 22 тыс. человек.

Нами выделены этапы динамики миграционных процессов в ЕАО с точки зрения ее освоения и переселения сюда населения. Несмотря на отсутствие необходимых статистических данных о числе переселенцев на территорию современной ЕАО в конце XIX – начале XX в., предложенная нами периодизация начинается с 1858 г., что связано с проходившими в то время Амурскими сплавами.

Ниже представлена краткая характеристика этапов освоения современной территории ЕАО с учетом динамики миграционных процессов.

Этап 1858–1894 гг.

Освоение современной территории ЕАО начинается с пятого Амурского сплава, основная цель которого была непосредственно связана с заселением территории области. В это время образовано Амурское казачье войско, в состав которого вошла территория области. В 1871 г. на территорию современной ЕАО прибыли корейские переселенцы, основавшиеся в с. Благодатное, позже переименованное в с. Благословенное.

Этап 1894–1928 гг.

Данный этап в целом характеризуется положительной динамикой миграционных процессов. Характер миграции в отдельные период был различным: казаче-крестьянский, промышленный, аграрный.

С 1894 до 1917 гг. в области активно развивалось золотопромышленное производство (Сутарский бассейн). Образован Буреинский горно-полицейский округ. В период 1898–1903 гг. построена КВЖД. С 1912 г. началось строительство Амурской линии Транссиба на территории области. В результате активных аграрных реформ, начатых в 1907 г., происходило переселение крестьянских семей в отведенные части земель Амурского войска. По переписи 1926 г. население Биро-Биджанского района Дальневосточного края составляло 36 тыс. человек. Согласно архивным данным, численность населения района была несколько ниже – в 1928 г. она составляла 35,9 тыс. человек.

Этап 1928–1956 гг.

28.03.1928 подписано постановление ЦИК СССР о закреплении за КОМЗЕТом свободной земли (4,5 млн. га) в приамурской полосе ДВ края. Согласно данному постановлению Биро-Биджанский район ДВК предназначен для заселения трудящимися евреями. Часть работ по подготовке колфонда, а именно: подъем пласта (распашка, раскорчевка), дорожные и гидромелиоративные работы и гражданские сооружения – проводятся ОЗЕТом, с одной стороны, РНУ и КОМЗЕТом – с другой, под контролем

последних[391]. В результате агитационной деятельности и информации о созданной территории, в 1931 г. отмечался поток иммигрантов из стран дальнего зарубежья. Однако следует подчеркнуть, что основная масса переселенцев была из РСФСР и других союзных республик (в первую очередь – из Украинской ССР). На начало 1931 г. число евреев в Биробиджанском районе составило 7,9 тыс. человек, через год их число возросло до 19 тыс. человек, составив 31% от общей численности населения района[392].

С развитием переселенческого движения в Биробиджане стала активно развиваться обрабатывающая промышленность, имеющая характер кустарных производств.

В начале 1930-х гг. в рабочем поселке Биробиджан действовали предприятия как кустарного, так и промышленного значения (фабрика гнутой мебели, чемоданная мастерская, фабрика деталей и стандартных домов, кирпичный завод, обозная мастерская, кустарная артель по производству саней в с. Раздольное)[393].

7 мая 1934 г. – образование Еврейской автономной области.

За период с 1935 по 1937 гг. в область прибыло 19 тыс. переселенцев, в том числе 16,1 тыс. евреев. С 1938 по 1940 гг. происходит снижение потока переселенцев (8,3 тыс. человек, в том числе 2,4 тыс. евреев). По данным переписи 1939 г. численность населения ЕАО составила 108,9 тыс. человек, в том числе 17,7 тыс. евреев (16,2%).

На 1.01.1941 численность населения области возросла до 147,6 тыс. человек.

На данном этапе численность населения с 1926 г. до начала 1941 г. возросла в 5 раз.

Обращает внимание очень высокий прирост населения с 1939 по март 1941 г. – более 51 тыс. человек. Даже учитывая естественный прирост населения, на наш взгляд, формирование столь высоких показателей вызывает некоторые сомнения. Подтверждением этого являются данные о миграционной динамике в последующие пять лет. В плане по переселению на 1942–1946 гг. указывалось о переселении более 65,5 тыс. человек, в том числе 15 057 семей и 5488 одиночек. При этом, естественный прирост населения в 1945 г. составил 2411 человек, механический – 2007 человек, то есть общий прирост населения лишь немногим превысил 400 человек[394, 395].

За период с 1946 по 1948 гг. в область прибыло 6326 человек.

За период с 1949 по 1955 гг. в области не было построено ни одного

---

[391] Государственный архив ЕАО Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 3а.
[392] ГА ЕАО Ф. 186. Оп. 2. Д. 11. Л. 2.
[393] ГА ЕАО Ф. 186. Оп. 2. Д. 39. Л. 37, 38.
[394] ГА ЕАО Ф. 87. Оп. 4. Д. 93. Л. 7.
[395] ГА ЕАО Ф. 87. Оп. 4. Д. 94. Л. 1 ,6, 7, 8.

предприятия, государство не финансировало развитие сельского хозяйства ЕАО, как «неперспективного района».

В области отмечалась острая нехватка рабочих рук в колхозах. Однако ввиду того что колхозы не были подготовлены для приема переселенцев, нарушался принцип отбора семей для переселения в местах выхода (большинство переселенцев не были знакомы с сельским хозяйством), значительная часть прибывших в колхозы семей уезжала и устраивалась на промышленных предприятиях и учреждениях области.

Например, в 1948 г. из 664 семей, направленных в колхозы, там остались только 338; в 1949 г. из 436 семей – 260. В 1949 г. из Украинской ССР в колхозы ЕАО направлялись неколхозные семьи: из всех прибывших семей (436) лишь 41 семья была колхозной, семьи токарей – 52, сапожников – 43, торговых работников – 32, парикмахеров и маникюрш – 15, фармацевтов – 12. В 1952 г. из прибывших 476 семей закрепилось лишь 154 семьи.

Из объяснительной записки к плану переселения в колхозы ЕАО на период 1949-1950 гг. следует, что, несмотря на проводимую политику по переселению, «*большинство колхозов области были крайне малочисленны и недостаточно обеспечены рабочей силой. Нехватка рабочей силы в колхозах сказывалась на состоянии и развитии животноводства, хозяйственном строительстве, организации вспомогательных отраслей, способствующих повышению доходности колхозов и т. д.*»[396].

Можно говорить о неудовлетворительной работе по развитию колхозов в области: «вопросы укрепления слабых колхозов в комплексе не решаются. Мероприятия по улучшению почвы не проводятся, единственная мера – вселение переселенцев, эффекта без других мер не дает, производственные планы этим колхозам даются не с точки зрения поднятия рентабельности производства, а исходя из районных планов»[397].

Для увеличения притока переселенцев и их закрепления в области проводились попытки решения вопроса о распространении льгот по кредитованию индивидуального жилищного строительства и приобретения продуктивного скота также на переселенцев, направляющихся в промышленные предприятия области[398].

Проблема нехватки рабочей силы в области решалась за счет не только привлечения переселенцев, но и использования труда спецконтенгента. Примером может служить выписка из материалов 1941 г. «О мероприятиях по дальнейшему экономическому и культурному развитию народного хозяйства Еврейской автономной области»: «Обязать управление лагерей НКВД в течение ближайших лет представлять рабочую силу на ведение строительства предприятий госпромышленности, строительства железо-

[396] ГА ЕАО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.
[397] ГА ЕАО Ф. 165. Оп. 1. Д. 54. Л. 5.
[398] ГА ЕАО Ф. 165. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

бетонного моста через реку Биру, оградительных работ от затопления города Биробиджана»[399]. Отметим, что практика привлечения к труду данной категории населения имела место и в последующие годы.

Этап 1957–1991 гг.

Этап характеризуется нестабильной динамикой миграционных процессов. Начиная с 1950-х гг. отмечается рост числа выбывшего населения, максимальное число которых зарегистрировано 1960 г. (22,4 тыс. человек). В результате в течение 1957 г., 1959–1961 гг. в области сформировалась миграционная убыль населения. В итоге, несмотря на положительный естественный прирост населения, в 1960 г. в области сформировалась абсолютная убыль населения (-790 человек).

На начало 1961 г. численность населения в области достигла 154,8 тыс. человек[400].

Начиная с 1962 г. в области вновь формируется положительный миграционный прирост при сохранении большого числа выбывшего населения (17–19 тыс. человек). Одной из возможных причин миграционного оттока в этот период является активное промышленное (машиностроение) строительство в среднеазиатский союзных республиках и в центральных районах страны. Часть рабочих ЕАО уезжали с целью трудоустройства на новых предприятиях.

Положительную роль в привлечении переселенцев сыграло увеличение капиталовложений в сельское хозяйство начиная с 1965 г., а также строительство и реконструкция промышленных предприятий в области (обувная фабрика, чулочно-носочная фабрика, Дальсельмаш, ЗСТ).

Численность населения между переписями 1959 г. и 1989 г. возросла в 1,3 раза и составила в 1989 г. 214,1 тыс. человек, что было максимальным показателем численности населения в ЕАО за всю историю ее развития по настоящее время.

В 1980-е гг. нехватку рабочей силы в промышленности и строительстве компенсировали привлечением условно-досрочно освобожденных (создание спецкомендатур). В результате проведенного социологического опроса руководителей предприятий, занимавших эту должность в середине 1980-х гг., было установлено, что средняя численность данной категории трудовых ресурсов области составляла порядка 2 тыс. человек. В области насчитывалось семь спецкомендатур, которые располагались как в г. Биробиджане, так и в районах области. Спецконтенгент был занят в большей степени в строительстве (предприятие «Биробиджанстрой»), в лесозаготовке и лесопереработке, в машиностроении.

В 1990 г. принято постановление Совета Министров РСФСР № 351

---

[399] ГА ЕАО Ф. 204. Оп. 1. Д. 11. Л. 17.

[400] Экономическое и социальное развитие Еврейской автономной области (к 50-летию со дня образования ЕАО): стат. сб. Биробиджан: ЦСУ РСФСР Стат. управление ЕАО, 1983. 21 с.

«О добровольном переселении граждан в ЕАО», в котором были приняты льготы для семей граждан, переселяющихся в ЕАО. Однако в связи с политическими изменениями начала 1990-х гг. данное постановление не успело сыграть положительную роль в формировании миграционного прироста области.

Этап 1992 г. – настоящее время.

Начиная с 1992 г. по настоящее время (за исключением 2007–2008 гг.) отмечается миграционная убыль населения. Ситуация усугубляется естественной убылью населения.

Особенностью данного этапа является формирование двух потоков миграции: внутрироссийской и международной.

На данном этапе происходит расформирование спецкомендатур, формируется устойчивый отток постоянного населения области. Отметим, что отрицательная миграционная динамика обусловлена, в первую очередь, низким уровнем социально-экономического развития области. Население устойчиво выбывает как в более развитые регионы Дальневосточного федерального округа, так и за его пределы[401].

Новым направлением в характеристике миграционных процессов области является выход на международный (азиатский) рынок труда и привлечение иностранной рабочей силы в экономику области. Использование иностранных рабочих (в первую очередь – из КНР) стало новым направлением решения недостатка рабочей силы в области[402].

Таким образом, анализ миграционных процессов на территории ЕАО позволил выделить этапы миграционных процессов, которые характеризуются особенностями формирования производительных сил в области. На начальном этапе основным источником формирования трудовых ресурсов являлись переселенцы, позже дополнительным источником являлось привлечение спецконтенгента. После распада СССР и формирования новой международной политики, в ЕАО (как и во многих дальневосточных региона) недостаток рабочей силы компенсируется привлечением иностранных трудовых мигрантов. Уровень адаптации мигрантов, в рамках обозначенных этапов, имеет свои отличия. Для периода активного привлечения переселенцев в ЕАО (начало XX века – начало 1990-х гг.) можно говорить об ассимиляции переселенцев, оставшихся в области. С начала 1990-х гг. в миграционных потоках преобладали трудовые мигранты из стран Северо-Восточной Азии, не ориентированные на социально-культурную адаптацию в принимающем сообществе. В настоящее время, при сохранении значимости международной трудовой миграции, возрастает число посто-

---

[401] Мищук С.Н., Аносова С.В. Миграционная ситуация как отражение социально-экономических процессов в Еврейской автономной области // Уровень жизни. 2013. № 1 (179). С. 47–54.

[402] Мищук С.Н. Международная трудовая миграция в регионе: проблемы трансграничного взаимодействия // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 36 (171). С. 37–43.

янных мигрантов из стран СНГ, а также трудовых мигрантов, прибывающих в безвизовом порядке. Обозначенные тенденции вызывают необходимость постановки и решения вопросов о взаимодействии принимающего общества и мигрантов с целью их взаимной адаптации и интеграции.

3.3.2. Трудовая миграция из Китая в Еврейскую автономную область в конце XX – начале XXI в.: результаты интервью

Радикальные изменения в миграционной ситуации ЕАО происходят на современном этапе начиная с 1990-х гг. В отличие от предыдущих этапов привлечение международных трудовых мигрантов сопровождается устойчивым оттоком местного населения.

В миграционных процессах ЕАО переломным годом является 1992 г., когда число выбывших превысило число прибывших на территорию области почти на 2 тыс. человек. Отметим, что в предыдущем, 1991 г., миграционное сальдо сохранялось положительным и достигало около 400 человек. На наш взгляд, основной причиной такого резкого изменения в потоках мигрантов в ЕАО послужили экономические процессы, которые происходили в России в начале 1990-х гг. Миграционная убыль населения области за период с 1993 по 2010 гг. составила около 20 тыс. человек.

В зависимости от преобладания пространственной направленности в миграционных процессах ЕАО за период с 1993 по 2013 гг. можно выделить два этапа (рис. 17). Выбор 1993 г. начальным для рассматриваемой динамики обусловлен произошедшими изменениями в административно-территориальном делении Дальневосточного региона, а именно: с 1991 г. ЕАО стала самостоятельным субъектом Российской Федерации.

I этап (1993–2002 гг.) – международный. Общая динамика миграционных процессов в области обусловлена балансом международной миграции, который за данный период составил -12 929 человек (в том числе в рамках международной миграции -12 201 человек и -854 человек – межрегиональной). Наименьшее значение миграционного прироста в рассматриваемый период отмечалось в 1999 г., что обусловлено увеличением числа эмигрантов в страны дальнего зарубежья (2846 человек). Более 95% от общего числа эмигрантов в рассматриваемом году выбыли в Израиль. Количество иммигрантов из стран дальнего и ближнего зарубежья на данном этапе в целом характеризовалось отрицательной динамикой.

II этап (2003–2013 гг.) – межрегиональный. Доминирующим направлением является межрегиональная миграция. Миграционный баланс составил -6845 человек, в том числе -7610 человек в рамках межрегиональной миграции. Наибольший отток населения на данном этапе (в 2013 г. -1875 человек), сформирован за счет отрицательного межрегионального приро-

ста (-1932 человек). Несмотря на сохраняющийся отток населения в ЕАО, можно выделить периоды сокращения и роста миграционной убыли населения.

Рост миграционной убыли населения – 1994–1999 гг., 2002–2005 гг., 2007–2013 гг. Снижение миграционной убыли населения – 1999–2002 гг., 2005–2007 гг.

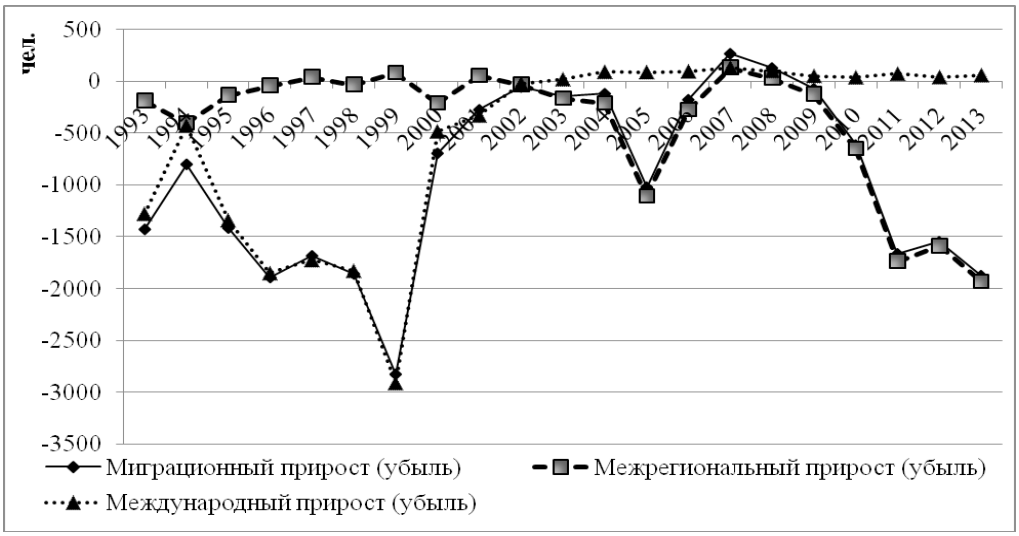

Рис. 17. Динамика миграции населения ЕАО, человек

В рамках выделенных этапов наибольший отток населения был зарегистрирован в периоды с 1994–1999 гг. и 2007–2013 гг. Миграционный отток населения в середине 1990-х гг. был обусловлен общеполитическими (распад СССР) и социально-экономическими факторами (спад объемов производства в области, ухудшение ситуации на региональном рынке труда, расширение масштабов этнической миграции за рубеж).

Для периода с 2007–2013 гг. отток обусловлен причинами поиска работы или учебы за пределами области, кроме того низкие показатели социально-экономического развития области и уровня жизни населения приводят к росту миграционной убыли населения. Так, в 2012 г. в ЕАО зарегистрированы максимальные показатели среди дальневосточных регионов по численности населения на 1 врача (275,4, при среднем по ДФО 178), минимальные – по числу врачей всех специальностей на 10 тыс. человек населения (36,3 при среднем по округу 56,2), среднедушевым денежным доходам и среднему размеру назначенных пенсий (18,2 тыс. рублей и 8,9 тыс. рублей, соответственно). Наихудшая ситуация отмечается по уровню безработицы населения (8,5 – максимальный показатель по

ДФО), общему коэффициенту смертности (15,2 – максимальный показатель по ДФО), коэффициенту младенческой смертности (15,5 – второе место в ДФО).

Таким образом, миграционный отток местного населения, особенно в последние 7 лет, обусловлен сохранением и усугублением негативных процессов в социально-экономическом развитии ЕАО.

На основе методики комплексной оценки социально-демографической безопасности[403] нами рассчитан уровень миграционной безопасности для ЕАО.

Для оценки миграционной безопасности рассчитаны индикаторы социально-демографической безопасности региона. Значения общего коэффициента миграционного прироста населения, уровня миграционного притока населения из стран СНГ и Балтии, уровня миграционного притока населения из отдельных государств – участников СНГ за последние 5 лет находятся в пределах нормы. Число трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья невелико, поэтому они практически не влияют на миграционную ситуацию в области. Значение показателя миграционного притока из отдельных стран Центральной Азии и с Кавказа так же незначительно и не вносит существенного вклада в общий миграционный прирост ЕАО. Вследствие долгосрочной миграционной убыли населения из автономии величина индикатора миграционного прироста за 5 лет полностью определяет общую миграционную безопасность региона и лежит в области чрезвычайного кризиса.

Таким образом, численность мигрантов из стран ближнего зарубежья существенно не влияет на социально-демографическую динамику в области. Основные миграционные потоки автономии состоят из межрегиональной миграции. Средневзвешенная оценка комплексных индикативных показателей миграционной безопасности лежит в области угрожающего кризиса из-за устоявшейся межрегиональной миграционной убыли. Индикаторы, связанные с проживанием, преступностью, образованием иностранных граждан в ЕАО, существенно не влияют на интегральную оценку миграционной безопасности региона в силу их крайне малого порядка.

Таким образом, повышение уровня безопасности в регионе обусловлено стабилизацией и увеличением миграционной прибыли населения в регион.

Иностранные трудовые мигранты в настоящее время занимают устойчивое положение на рынке труда ЕАО. Бесспорным лидером на протяжении более 10 лет среди стран – доноров рабочей силы в ЕАО является Китай: в 1999 г. доля китайских рабочих составила 94,3% от общей числен-

---

[403] Социально-демографическая безопасность регионов России: результаты диагностики в 2000 –2006 г. / под ред. А.И. Татаркина, А.А. Куклина. Екатеринбург: ИЭ Уро РАН, 2008. 78 с.

ности привлекаемых иностранцев, в 2010 г. – 88,5%. В отраслевой структуре происходит снижение доли трудовых мигрантов, занятых в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве, при увеличении доли в строительстве и обрабатывающих производствах.

Начиная с 2011 г. произошли изменения в учете иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на территории России. В настоящее время ведется учет по числу выданных разрешений на работу для иностранных граждан и для лиц без гражданства, прибывших в визовом и безвизовом порядке въезда, а также по числу выданных патентов на осуществление трудовой деятельности у физических лиц – для иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывших в порядке, не требующем получения визы. Таким образом, численность трудовых мигрантов из Китая можно оценить по числу выданных разрешений на работу.

По данным УФМС России по Хабаровскому краю, доля разрешений на работу иностранным гражданам, прибывшим в безвизовом порядке за период с 2011 по 2013 гг., составила 40,2%, что значительно ниже общероссийского показателя. Доля оформленных разрешений на работу гражданам Китая в 2012 г. составила 33%, в 2013 г. – 38,2%.

Среди дальневосточных субъектов высокая доля оформленных разрешений на работу гражданам Китая зарегистрирована в Приморском и Хабаровском краях, Еврейской автономной и Амурской областях. В 2012 г. данный показатель достиг 91,%, в 2013 г. – 91,7%. Максимальные показатели занятости китайских мигрантов отмечаются в ЕАО, в 2013 г. – 94%. В сравнении с южными субъектами Дальнего Востока ЕАО характеризуется специфической географической структурой привлекаемой иностранной рабочей силы (значительный перевес китайской рабочей силы).

Привлечение иностранной рабочей силы в регионы осуществляется в рамках распределенных квот на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности. По данным Управления по труду правительства ЕАО, за период с 2000 по 2013 гг. квота на привлечение и использование иностранной рабочей силы в ЕАО возросла в 2,5 раза, составив в 2013 г. 5486 человек.

В отраслевой структуре привлеченной иностранной рабочей силы отмечаются следующие изменения. Так, в 2003 г. около 60% от заявленного числа иностранных рабочих приходилось на лесозаготовку, лесопереработку и сельское хозяйство, в 2013 г. доля данных видов экономической деятельности снизилась до 33% (в 2008 г. – 40%). Снижение произошло лишь в относительных величинах за счет роста доли других отраслей, в первую очередь – строительства (с 0,5% в 2003 г. до 40% в 2008 г., 2013 г. – 41%). Обращает внимание рост доли обрабатывающей промышленности

(число заявок на 2013 г. составило 16%)[404].

Трудовая иммиграция – процесс двусторонний, и ее динамика определяется интересами обеих сторон. Нами оценивались экономические составляющие (причины и результаты) привлечения иностранной рабочей силы для российской и китайской стороны. Для ЕАО можно выделить следующие причины и результаты привлечения иностранной рабочей силы.

Причины:

– низкий уровень обеспечения кадрами в ряде отраслей, нежелание местного населения работать в определенных отраслях (тяжелый труд – низкая заработная плата);

– снижение издержек за счет экономии на заработной плате иммигрантам в сравнении с местными трудовыми ресурсами;

– более высокая производительность труда у иммигрантов.

Результаты:

– сохранение или увеличение объемов производства в ряде отраслей (сельское хозяйство, строительство);

– обеспечение внутреннего рынка отдельными товарами (сельскохозяйственная продукция).

Для Китая можно отметить следующие причины:

– высокая безработица;

– недостаток природных ресурсов (земля, лес) для отдельных производств внутри страны.

Результаты:

– повышение уровня жизни населения (снижения уровня безработицы в своей стране);

– сохранение собственных природных ресурсов (земельных, лесных);

– повышение квалификации трудовых ресурсов;

– производство продукции для экспорта в Китай (соя с 2007 г., лес);

– поддержка собственных производителей обрабатывающей промышленности (сельскохозяйственная техника, удобрения).

Одним из возможных результатов данного двустороннего сотрудничества можно рассматривать обмен опытом и приобретение новых навыков. Однако китайские трудовые иммигранты проживают обособлено, имея ограниченные контакты с местным населением. В большинстве случаев ими используется примитивный ручной труд, на предприятиях не применяются высокотехнологические средства производства. Значительную роль в низком уровне взаимодействия китайских мигрантов и местного

[404] Доклад о результатах и основных направлениях деятельности ОФМС России по Еврейской автономной области на 2013 год и плановый период 2014–2016 годов. Биробиджан: ОФМС России по Еврейской автономной области, 2014. С. 18.

сообщества играет языковой барьер[405].

Таким образом, миграционные процессы с Китаем сохраняют свое значение в развитии экономики региона. В результате установившихся межправительственных и личных договоренностей трудовые мигранты являются привычным явлением в ЕАО. При этом активного взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества нет. Существующие контакты базируются на деловых интересах, на выходя на уровень межкультурного взаимодействия.

В рамках изучения современного состояния и перспектив привлечения трудовых мигрантов в ЕАО в 2010 г. нами проведены экспертные интервью на вопрос оценки роли внешней трудовой миграции из КНР в экономике региона. В качестве экспертов выступили специалисты, компетентные в вопросах международной трудовой миграции в ЕАО – представители органов исполнительной власти и бизнеса. Экспертам было предложено 24 вопроса, которые распределены в четыре группы: 1) конкуренция местной рабочей силы с трудовыми мигрантами, 2) экспансия, 3) нелегальная миграция, 4) совместные браки с гражданами КНР. Беседы носили неофициальный характер. Всего опрошено 13 экспертов, компетентных в вопросах международной трудовой миграции в ЕАО – представители органов исполнительной власти и бизнеса.

В результате проведенных интервью можно сделать следующие выводы.

1. Конкуренция местной рабочей силы с трудовыми мигрантами. По оценкам экспертов из региональных органов исполнительной власти (административных структур), в той или иной степени занимающихся вопросами взаимодействия с иностранными мигрантами, в области существует острая необходимость привлечения иностранных трудовых мигрантов. Данная ситуация обусловлена недостатком местной рабочей силы, способной занять существующие вакансии. Основные сферы приложения труда иностранной рабочей силы в ЕАО – строительство, сельское хозяйство, лесное хозяйство, что в целом характерно для российских регионов.

В основном привлекаются представители рабочих специальностей или низко квалифицированные кадры. Местное население часто не выдерживает конкуренции с китайскими рабочими, так как последние работают до 18 часов в сутки, требуют минимум условий для проживания, трудолюбивы и т. д. На вопрос о возможном повышении уровня безработицы в ЕАО из-за привлечения мигрантов эксперты единодушны в отрицательном ответе. Некоторые эксперты говорят о положительном опыте: например, местное население перенимает опыт китайцев в обработке сельскохозяй-

[405] Мищук С.Н. Международная трудовая миграция в регионе: проблемы трансграничного взаимодействия // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 36 (171). С. 42.

ственных культур, что приводит к повышению урожайности в данной отрасли.

В общей численности привлекаемой иностранной рабочей силы в течение последних десяти лет на долю китайцев приходится более 90%. Данная ситуация не является типичной в целом для дальневосточных субъектов. По мнению экспертов данная ситуация обусловлена территориальной близостью КНР, наличию устойчивых деловых связей. Поиск новых деловых партнеров в данной ситуации не имеет смысла.

2. Экспансия. В ответах на вопрос о существующей экспансии нашей территории со стороны китайцев эксперты разошлись во мнениях. В целом респонденты говорят об отсутствии данного явления, однако ряд специалистов, ориентированных на экологические аспекты международного взаимодействия, говорят о «тихой экспансии», что проявляется в бесконтрольном и в определенной мере незаконном использовании ресурсов, загрязнении окружающей среды. Данную ситуацию эксперты обозначают как «уничтожают все вокруг», «если человек временный, то он так и относится к территории». Основной причиной в сложившейся ситуации (особенно в ресурсодобывающих отраслях) эксперты называют отсутствие нормативной базы (федерального уровня), позволяющей как регулировать вопросы природопользования иностранными рабочими, так и применять при необходимости штрафные санкции. Примером может служить любая отрасль, связанная с добычей («варварской») ресурсов: создается новое предприятие, которое по Закону № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и предпринимательства» не может быть проверено в течение первых трех лет с момента регистрации. Отработав сезон, выбрав все возможные ресурсы, причем здесь речь идет не только о заявленной деятельности, но и о биологических ресурсах как на территории проводимых работ, так и вокруг, предприятие «исчезает». По Закону учредитель не несет ответственности за деятельность созданного им юридического лица. В результате предъявлять претензии (штрафы) некому. В следующем году тем же учредителем создается новое предприятие, которое будет работать по существующей схеме. Таким образом, добыча ресурсов на территории ЕАО осуществляется в рамках существующего законодательства, но с нарушениями экологических норм.

Говоря об экономической зависимости ЕАО от китайской рабочей силы, некоторые эксперты категорично заявляют о невозможности развития отдельных отраслей без привлечения иностранной рабочей силы. Большинство экспертов рассматривают трудовую миграцию позитивно.

3. Нелегальная миграция. Эксперты-предприниматели заявляют о субъективном подходе при выдаче разрешений на квотирование иностранных рабочих. С одной стороны, могут не давать из-за личной неприязни к предпринимателю, с другой, не дают без взятки. Кроме того на сбор доку-

ментов и обход всех инстанций занимает около месяца, что также отрицательно оценивается предпринимателями.

При получении квот есть два варианта: либо требуются узкоспециализированные рабочие, которых нет в нашем или соседних регионах; либо на «откатах». Причем, по большей части используется второй способ. Так как основные сферы привлечения иностранцев – сельское хозяйство, строительство, такие специалисты в области есть в достаточном количестве. Но! Китайцев привлекать выгоднее.

В области есть фирмы, которые завозят «рабов» (завозят мигрантов официально, но по поддельным документам и продают их другим фирмам). Причем, «на этом люди делают миллионы юаней». И об этом знают все контролирующие органы. «Органы контроля работают на отчетность» (особенно после того, как туда пришли представители МВД).

Нелегальные иностранцы работают на предприятиях, причем, «если официально русские и иностранцы поделены 75 к 25, то на самом деле 10 к 90». «Дополнительные» рабочие (сверх квоты) покупаются у предпринимателей, которые их официально завезли по квотам, но они не понадобились. Отметим, что ни о каких социальных гарантиях для таких «купленных» иностранцев речи не идет.

Нелегально работающие не нарушают границу, но подрывают экономическую безопасность региона (страны): нет налоговых отчислений, создают конкуренцию местным рабочим, тем самым повышая уровень безработицы.

На вопрос о наличии нелегальных мигрантов на территории области эксперты отмечают отсутствие иностранцев незаконно (нелегально) пересекших границу, но допускают наличие нарушений административного кодекса в части осуществления трудовой деятельности мигрантом без оформления соответствующего разрешения на работу (что отмечается и в официальных отчетах ОФМС по ЕАО), работа на другом предприятии и т.д. Нарушения отмечаются как со стороны работодателей, так и со стороны самих мигрантов. Одной из возможных причин возникающих нарушений называют практику квотирования рабочих мест. В результате иногда происходит «передача» мигрантов от одной фирмы, где их «избыток», другой.

Отметим, что эксперты подчеркивают высокий уровень законопослушности китайских рабочих, в отличие от мигрантов, прибывающих по безвизовому режиму (страны СНГ). Легализации трудовых мигрантов способствуют изменения в Кодексе административных правонарушений от 24.07.2007 в части увеличения штрафов при использовании нелегальных рабочих.

В то же время прослеживается мысль о сложном контроле и учете нелегальной трудовой миграции при лесозаготовках («кто их считал в тайге»)

или в сельскохозяйственных районах, то есть в отраслях, наиболее широко использующих труд китайцев.

Таким образом, по мнению экспертов, как таковой экспансии китайцев на территории области нет («особо много их за окном не ходит»). В то же время подчеркивается зависимость ряда отраслей экономики региона от наличия китайской рабочей силы, безнаказанное нарушение отдельных аспектов природопользования .

4. Совместные браки с гражданами КНР. Большинство экспертов положительно отнеслись к возможности брака своих близких или знакомых с китайцем («лишь бы законы соблюдали»).

К сожалению, в органах статистики нет установленных форм отчетности по смешанным бракам, по рождению детей от браков с китайцами, поэтому эти показатели не отслеживают. Существующие органы (ЗАГС, ФМС) осуществляют лишь регистрацию факта брака или рождения ребенка, но не ведут отдельную статистику по этим категориям населения. Необходимая информация имеется, но она не обрабатывается, хранится только в бумажном виде. «Если на федеральном уровне разработают соответствующую форму, то мы будем отправлять такую информацию в статистику». На наш взгляд, наличие данных о смешанных браках и рождении детей в данных семьях позволит оценить процесс интеграции мигрантов в принимающем сообществе лучше.

По мнению ряда экспертов, фиктивные браки мигрантов из Китая с жительницами ЕАО если и существуют, то исключительно редко. Такая практика распространена у граждан стран СНГ.

Таким образом, очевидно, что в перспективе взаимодействие ЕАО и китайских провинций будет сохраняться и развиваться, приобретая новые формы (расширение отраслей, привлекающих труд китайцев, совместные браки).

Несмотря на то что в ответах отражена субъективная точка зрения респондентов, обратим внимание, что именно эти люди либо участвуют в организации бизнеса с привлечением иностранной рабочей силы, либо регулируют этот процесс на законодательном уровне.

Логично предположить, что со стороны предпринимателей не предполагается особых изменений в «тактике» ведения бизнеса, так как его основная цель, по большому счету, прибыль любыми (законными) доступными способами. Взаимодействие с иностранными партнерами, применение иностранной рабочей силы, как показало исследование, оказывает положительную роль в развитии местного бизнеса.

Со стороны власти возможно некоторое ограничение числа привлекаемых трудовых мигрантов в область с целью повышения занятости местного населения. В целом изменение вектора проводимой политики органами местной исполнительной власти в сфере привлечения и использования

иностранной рабочей силы маловероятно. Последнее, с нашей точки зрения, может быть обосновано большой масштабностью данного явления, границы которого выходят за пределы отдельных субъектов РФ и носят федеральный характер.

Таким образом, согласно полученным результатам интервью, можно отметить следующее:

– при достаточно высоком уровне безработицы в регион активно привлекается иностранная рабочая сила;

– при сохранении существующих условий внешние трудовые мигранты будут привлекаться в экономику области в тех же масштабах;

– трудовые мигранты имеют ряд преимуществ перед местными занятыми: более высокая трудоспособность, нетребовательность в социальных условиях и т. п.

Сложившаяся практика привлечения трудовых мигрантов функционирует и за счет налаженных личных связей граждан Китая с представителями бизнеса и власти в ЕАО. Эти практики касаются руководителей предприятий – граждан КНР. Согласно экспертным данным, в области сформировался единый круг китайских предпринимателей, функционирующих на рынке ЕАО на протяжение 10 лет. Для них характерно привлечение одних и тех же трудовых мигрантов, ежегодно работающих на иностранных предприятиях ЕАО. Происходит взаимный процесс адаптации акторов к новым экономическим условиям. Подчеркнем, что данное взаимодействие касается, в первую очередь, экономических аспектов адаптации, позже – в результате неоднократных совместных переговоров и встреч – происходит принятие отдельных норм и правил поведения контрагентов. Именно этнические предприниматели из Китая и, вероятнее всего, трудовые мигранты, длительное время работающие в России, в первую очередь адаптируются к российской практике ведения бизнеса, нормам и правилам культуры принимающего общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дальневосточные регионы являются территорией активных миграционных процессов: если ранее здесь отмечался положительный миграционный прирост (в первую очередь за счет внутренней миграции), то в последние 20 лет преобладают негативные тенденции. В рамках международной трудовой миграции отмечается сохранение лидирующего положения мигрантов из КНР при возрастающем числе мигрантов из стран СНГ.

Очевидно, что отношение к мигрантам формируется в целом как к явлению, без оценки причин переезда, социального статуса, времени проживания на территории вселения. Возрастающий поток мигрантов вызывает опасения у принимающего сообщества, порой переходящие в мигрантофобию.

При сочетании процессов миграционного прироста и сохранения достаточно высокого уровня безработицы самозанятость населения, в том числе и мигрантов, является одним из возможных путей повышения уровня занятости населения дальневосточных регионов. Важным результатом организации предпринимательской деятельности мигрантов является их большая мобильность и способность быстрее интегрироваться в принимающем сообществе.

Полученные результаты подчеркивают развитие, в первую очередь, экономических отношений между рассматриваемой территорией и зарубежными странами. Активные участники этих отношений – этнические предприниматели. В условиях динамичных миграционных процессов, происходящих в российском обществе, в целом, и на Дальнем Востоке России, в частности, этническое предпринимательство можно рассматривать как одну из наиболее эффективных форм адаптации мигрантов.

В ходе наших исследований был обозначен образ активного индивида, деятельность которого приносит выгоду не только ему лично, но и сообществу, в котором он живет и работает. Безусловно, этнические предприниматели не являются собирательным образом мигранта. Это лишь один из инструментов нормализации жизни мигрантов и их адаптации к новым условиям жизни. К значимому результату проведенной работы мы относим вывод о том, что несмотря на «особые» стартовые условия для ведения бизнеса, на этапе его развития этническая компонента уже не оказывает существенного влияния.

Возможно, при увеличении доли мигрантов в общей численности населения региона данный фактор будет «работать» более «агрессивно». Сегодня можно говорить, что предпосылки подобного развития событий кос-

венно озвучивались в разговорах с респондентами. Исходя из этого, важно правильно оценивать значимость этнического предпринимательства для принимающих сообществ, а именно: активная предпринимательская деятельность позволяет мигрантам менять положение социально незащищенной группы людей на категорию успешных и самостоятельных граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амур. Справочная книжка Амурской области для переселенцев. Благовещенск: Типография т-ва Д.О. Мокин и Ко, 1899. 93 с.

2. Амурский статистический ежегодник 2011: стат. сб. Благовещенск: Амурстат, 2011. 592 с.

3. *Аносов А.В.* Миграционная компонента развития Дальнего Востока России. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2009. 233 с.

4. *Аносова С.В.* Специализация промышленности Еврейской автономной области в период рыночных преобразований // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014.№ 4. С. 319–324.

5. *Арефьева И.А.* Демографический потенциал Дальнего Востока РСФСР в 1941–1945-е гг. и участие женщин в миграционных процессах // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 4 (57). С. 106–113.

6. *Арутюнян Ю.В. и др.* Этносоциология. М., 1998. 271 с.

7. Атлас Азиатской России. СПб: Издание Переселенческого управления главного управления землеустройства и земледелия, 1914. 147 с.

8. *Ахиезер А.С.* Миграция в российской истории // Полития. 2004. № 4. С. 70–76.

9. *Блинова М.С.* Современные социологические теории миграции населения: автореф. дис. … канд. социол. наук. М., 2008. 29 с.

10. *Бляхер Л.Е.* Государство и несистемные сети «желтороссии», или Заполнение «пустого пространства» // Полития. 2010. № 2 (57). С. 52–79.

11. *Богаевская А.Н.* Китайская миграция на Дальний Восток России. Владивостокский центр исследования организованной преступности. 2002. URLhttp://www.crime.vl.ru/index.php?p=1345&more=1&tb=1&pb=1 (дата обращения: 08.04.2014).

12. *Бойко Ю.* Проблемы миграции в развитии интеграционных процессов. Опыт ЕС и России // Мир и политика: электрон. журн. 2012. № 10. URL: http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/mp-10-2012/16847-problemy-migracii-v-razvitii-integracionnyh-processov-opyt.html (дата обращения: 03.10.2013).

13. *Бредникова О., Паченков О.* Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов [Электронный ресурс]. URL: http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik8/8r_bred.html (дата обращения 17.03.2013).

14. *Брубейкер Р.* Этничность без групп / Пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.

15. *Брянский А.М.* Крестьянское хозяйство Дальне-Восточной области в пореволюционный период. Хабаровск: Восточное областное статистическое управление, 1926. 190 с.

16. *Бурдьё П.* Социология политики / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.

17. *Бурыкин А.Н.* Проблемы формирования постоянного населения Сахалинской области // Наука, образование, общество: электрон. журн. 2005. № 3. URL: http://journal.

sakhgu.ru/archive2.php?div=1 (дата обращения 26.03.2013).

18. *Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Кочкин Е.В., Кулдина Е.С.* Киргизские мигранты в Москве: результаты количественного исследования интеграционных траекторий (Kyrgyz Migrants in Moscow: Results of a Quantitative Research on Integration Tracks). 2014. URL: http://ssrn.com/abstract=2425312 (дата обращения 12.08.2014).

19. *Васильев Е.* В России появится мобильный оператор для гастарбайтеров – СМИ // Вестник Кавказа. 18.12.2013. URL: http://www.vestikavkaza.ru/news/V-Rossii-poyavitsya-mobilnyy-operator-dlya-gastarbayterov-SMI.html (дата обращения 10.01.2014).

20. *Ващук А.С.* Миграционная политика России в конце XX – начале XXI: надежды на управленцев и реалии сельской глубинки юга Дальнего Востока // Вестник ДВО РАН. 2012. № 4. С. 24–31.

21. *Воронков В.* Существует ли этническая экономика? [Электронный ресурс]. URL: http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik8/8r_voronkov.html (дата обращения 17.03.2013).

22. *Воронков В., Освальд И.* Введение. Постсоветские этничности // Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга / Под ред. В. Воронкова, И. Освальд. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 6–36.

23. *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: теория и практика межгосударственных отношений. М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999. 412 с.

24. Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации // Демоскоп Weekly: демографический еженедельник. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php (дата обращения: 20.06.2013).

25. Всесоюзная перепись населения 1926 г. РСФСР и ее регионы // Демоскоп Weekly: демографический еженедельник. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_26.php?reg =453 (дата обращения: 12.11.2012).

26. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп Weekly: демографический еженедельник. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg =15 (дата обращения: 26.02.2013).

27. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп Weekly: демографический еженедельник. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php (дата обращения: 20.06.2013).

28. *Выхованец О.Д.* Управление миграционными процессами: инженерно-технологический подход // Миграция и развитие (Пятые Валентеевские чтения): мат-лы междунар. конф., посвященной 85-летию со дня рождения профессора Д.И. Валентея и 40-летию со дня основания кафедры народонаселения МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, 13–15 сентября 2007 г. М.: Издательство МГУ, СП Мысль, 2007. Т. 1. С. 26–46.

29. Государственный архив Еврейской автономной области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 3а.

30. ГА ЕАО Ф. 165. Оп. 1. Д. 54. Л. 5.

31. ГА ЕАО Ф. 165. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

32. ГА ЕАО Ф. 186. Оп. 2. Д. 11. Л. 2.

33. ГА ЕАО Ф. 186. Оп. 2. Д. 39. Л. 37, 38.

34. ГА ЕАО Ф. 204. Оп. 1. Д. 11. Л. 17.

35. ГА ЕАО Ф. 87. Оп. 4. Д. 93. Л. 7.

36. ГА ЕАО Ф. 87. Оп. 4. Д. 94. Л. 1, 6, 7, 8.

37. ГА ЕАО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.

38. *Гаева И.В., Комарова Т.М., Неверова Г.П., Фетисов Д.М.* Геодемографическая обстановка на территории Еврейской автономной области: ретроспективный анализ и прогноз // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 6. С. 54–67.

39. *Гильбо Е.* Перспективы китаизации России // «Новый Петербургъ»: электрон. газета. № 38 (625). 25.09.2003. URL: http://www.xpomo.com/ruskolan/liter/china.htm (дата обращения 20.02.2012).

40. *Головин С.А.* Изменение социальной структуры населения Дальнего Востока СССР: 1923–1939 годы: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2008. 42 с.

41. *Гриценко В.В.* Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. 252 с.

42. Гроздья гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. Осень 2013 – весна 2014 года / Центр изучения национальных конфликтов. 2014. 53 с. URL: http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/ (дата обращения: 08.07.2014).

43. *Гун Лян Хуа.* Глобализация – доминирующий фактор международной трудовой миграции. М.: МАКС Пресс, 2008. 88 с.

44. *Гуцунаева С.В.* Стратегии межэтнического взаимодействия осетин и русских, проживающих в республике Северная Осетия – Алания: автреф. дис. … канд. псих. наук. СПб., 2010. 22 с.

45. Дальстрой // Википедия: свободная энциклопедия. 2012. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B9 (дата обращения 08.02.2013).

46. *Данилова З.А.* Трудовые мигранты: адаптация в принимающем сообществе (региональный аспект). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 233 с.

47. *Дацышен В.Г.* Гастарбайтеры на востоке России: масштабы явления, перспективы и проблемы // «Мост через Амур». Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: сб. мат-лов междунар. исследовательского семинара / Под ред. В.И. Дятлова. М., Иркутск: Наталис, 2004. С. 49–61.

48. Демографический фактор в социально-экономическом развитии региона (на примере Пермской области) / Под ред. В.А. Ионцева. М.: ТЕИС, 2004. 256 с.

49. *Денисенко М.* Изменения в миграционной политике развитых стран // Отечественные записки. 2004. № 4. С. 222–236.

50. *Дмитриев А.В.* Конфликтология. М.: Гардарики, 2000. 320 с.

51. Доклад о реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, в 2012 году ФМС РВ. М., 2013. 50 с.

52. Доклад о реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, в 2013 году ФМС РФ. М., 2014. 58 с.

53. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности ОФМС России по Еврейской автономной области на 2013 год и плановый период 2014–2015 годы. Биробиджан: ОФМС России по Еврейской автономной области, 2013. 81 с.

54. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности ОФМС России по Еврейской автономной области на 2013 год и плановый период 2014–2016 годов. Биробиджан: ОФМС России по Еврейской автономной области. , 2014. 75 с.

55. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Управления фе-

деральной миграционной службы по Амурской области на 2012 год и плановый период 2013–2015 годов. Благовещенск: УФМС России по Амурской области, 2013. 114 с.

56. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Управления федеральной миграционной службы по Приморскому краю на 2013 год и плановый период 2014 и 2015 годов. Владивосток: УФМС России Приморскому краю, 2013. 82 с.

57. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Управления федеральной миграционной службы по Хабаровскому краю на 2012 год и плановый период 2013–2015 годы. Хабаровск: УФМС России Хабаровскому краю, 2013. 94 с.

58. *Друзяка А.В.* Исторический опыт государственного регулирования внешней миграции на юге Дальнего Востока России (1858–2008 гг.). Благовещенск: Издательство БГПУ, 2010. 290 с.

59. *Дятлов В.* «Торговые меньшинства» Зарубежного Востока: некоторые подходы к изучению этнических конфликтов в современной России [Электронный ресурс]. URL: http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik8/ 8r_diatl.html (дата обращения: 25.03.2013).

60. *Дятлов В.* Китайцы в Иркутске: некоторые характеристики ситуации 1998–1999 гг. // Перспективы Дальневосточного региона: китайский фактор: мат-лы Московского центра Карнеги. М., 1999. С. 86–89.

61. *Дятлов В.И.* Китайцы в Сибири и на Дальнем Востоке: хорошо это или плохо для России? // Азия и Африка сегодня. 2003. № 4.

62. *Дятлов В.И.* Миграции, мигранты, «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта в регионе // Демоскоп Weekly: демографический еженедельник. 2007. № 271–272. URL: http://demoscope.ru/weekly/2007/0271/analit01.php (дата обращения: 03.11.2013).

63. *Дятлов В.И.* Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / Науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: «Оттиск», 2010. С. 451–484.

64. *Елисеев А.В.* Отчет о поездке на Дальний Восток. Читано в общем собрании И.Р.Г.О. 2 мая 1890 г. 16 с.

65. *Еремина Н., Брызгалова Е.* Ловите мигрантов. Российский бизнес все активнее зарабатывает на мигрантах // Газета.Ru: новости. 07.11.2013. URL: http://www.gazeta.ru/business/2013/11/06/5740141.shtml (дата обращения: 11.01.2014).

66. *Ермак Г.Г.* Социальные идентичности населения Приморского края // Этническая идентичность и конфликт идентичностей. Владивосток: Дальнаука, 2007. С. 26–27.

67. *Ермак Г.Г.* Этническое предпринимательств в Приморье [Электронный ресурс]. 2010. URL: http://gerka88.ucoz.org/blog/ehtnicheskoe_predprinimatelstvo_v_primore/2010-06-27-12 (дата обращения: 17.03.2013).

68. *Журавская Т.Н.* «Китайский» торговый центр vs. «китайский» рынок: что изменилось со времени запрета на торговлю иностранцев на розничных рынках (на примере Амурской области) // Полития. 2012. № 4. С. 104–123.

69. *Забровская Л.В.* КНДР–Россия–РК: обмен трудовыми ресурсами // Демоскоп Weekly: демографический еженедельник. 2008. № 333–334. URL: http://demoscope.ru/weekly/2008/0333/analit04.php (дата обращения: 08.02.2013).

70. *Залеская О.В.* Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток, 2009. 380 с.

71. *Зимина Н.С.* Формирование регионального трансграничного социокультурного

пространства в условиях глобализации (на примере Забайкальского края): автореф. дис. … канд. филос. наук. Чита, 2012. 23 с.

72. *Ивахнюк И.* Две миграционные системы в Европе: тенденции развития и перспективы взаимодействия // Русский архипелаг: итнтернет-портал. 2003. URL: http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/strategii/dve_sistemi_3/?version=forprint (дата обращения: 11.09.2013).

73. *Ивахнюк И.В.* Евразийская миграционная система: от теории к политике // Российский экономический интернет-журнал. 2008. № 1. 13 с. URL: http://www.e-rej.ru/Articles/2008/Ivakhnyuk.pdf (дата обращения: 10.09.2013).

74. *Иларионова Т.* Миграция как результат конфликта личности и государства // Миграция и развитие (Пятые Валентеевские чтения): мат-лы междунар. конф., посвященной 85-летию со дня рождения профессора Д.И. Валентея и 40-летию со дня основания кафедры народонаселения МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, 13–15 сентября 2007 г. М.: Издательство МГУ, СП Мысль, 2007. Т. 1. С. 59.

75. Иммиграция не приветствуется // Romir.ru: Исследовательский холдинг Ромир. Январь 2012. URL: http://romir.ru/studies/342_1338321600/ (дата обращения: 10.12.2013).

76. Институт психологии РАН: россияне стали конфликтнее и злее из-за мигрантов // ВАО.РФ. 10.12.2013. URL: http://okrug.info/novosti/politika-i-obschestvo/institut-psihologiran-rosijane-stali-konfliktne-i-zle-iz-za-migrantov.html (дата обращения: 15.12.2013).

77. Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики / Науч. ред. Н.П. Рыжова. Иркутск: «Оттиск», 2009. 264 с.

78. *Ионцев В.* Базовые подходы и направления в изучении миграции // Миграция в России. 2000–2012 / Под общ. ред. И.С. Иванова. М.: Спецкнига, 2013. Т. 1, Ч. 3. С. 49–57.

79. *Ионцев В., Ивахнюк И.* Модели интеграции мигрантов в современной России. CARIM-East RR 2013/12, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013. 22 с.

80. *Ионцев В.А.* Классификация основных теоретических подходов в изучении миграции населения // Миграция в России. 2000–2012. / Под общ. ред. И.С. Иванова. М.: Спецкнига, 2013. Т. 1, Ч. 3. С. 633–683.

81. *Кайзер М., Бредникова О.* Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство. СПб.: ЦНСИ, 2004. С. 133–146.

82. *Капицын В.М., Акмалова А.А.* Трансграничная система Содружества Независимых Государств // Истина: Интеллектуальная Система Тематического Исследования научно-технической информации. 16 с. URL: http://istina.msu.ru/media/publications/ articles/b04/a2c/1734747/Kapitsyi_V.M._v_soavt._Transgranichnaya_migratsionnaya_sistema_SNG.pdf (дата обращения: 11.11.2013).

83. *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. СПб.: Библиотека «Общественной пользы», 1905. 82 с.

84. *Кашепов А.В.* Внешняя трудовая миграция в России // Problemanalysis.ru: центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. 17 с. URL: http:problemanalysis.ru/Dokladi3/Kashepov.pdf (дата обращения: 20.12.2013).

85. *Кашпур В.В.* Социокультурная адаптация мигрантов: проблемы и стратегии: томский кейс / В.В. Кашпур, И.Г. Поправко // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354 (январь). С. 88–93.

86. *Колосницына М.Г., Суворова И.К.* Международная трудовая миграция: теоретические основы и политика регулирования // Экономический журнал ВЭШ. 2005. № 4. С. 543–565.

87. *Коморникова О.М.* Характеристика принимающего сообщества как фактор формирования отношения к мигрантам // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 15. Философия. Социология. Культурология. 2009. № 42 (180). С. 77–81.

88. Концепция Государственной миграционной политики Российской федерации на период до 2025 г. // Федеральная миграционная служба. 16 с. URL: http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/07c/kgmp.pdf (дата обращения: 10.06.2013).

89. *Коробков А., Мукомель В.* Опыт миграционной политики США: уроки для России / Миграция в России. 2000–2012 / Под общ. ред. И.С. Иванова. М.: Спецкнига, 2013. Т. 2. С. 365–392.

90. *Коршунова Н.Е., Шатаева О.В., Шатаева И.И.* Факторы социальной адаптации мигрантов на Московском рынке труда. М.: РХТУ им. Д.И. Менделеева, 2013. 108 с.

91. *Крайнов В., Масленкова Е., Челидзе Н.* Влияние миграции на экономику // Методология и методы изучения миграционных процессов. М., 2007. С. 316–343.

92. *Кузнецов И.М.* Адаптационные стратегии мигрантов в условиях мегаполиса (на примере г. Москвы): автореф. дис. … канд. социол. наук. М., 2006. 23 с.

93. *Кузнецов И.М., Мукомель В.И.* Формирование этнических ниш в российской экономике // Московский дом национальностей. 2011. URL: http://mdn2011.web.belti.ru/cntnt/blocksleft/menu_left/nacionalny/publikacii2/stati/im_kuzneco.html (дата обращения: 15.03.2013).

94. *Кумсков Г.* Кыргызстан: развитие потенциала денежных переводов трудовых мигрантов // Международная миграция населения на постсоветском пространстве: двадцать лет удач, ошибок и надежд / Гл. ред. В.А. Ионцев. М.: Верди, 2011. Вып. 25. С. 149–160.

95. *Ларин А.Г.* Китайская миграция и российское общественное сознание // Российско-китайское сотрудничество: проблемы и решения: мат-лы Всерос. науч.–практич. конф. г. Москва, 21–22 декабря 2006 г. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 107–113.

96. *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.

97. *Ларин В.Л., Ларина Л.Л.* Внешнее влияние и иностранное присутствие в Тихоокеанской России в восприятии ее жителей (по итогам опроса общественного мнения) // Россия и АТР. 2012. № 4 (78). С. 16–28.

98. *Левинсон А.* Не нация, а профессия. К разговорам об этническом предпринимательстве // «Неприкосновенный запас» 2007. № 1 (51) URL:http://magazines.russ.ru/nz/2007/1/le17.html (дата обращения: 23.11.2013).

99. *Левитов И.* Желтая раса. СПб.: Типография инженера Г.А. Бернштейна, 1900. 49 с.

100. *Лепшокова З.Х.* Стратегии адаптации мигрантов и их психологическое благополучие (на примере Москвы и Северного Кавказа). М.: Грифон, 2012. 192 с.

101. *Максакова Л.П.* Оценка перспектив миграции населения из Узбекистана // Международная миграция населения на постсоветском пространстве: двадцать лет удач, ошибок и надежд / Гл. ред. В.А. Ионцев. М.: Верди, 2011. Вып. 25. С. 171–186.

102. *Малаха В.* Этничность в Большом городе // Неприкосновенный запас. 2007. № 1 (51). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2007/1/ma19.html (дата обращения: 23.11.2013).

103. *Малахов В.* Транснациональная миграция как проблема политической теории // РСМД: Российский совет по международным делам. 19.07.2013. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2135#top (дата обращения: 21.12.2013).

104. Международная организация по миграции. URL: http://www.iml.iom.int (дата обращения: 08.10.2013).

105. *Метелев И.С.* Миграция, цивилизация, адаптация (концептуальная связь понятий). Омск: ИП Скорнякова Е.В., 2012. 164 с.

106. Мигранты и рынок труда. [Электронный ресурс]. 14.06.2012. URL : http://fom.ru/Ekonomika/10484 (дата обращения 15.06.2012).

107. Миграция вносит растущий вклад в формирование населения принимающих стран // Демоскоп Weekly: демографический еженедельник. 2003. URL: http://demoscope.ru/weekly/2003/0137/barom04.php (дата обращения: 03.11.2012).

108. Миграция населения Приморского края: стат. бюллетень с аналитической запиской. Владивосток: Приморскстат, 2011. 84 с.

109. *Минакир П.А.* Россия–Китай на Дальнем Востоке: мнимые страхи и реальные угрозы // Пространственная экономика. 2009. № 3 (19). С. 7–19.

110. *Минакир П.А., Прокапало О.М.* Региональная экономическая динамика. Дальний Восток / Отв. ред. В.В. Кулешов. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 304 с.

111. *Мищук С.Н.* Внутренняя и международная миграция на российском Дальнем Востоке в середине XIX в. – начале XXI в. // Известия РАН. Серия географическая. 2013. С. 33–42.

112. *Мищук С.Н.* Международная трудовая миграция в ргионе: мнение власти // Современные проблемы регионального развития: мат-лы III Межд. конференция. Биробиджан, 2010. С. 187–188.

113. *Мищук С.Н.* Международная трудовая миграция в регионе: проблемы трансграничного взаимодействия // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 36 (171). С. 37–43.

114. *Мищук С.Н.* Международная трудовая миграция в регионе: проблемы трансграничного взаимодействия // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 36 (171). С. 37–43.

115. *Мищук С.Н.* Миграция и национальный состав населения на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI вв. // Известия ИГУ. Серия: Политология. Религиоведение. 2013. № 2.2. С. 210–221.

116. *Мищук С.Н.* Особенности международной трудовой миграции из Китая в Россию (на примере Дальневосточного федерального округа) // Экономика региона. 2014. № 2. С. 194–202.

117. *Мищук С.Н., Аносова С.В.* Миграционная ситуация как отражение социально-экономических процессов в Еврейской автономной области // Уровень жизни. 2013. № 1 (179). С. 47–54.

118. *Мокин К.С.* Балаково: миграционные истории армян // Социс: электрон. журнал. 2007. № 2. С. 2. URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2007-02/Mokin.pdf html (дата обращения: 17.01.2014).

119. *Молодикова И.Н.* Венгрия, Будапешт. Особенности этнических миграций в странах Центральной Европы в XX – начале XXI века // Центр миграционных исследований. URL: http://migrocenter.ru/publ/konfer/kavkaz/m_kavkaz039 (дата обращения 24.10.2013).

120. *Молодикова И.Н.* Основные этапы и методы управления трудовой миграцией в западноевропейских странах // Демоскоп Weekly: демографический еженедельник. 2003. URL: http://demoscope.ru/weekly/2003/0121/analit02.php (дата обращения 19.12.2013).

121. Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения субъектов РФ в 2011 г. // Федеральная миграционная служба. 2012. 17 с. URL: http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/monitoring/ (дата обращения: 25.03.2013).

122. Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения субъектов Российской Федерации в IV квартале 2013 г. // Федеральная миграционная служба. 2014. 14 с. URL: http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/monitoring/ (дата обращения: 05.03.2014).

123. *Мотрич Е.Л.* Мигранты на российском Дальнем Востоке и оценка их взаимоотношений с местным населением // ДВОПП: Дальневосточное отделение промышленников и предпринимателей. 2013. URL: http://www.dvop.ru/index.php/incomingmail/829-2013-02-20-05-43-48 (дата обращения: 20.12.2013).

124. *Мотрич Е.Л.* Миграция как фактор развития Дальнего Востока // Центр миграционных исследований. 2007. URL: http://www.migrocenter.ru/publ/ konfer/ekaterinburg/m_ekaterinburg07.php (дата обращения 12.04.2012).

125. *Мотрич Е.Л.* Трансформация миграционных связей Дальнего Востока России со странами ближнего и дальнего зарубежья // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 74–95.

126. *Мотрич Е.Л., Кравчук С.А.* Государственная политика хозяйственного освоения и заселения Дальнего Востока с конца XIX в. до середины 1980-х годов // Вестник ДВО РАН. 2006. № 6 (130). С. 120–128.

127. *Мукомель В.* Методические и практические аспекты изучения интеграции иммигрантов: специфика постсоветского пространства // Методология и методы изучения миграционных процессов / Под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. М.: ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ», 2007. С. 165–192.

128. *Мукомель В.И.* Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. 2011. № 1. С. 34–50.

129. Новости трудовой миграции из Таджикистана. Обзор интернет СМИ ЦА и Российской Федерации [Электронный ресурс]. 2012. 18 с. URL: https://auca.kg/uploads/Migration/digest_5/03.pdf (дата обращения: 15.09.2013).

130. *Оболенский (Осинский) В.В.* Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. 138 с.

131. *Орлов А.Д.* Гипериммиграция: миф о «нехватке рабочих рук» и объективные принципы выбора миграционно-демографической стратегии РФ // Национальная идентичность России и демографический кризис: мат-лы II Всерос. научн. конф. Москва, 15 ноября 2007 г. М.: Научный эксперт, 2008. С. 197.

132. Основные направления социальной интеграции членов семей иностранных работников в Санкт-Петербурге на 2013–2015 годы [Электронный ресурс]. 2012. 17 с. http://www.vd-spb.ru/files/osnovnie_napravleniya_sotzialnoiy_integratzii_chlenov_semeiy_inostrannih_rabotnikov_v___pb_2013_2015.pdf (дата обращения: 12.09.2013).

133. Основные показатели социально-экономического положения регионов ДФО в

2012 году: Стат. бюллетень. Хабаровск: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, 2013. Ч. I. 58 с.

134. *Островская Е.А.* Транснациональные пространства глобальных межкультурных взаимодействий: методология социологического изучения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI, № 2 (67). С 168–188.

135. Отчет о консультативной встрече по обсуждению стратегий социальной интеграции трудящихся мигрантов и членов их семей в странах назначения мигрантов. Алматы, 3–4 апреля 2012 г. Алматы, 2012. 14 с.

136. Отчет по результатам социологического исследования уровня удовлетворенности населения состоянием межнациональных отношений на территории Амурской области. 2014. 4 с.

137. Официальный информационный пакет о Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: сб. информац. мат-лов / Общ. ред. К.О. Ромодановский. Тверь: ООО «ИПК Парето-Принт», 2013. 270 с.

138. *Петров В.Н.* Этнические миграционные процессы в современной России: теоретические подходы к исследованию эмпирического многообразия / Миграция и развитие (Пятые Валентеевские чтения): мат-лы междунар. конф., посвященной 85-летию со дня рождения профессора Д.И. Валентея и 40-летию со дня основания кафедры народонаселения МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, 13–15 сентября 2007 г. М.: Издательство МГУ, СП Мысль, 2007. Т. 1. С. 65–79.

139. *Плохих С.В., Ковалева З.А.* История отечества. Владивосток: ДВГУ, 2002. 169 с.

140. Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетр. / Гл. ред. И.С. Иванов. М.: Спецкнига, 2013. С. 5.

141. *Полурос Т.* Нация надеется на молодых // Российская газета. 2013. № 72 (6344). С. А15.

142. *Поставнин В.* Влияние миграции на развитие // Миграция в России. 2000–2012 / Под общ. ред. И.С. Иванова. М.: Спецкнига, 2013. Т. 1, Ч. 3. С. 171–184.

143. Правовое обеспечение Государственной Программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом // Федеральная миграционная служба. 2013. URL: http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/ (дата обращения: 18.02.2013).

144. *Преображенская Н.М.* Философские аспекты миграционных процессов // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2004. № 6. С. 76–90.

145. Приморская общественная организация узбеков «Адолат» открыла офис во Владивостоке // PrimaMedia.ru: новости. 2013. URL: http://primamedia.ru/news/economics/13.02.2012/191022/primorskaya-obschestvennaya-organizatsiya-uzbekov-quot-adolat-quot-otkrila-ofis-.html (дата обращения: 24.06.2013).

146. Проблемы включения социологии в систему научного управления российским обществом. Доклад Директора ИСПИ РАН академика Г.В. Осипова на заседании Президиума РАН. 24.06.2008. 31с.

147. *Прохоров Б.Б.* Адаптация человека // Научно-информационный портал ВИНИТИ. URL: http://science.viniti.ru/index.php?&option=com_content&task=view&Itemid=139&Section=&id=316&id_art=A004066 (дата обращения: 10.01.2014).

148. *Прохорова А.* Политика интеграции мигрантов в России: пример оценки с ис-

пользованием индекса интеграции MIPEX // Демоскоп Weekly: демографический еженедельник. 2011. URL: http://demoscope.ru/weekly/2011/0479/analit05.php (дата обращения: 21.12.2013).

149. Психология этнических миграций и аккультурации // Психология / Под ред. В.Н. Дружинина. СПб., М., Харьков, Минск: Издательский дом «Питер», 2001.

150. *Пядухов Г.А.* Этнические группы мигрантов: тенденции притока, стратегии поведения. Пенза: ПГАСА, 2003. 132 с.

151. Распоряжение Правительства Российской Федерации «Критерии оценки эффективности реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» от 24 октября 2013 г. № 1947-р.

152. Региональная программа в области трудовой миграции в Центральной Азии и России // IOM. Российская Федерация. URL: http://moscow.iom.int/russian/ractivities_labormigration_CARM_general.html (дата обращения: 08.01.2014).

153. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. М.: Росстат, 2011. 990 с.

154. *Рождественский А.* Будет ли Дальний Восток китайским? КНР продолжает мирную «экспансию на Север». 2008. URL: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1213967580 (дата обращения: 30.05.2012).

155. Российские регионы: мера гостеприимства [Электронный ресурс]. 31.05.2012. URL : http://fom.ru/Obraz-zhizni/10458 (дата обращения 15.06.2012).

156. Россия в цифрах. 2013: Крат. стат. сб. М.: Росстат, 2013. 573 с.

157. Русский язык вернулся в Таджикистан // Tajmigrant.com: Общероссийское общественное движение «Таджикские трудовые мигранты». 2011. URL: http://tajmigrant.com/russkij-yazyk-vernulsya-v-tadzhikistan.html (дата обращения: 24.12.2013).

158. *Рыбаковский Л.Л.* Демографический потенциал Дальнего Востока, его динамика и качество // Доклад на Пятый Дальневосточный междунар. форум. Хабаровск, 4–5 октября 2011 г. URL: http://rybakovsky.ru/naselenіereg1.html (дата обращения: 12.04.2012).

159. *Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения. Три стадии миграционного процесса. (Очерки теории и методов исследования). М.: Наука, 2001. 114 с.

160. *Рыбаковский Л.Л.* Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: «Наука», 1990. 168 с.

161. *Рыбаковский Л.Л., Рязанцев С.В.* Международная трудовая миграция в Россию и принципы новой миграционной политики // Использование иностранной рабочей силы в России: проблемы и перспективы: мат-лы круглого стола / Отв. ред. Б.А. Хейфец. М.: ИМЭПИ РАН, 2005. С. 7–13.

162. *Рыжова Н.П.* Феномен этнического предпринимательства: западная традиция и российское прочтение // Новые российские гуманитарные исследования. 2008. URL: http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php?aid=77 (дата обращения: 10.05.2013).

163. *Рязанцев С.* Миграционные тренды и международная безопасность // Международные процессы. 2003. Т. 1, № 3 (3). URL : http://www.intertrends.ru/three/003.htm (дата обращения: 20.02.2013).

164. *Рязанцев С.В.* Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов // Общественные науки и современность. 2000. № 5. С. 73–86.

165. *Рязанцев С.В., Хорие Н.* Моделирование потоков трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию. М.: Научный мир, 2011. 192 с.

166. *Саркорова А.* Таджикских гастарбайтеров будут учить русскому языку // BBC: Русская служба. 01.02.2011. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2011/02/110201_tajik_russian.shtml (дата обращения: 02.03.2013).

167. *Сафонова М.А.* Концепции функционирования мигрантских сообществ в американской социологии // Социологические исследования. 2012. № 5. С. 106–117.

168. *Свидерская В.В.* Демографическая политика Советского государства на Дальнем Востоке (60–80-е гг. XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2008. 163 с.

169. *Сидоркина З.И.* Иммиграция в демографическом развитии Дальнего Востока: препринт. Владивосток: Дальнаука, 2007. 36 с.

170. *Синькевич Я.Ю.* История трудовой миграции на Дальнем Востоке // Наследие предков. 2004. № 19. С. 34–43.

171. *Снисаренко А.* Этническое предпринимательство в большом городе современной России (на материалах исследования азербайджанской общины Санкт-Петербурга // НарКом. URL: http://www.narcom.ru/publ/info/522 (дата обращения: 13.10.2013).

172. *Соснина И.В.* Адаптационный потенциал мигрантов и принимающего населения: выбор стратегии // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2010. № 4 (49). Вып. 1. С. 262–268.

173. Социально-демографическая безопасность регионов России: результаты диагностики в 2000–2006 г. / Под ред. А.И. Татаркина, А.А. Куклина. Екатеринбург: ИЭ Уро РАН, 2008. 78 с.

174. Справочник по терминологии в области миграции. Русско-английский. Handbook on Migration Terminology. Russian-English. Международная организация по миграции. 2011. 166 p.

175. Стратегия интеграции мигрантов в г. Москве (проект) // Союз журналистов России. URL: http://www.ruj.ru/_projects/the-strategy-of-social-integration-of-migrant-workers-.php (дата обращения: 20.12.2013).

176. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]. 2009. URL: http://archive.kremlin.ru/text/docs/2009/05/216229.shtml (дата обращения: 30.04.2009).

177. Стратегия социальной интеграции трудящихся-мигрантов в принимающее сообщество г. Алматы. Алматы, 2012. 28 с.

178. *Тарасова Е.В.* Миграционные процессы в Алтайском крае и задачи региональной политики // Национальная идентичность России и демографический кризис: мат-лы II Всеросс. научн. конф. Москва, 15 ноября 2007 г. М.: Научный эксперт, 2008. С. 296.

179. *Татценко К.В.* Тенденции экономического взаимодействия Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Владивосток: Дальнаука, 2006. 216 с.

180. *Титов В.Н.* О формировании образа этнического мигранта (анализ публикаций прессы) // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 41–50.

181. *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследование по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

182. *Тишков В.А.* Рыночная экономика и этническая среда // Демоскоп Weekly: демографический еженедельник. 2007. № 271–272. URL: http://demoscope.ru/weekly/2007/0271/analit03.php (дата обращения: 18.06.2-14).

183. *Топилин А.В.* Взаимодействие миграционных и этнических процессов. М.: Экон-информ, 2010. 170 с.

184. Трансграничные миграции и принимающее сообщество: механизмы и практики взаимной адаптации / Науч. ред. проф. В.И. Дятлов. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2009. 396 с.

185. Труд и занятость в Амурской области в 2011 году: стат. сб. Благовещенск: Амурстат, 2012. 134 с.

186. Труд и занятость в России. 2013: Стат. сб. М.: Росстат, 2013. 661 с.

187. Труд и занятость в Сахалинской области (2005–2009 гг.): стат. сб. Южно-Сахалинск: Сахалинстат, 2010. 127 с.

188. Труд и занятость в Хабаровском крае: стат. сб. Хабаровск: Хабаровскстат, 2011. 156 с.

189. *Трыканова С.А.* Организационно-правовое регулирование миграции в России и Европе: сравнительный анализ. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2012. 192 с.

190. *Ульмасов Р.* Таджикская миграция: история, последствия и уроки // Международная миграция населения на постсоветском пространстве: двадцать лет удач, ошибок и надежд / Гл. ред. В.А. Ионцев. М.: Верди, 2011. Вып. 25. С. 161–170.

191. Условия и цена интеграции мигрантов [Электронный ресурс]. 06.06.2012. URL : http://fom.ru/Obraz-zhizni/10465 (дата обращения 15.06.2012).

192. Устав Общероссийской общественной организации «Союз армян России» // Хабаровское региональное отделение САР. URL: http://www.khabsar.ru/%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2/tabid/79/Default.aspx (дата обращения: 26.06.2013).

193. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и о признании утратившими силу отдельных положений Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 18.07.2006 №110-ФЗ // КонсультантПлюс. 2006. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=156767 (дата обращения: 18.02.2013).

194. Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18.07.2006 N 109-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // КонсультантПлюс. 2006. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156942/ (дата обращения: 18.02.2013).

195. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ // Консультант Плюс. 2002. URL: http://www.consultant.ru/popular/pravove-polozhenie-inostrannyh-grazhdan-v-rf/ (дата обращения: 18.02.2013).

196. Философский словарь [Электронный ресурс]. 2008. URL: http://www.psyoffice.ru/6-1070-proizvoditelnye-sily-i-proizvodstvenye-otnoshenija.html (дата обращения: 30.11.2012).

197. *Хантингтон С.* Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. 635 с.

198. *Цапенко И.* «Ренессанс» экономической миграции на Западе / Миграция в России. 2000–2012 / Под общ ред. И.С. Иванова. М.: Спецкнига, 2013. Т. 1, Ч. 3. С. 186.

199. *Цаплин В.* Архивные материалы о числе заключенных в конце 30-х годов // СКЕПСИС: научно-просветительский журнал. 1991. URL: http://scepsis.ru/library/id_491.

html (дата обращения: 15.01.2013).

200. *Чернышев И.Е.* СМИ приграничного региона: становление и особенности функционирования (на примере Дальневосточного федерального округа): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2009. 26 с.

201. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2012 г.: стат. бюллетень. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2013. 146 с.

202. *Шкуркин А.М.* Иммиграционный потенциал труда Российского Дальнего Востока (китайцы на рынке труда Дальневосточного региона). Хабаровск: ДВГУПС, 2007. 167 с.

203. *Щитова Н.А.* Образ жизни и социально-экономическая адаптация мигрантов в Ставропольском крае // Миграция и развитие (Пятые Валентеевские чтения): мат-лы междунар. конф., посвященной 85-летию со дня рождения профессора Д.И. Валентея и 40-летию со дня основания кафедры народонаселения МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, 13–15 сентября 2007 г. М.: Издательство МГУ, СП Мысль, 2007. Т. II. С. 133–148.

204. Экономическое и социальное развитие Еврейской автономной области (к 50-летию со дня образования ЕАО): стат. сб. Биробиджан: ЦСУ РСФСР Стат. управление ЕАО, 1983. 21 с.

205. Этнические мигранты в принимающем сообществе. Ч. 1. Методология и теория исследования толерантности и мигрантофобии / Под ред. В.Н. Петрова. Краснодар: Изд-во «Просвещение-Юг», 2005. 205 с.

206. *Юдина Т.Н.* Классические и современные теории миграции в западной традиции // Миграция в России. 2000–2012. / Под общ. ред. И.С. Иванова. М.: Спецкнига, 2013. Т. 1, Ч. 3. С. 142–157.

207. *Юдина Т.Н.* Миграционные процессы: теория, методология и практика социологического исследования: дис. … д-ра соц. наук. М.: РГБ, 2005. 334 с.

208. *Юдина Т.Н.* Социология миграции. М.: Академический Проект, 2006. 272 с.

209. *Юдина Т.Н.* Социология миграции: к формированию нового научного направления. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2003. С. 311–320.

210. *Южанин М.А.* О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу //Социологические исследования. 2007. № 5. С. 70–77.

211. *Alejandro Portes, William Haller, Luis E. Guarnizo.* Transnational Entrepreneurs: The Emergence and Determinants of an Alternative Form of Immigrant Economic Adaptation // Transnational Communities Programme. Working Paper. 1997. N. 01. 41 p. URL: http://www.transcomm.ox.ac.uk/working_papers.htm (дата обращения: 22.03.2013).

212. *Amelie F. Constant, Klaus F. Zimmermann.* Migration, Ethnicity and Economic Integration. Bonn, 2009. N. 4620. 41 p.

213. *Andrea Schmelz.* Analysis of Migration Strategies in Selected Countries. Bonn: Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit (GIZ) GmbH Sector Project Migration and Development, 2012. 44 p.

214. *Andrew Markus.* Immigration and public opinion // Immigration and public opinion. 193-209 pp. URL: http://www.pc.gov.au/__data/assets/pdf_file/0017/111059/19-population-chapter10.pdf (дата обращения: 28.12.2013).

215. *Assudani R.H.* 'Ethnic Entrepreneurship: The Distinct Role of Ties' // Journal of Small Business and Entrepreneurship. 2009. N. 22 (2). Pp. 197–206.

216. *Berry J.W.* A psychology of immigration // Journal of Social Issues. 2001. N. 57. Pp. 615–631.

217. *Berry J.W.* Acculturation and adaptation: A general framework // In W. H. Holtzman & T.H. Bornemann. Mental health of immigrants and refugees. 1990. Pp. 90–102.

218. *Berry J.W., Sam D.* Acculturation and Adaptation // Handbook of Cross-Cultural Psychology. Boston: Allyn&Bacon, 1997. Vol. 3. Social Behaviour and Applications.

219. *Bleich Erik.* From International Ideas to Domestic Policies: Educational Multiculturalism in England and France // Comparative Politics 31. 1 October 1998. Pp. 81–100.

220. *Carl-Ulrik Schierup, Peo Hansen and Stephen Castles.* Migration, Citizenship and the European Welfare State: European Dilemma. New York: Oxford University Press. 2006. Pp. 122–123.

221. *Case S.* The Road to Immigration Reform. 2013. URL: http://revolution.com/revolutionary-views/post/road-immigration-reform#.U_sHBaNkHFw (дата обращения: 22.07.2013).

222. *Douglas S. Massey, Joaquin Arango, Graeme Hugo, Ali Kouaouci, Adela Pellegrino, J. Edward Taylor.* Theories of International Migration: A Review and Appraisal // Population and Development Review. 1993. Vol. 19, N. 3. Pp. 431–466.

223. *Dustmann, Christian and Ian Preston.* Is Immigration Good or Bad for the Economy? Analysis of Attitudinal Responses // Research in Labor Economics. 2004. N. 24. Pp. 3–34.

224. Economic Impacts of Immigration to the UK [Электронный ресурс]. 2012. URL: http://www.migrationwatchuk.org/briefing-paper/1.29 (дата обращения: 03.01.2014).

225. Elements of a comprehensive migration management approach. MC/INF/255. EIGHTY-FOURTH SESSION. 2002. 6 p.

226. Entrepreneurship and Migrants. OECD Centre for Entrepreneurship. 2010. 32 p. URL: http://www.oecd.org/cfe/smes/45068866.pdf (дата обращения: 05.02.2013).

227. *Esipova N., Ray J., Pugliese A.* New Migrants Struggle to Afford the Basics. Many migrants' financial situations improve with time. 2013. URL: http://www.gallup.com/poll/164429/worldwide-new-migrants-struggle-afford-basics.aspx?utm_source=alert&utm_medium=email&utm_campaign=syndication&utm_content=morelink&utm_term=All%20Gallup%20Headline (дата обращения: 28.12.2013).

228. Ethnic minority entrepreneurship // Migrant entrepreneurship entrepreneurial diversity in a unified Europe. Brussels, 2008. URL: http://ec.europa.eu/enterprise/newsroom/cf/_getdocument.cfm?doc_id=3315 (дата обращения: 12.01.2014).

229. *Eva K. Østergaard-Nielsen.* The Politics of Migrants' Transnational Political Practices // Paper given to the conference on Transnational Migration: Comparative Perspectives. Princeton University, 30 June – 1 July 2001. URL: http://www.transcomm.ox.ac.uk/working_papers.htm (дата обращения: 21.02.2013).

230. *Faist T.* Transnationalization in International Migration: Implications for the Study of Citizenship and Culture // Ethnic and Racial Studies. 2000. Vol. 23, N. 2. P. 189–222.

231. *Fergus Hanson.* Australia and New Zealand in the World public opinion and foreign policy // The Lowy Institute Poll. 2012. 32 p.

232. *Geoffrey Jones R. Daniel Wadhwani.* Entrepreneurship and Business History: Renewing the Research Agenda. 2006. 51 p.

233. *Guido Bolaf G., Bracalenti R., Braham P. and Gindro S.* Dictionary of Race, Ethnicity and Culture. London Thousand Oaks New Delhi. 2002. 374 p.

234. *Harris John R. and Michael P. Todaro.* Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis, American Economic Review, 60. 1970. 126–142.

235. *Hein de Haas.* International Migration, Remittances and Development: myths and facts // Third World Quarterly. 2005. Vol. 26, N. 8. Pp. 1269–1284.

236. *Howard E.* Aldrich. Ethnicity and entrepreneurship. North Carolina, 1990. Pp. 111–135.

237. Immigration «Fewer but better»? Public views about immigration. 2012. URL: http://www.bsa-29.natcen.ac.uk/read-the-report/immigration/introduction.aspx (дата обращения: 01.10.2013).

238. Immigration 101. A Primer on Immigration and the Need for Reform. The Federation for American Immigration Reform's. 2000. 16 p.

239. International labor migration. A rights-based approach Geneva, International Labor Office. 2010. 303 p.

240. International Migrants by Country. 2013. URL: http://www.pewsocialtrends.org/2013/12/17/migration-tables/ (дата обращения: 22.12.2013).

241. International Migration Outlook. OECD Publishing. 2011. 452 p. URL: http://dx.doi.org/10.1787/migr_outlook-2011-en (дата обращения: 20.05.2013).

242. International Migration Outlook. OECD. 2011. URL: http://dx.doi.org/10.1787/888932440698 (дата обращения: 20.06.2013).

243. International Project of the Public Union «For Human Rights» The Decline of Europe [Электронный ресурс]. 2013. URL: http://thedecline.info/en/part1 (дата обращения: 21.12.2013).

244. *James Smith.* Guatemala: Economic Migrants Replace Political Refugees. April [Электронный ресурс]. 2006. URL: http://www.migrationinformation.org/USfocus/ display.cfm?ID=392 (дата обращения: 24.12.2013).

245. *Jan Nederveen Pieterse.* Global Multiculturalism, Flexible Acculturation // Transcience Journal. 2010. Vol. 1, N. 1. Pp. 87–105.

246. *Jan Niessen, Thomas Huddleston.* Legal Frameworks for the integration of third-country nationals. BRILL. 2009. Pp. 113–114.

247. J*an Niessen.* Using MIPEX for improving integration policies [Электронный ресурс]. 2011. 12 p. URL: http://www.migpolgroup.com/publications_detail.php?id=299 (дата обращения: 24.02.2014).

248. *Jan Rath.* Ethnic entrepreneurship Concept paper. 2010. 29 p.

249. *Janet W. Salaff, Arent Greve, Siu-Lun Wong, Lynn Xu Li Ping.* Ethnic entrepreneurship, social networks, and the enclave. 2002.

250. *Kausch Irina.* Migration Policy. Guidelines for practice. Eschborn: GTZ, 2010.

251. *Koser Kh.* The business case for migration: Engaging with the private sector to encourage more proactive migration policies in the interest of economic growth and prosperity / Migration policy practice. 2013. Vol. III, N. 5. Pp. 13–16.

252. *Kurekova L.* Theories of migration: Conceptual review and empirical testing in the context of the EU East-West flows // Paper prepared for Interdisciplinary conference on Migration. Economic Change, Social Challenge. April 6–9, 2011, University College London. Central European University. 2011. 37 p.

253. Labour Market Statistics. Statistical Bulletin. Office for National Statistics. 2012. 51 p. URL: http://www.ons.gov.uk/ons/dcp171778_265818.pdf (дата обращения: 13.03.2013).

254. *Laquita C., Blockson Ph.D.* What is Minority (ethnic) Entrepreneurship? Minority Entrepreneurship (MGMT 351). 2008.

255. *Levitt P.* "Transnational Migrants: When 'Home" Means More Than One Country," Migration Information Source, Washington, D.C., 1 October 2004. http://www.migrationpolicy.org/print/4728#.U828vEBkHFw (дата обращения: 15.03.2014)

256. *Liangthe Z.* Sociology of migration // The sociology of migration. 21st century sociology. 2006. Sage publications. 19 mar. 2011. Pp. 487–495. URL: http://www.sagepub.com/oswmedia3e/study/chapters/encyclopedias/encyclopedia15.1.pdf (дата обращения: 15.10.2013).

257. *Macha Farrant, Anna MacDonald and Dhananjayan Sriskandarajah.* Migration and Development: Opportunities and Challenges for Policymakers // IOM Migration Research Series. 2006. N. 22. 58 p.

258. Majorities' attitudes towards minorities in European Union Member States Results from the Standard Eurobarometers 1997–2000–2003. Report 2 for the European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia. 01.04.2003. http://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/149-Report-2.pdf (дата обращения: 19.01.2014).

259. *Massey D.S.at all.* Theories of international migration: a review and appraisal // Population and development review. 1993. Vol. 19 (3). P. 431–466.

260. *Mattoo A., Subramanian A.* Criss-Crossing Migration Policy Research Working Paper 6539. The World Bank. Development Research Group Trade and International Integration Team. 2013. 22 p.

261. *Maxime Legros, Egide G. Karuranga, Marie-France Lebouc, Muhammad Mohiuddin.* Ethnic Entrepreneurship In OECD Countries: A Systematic Review Of Performance Determinants Of Ethnic Ventures // International Business & Economics Research Journal. 2013 Vol. 12, N. 10. Pp. 1199–1216.

262. Migrants from developing countries to send home $414 billion in earnings in 2013 [Электронный ресурс]. 2013. URL: http://www.worldbank.org/en/news/feature/2013/10/02/Migrants-from-developing-countries-to-send-home-414-billion-in-earnings-in-2013 (дата обращения: 20.11.2013).

263. Migration and Development Projects and Activities. Global migration groop [Электронный ресурс]. URL: http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd= 7&cad=rja&ved=0CFYQFjAG&url=http%3A%2F%2Fwww.gfmd.org%2Fdocuments%2Fbrussels%2Fgfmd_brussels07_contribution_results_of_the_gmg_survey_en.pdf&ei=1rS3Uq_9D8nF7AbxnIDoCw&usg=AFQjCNEW6g79K00-DqCFS9-MkuQt7oFwHg&bvm=bv.58187178,d.bGE (дата обращения: 11.08.2013).

264. Migration in an Interconnected World: New Directions for Action. Global Commission on International Migration. 2005. 89 p. URL: http://www.queensu.ca/samp/migrationresources/reports/gcim-complete-report-2005.pdf (дата обращения: 10.08.2012).

265. *Nestorowicz J.* Immigrant Self-employment: Definitions, Concepts and Methods // Central and Eastern European Migration Review. 2012. N. 1 (1). Pp. 37-55.

266. *Nigbur D., Brown R., Cameron L., Hossain R., Landau A., Dominique Le Touze, Rutland A., Watters Ch.* Acculturation, well-being and classroom behaviour among white British and British Asian primary-school children in the south–east of England: Validating a child-friendly measure of acculturation attitudes // International Journal of Intercultural Relations. 2008. N. 32. Pp. 493–504.

267. *Nina Glick Shiller, Linda Basch, Cristina Szanton Blanc.* From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration // Anthropological Quarterly. Jan., 1995. Vol. 68. N. 1. Pp. 48–63.

268. *Noga M.* Ethnic Entrepreneurship: the positive effects of immigrant entrepreneurs in the U.S. // The International Journal of Young Leaders in Entrepreneurship and Innovation. 2011. N. 3. URL: http://leadersjournal.org/International%20Journal%20of%20Young%20 Leadership%20 issue%203.pdf. (дата обращения: 11.02.2013).

269. Opinion Poll Results on Immigration. 2014. URL: http://www.migrationwatchuk.org/briefingPaper/document/249 (дата обращения: 23.03.2014).

270. *Orton A.* Building Migrants' Belonging Through Positive Interactions a Guide for Policy-Makers and Practitioners. Connecting Recognition, Participation and Empowerment To Improve Social Cohesion. Council of Europe Policy Document. 2012. 47 p.

271. Own elaboration based on data from the International Migration Outlook. 2011. URL: http://dx.doi.org/10.1787/888932440698 (дата обращения: 13.01.2014).

272. *Park A., Clery E., Curtice J., Phillips M. and Utting D.* British Social Attitudes: the 29th Report. London: NatCen Social Research, available online at: www.bsa-29.natcen.ac.uk, 2012.

273. *Patrick Taran.* Decent Work for Migrant Workers: Rights & Justice in a Globalized World Order Crisis, Migration & Precarious Work global migration Policy associates. 2012. URL: http://www.mrci.ie/wp-content/uploads/2012/10/Decent-Work-for-Migrant-Workers.-Rights-and-Justice-in-a-Globalized-World-Order.-MRCI-2012.pdf (дата обращения: 20.09.2013).

274. *Philip Ugelow, Floris van Eijk.* Everything you wanted to know about ethnic entrepreneurship in the Bijlmer, but were afraid to ask [Электронный ресурс]. URL: http://www.humanityinaction.org/knowledgebase/3-everything-you-wanted-to-know-about-ethnic-entrepreneurship-in-the-bijlmer-but-were-afraid-to-ask (дата обращения: 10.11.2013).

275. *Phillip Connor, D'Vera Cohn and Ana Gonzalez-Barrera.* Changing Patterns of Global Migration and Remittances More Migrants in U.S. and Other Wealthy Countries; More Money to Middle-Income Countries [Электронный ресурс]. 2013. URL: http://www.pewsocialtrends.org/2013/12/17/changing-patterns-of-global-migration-and-remittances/3/ (дата обращения: 10.01.2014).

276. *Phinney, Jean S., Gabriel Horenczyk, Karmela Liebkind and Paul Vedder.* Ethnic Identity, Immigration, and Well-Being: An International Perspective // Journal of Social Issues. 2001. N. 57 (3). Pp. 493–510.

277. Portal to Amsterdam. I amsterdam. URL: http://www.iamsterdam.com/en-GB/experience/about-amsterdam/areas/featured-areas/bijlmer (дата обращения: 09.01.2014).

278. *Portes A.* Globalization from Below: The Rise of Transnational Communities // Transnational Communities Programme. Working Paper. 1997. N. 01. URL: http://www.transcomm.ox.ac.uk/working_papers.htm (дата обращения: 22.03.2013).

279. *Radba Chaganti, Patricia G.* Greene Who Are Ethnic Entrepreneurs? A Study of Entrepreneursapos; Ethnic Involvement and Business Characteristics // Journal of Small Business Management. 2002. Vol. 40, Is. 2. Pp. 126–143.

280. *Russell King.* Theories and typologies of migration: an overview and a primer / Willy Brandt series of working papers in international Migration and ethnic Relations. Malmö Institute for Studies of Migration, Diversity and Welfare (MIM), Malmö University. 2012. N. 3. 48 p.

281. The “New American” Fortune 500. A report by the Partnership for a new American economy. June 2011. 43 p. URL : http://www.renewoureconomy.org/sites/all/themes/pnae/img/new-american-fortune-500-june-2011.pdf (дата обращения: 22.08.2014).

282. The agency of immigrant entrepreneurs. Biographies of the Self-Employed in Ethnic and Occupational Niches of the Urban Labor market // Journal ofAnthropologica1 Research. 2007. Vol. 63. Pp. 383–397.

283. The Status of International Ethnic Entrepreneurship Studies: A Co-citation Analysis // Journal of Entrepreneurship. 2012. N. 21. Pp. 173–199.

284. This week’s public opinion polls: the headlines on immigration // Migrants, rights network. 2012. URL: http://www.migrantsrights.org.uk/blog/2012/09/weeks-public-opinion-polls-headlines-immigration (дата обращения: 20.09.2013).

285. *Todaro M.* Internal Migration in Developing Countries. Geneva, 1976.

286. Transnationalism: Transnational Societies, Multicultural Contacts, and imaginings of Home / Editors: Brenda Yeoh, Tong Chee Kiong, and Michael Walter Charney. Kluwer Academic Publishers. Boston, 2003. Chapter 4. Pp. 61–82.

287. Trends in International Migrant Stock: The 2013 revision – migrants by destination and origin. 2013. 17 p.

288. *Triandis H.C.* Culture and social behavior. N.Y. 1997.

289. United Nations Department of Economic and Social Affairs. 2013. 6 p.

290. *Waldinger Roger, Howard Aldrich, and Robin Ward.* Ethnic Entrepreneurs: Immigrant Business in Industrial Societies / with the collaboration of Jochen Blaschke et all. Newbury Park, Calif.: Sage Publications, 1990.

291. *Wallerstein, Immanuel.* 1974. The modern World System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century . New York: Academic Press.

292. *Wasnhington D.C.* World Bank. Migration and remittances factbook. 2011.

293. What next? // Fear and Hope. 2014. URL: http://www.fearandhope.org.uk/project-report/what-next (дата обращений: 03.01.2014).

294. *Zai Liang.* The sociology of migration. State University of New York, Albany, 2006. Pp. 487–495.

295. *Zhenzhong Ma, Tangting Wang, Yender Lee.* The Status of International Ethnic Entrepreneurship Studies: A Co-citation Analysis // The Journal of Entrepreneurship. 2012. Vol. 21, N. 2. Pp. 173–199.

Светлана Николаевна Мищук

МИГРАНТЫ И ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
(на примере Дальнего Востока России)

Отв. редактор *Л.Е. Бляхер*
Компьютерная верстка, оригинал-макет *А.В. Досова*
Обложка *В.М. Демихова*
Корректор *А.В. Осыкина*

Подписано к печати 06.08.2014
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс Нью Роман».
Формат 70x100/16. Усл. п. л. 17,96. Уч.-изд. л. 13,69.
Тираж 300 экз. Заказ №

Издание отпечатано в
ООО «Амурпринт»
680015, г. Хабаровск, ул. Халтурина, д. 3а, оф. 209
тел. (4212) 60-64-82.